

Индейские сказки алгонкинов

Эджертон Райерсон Янг

Algonquin Indian Tales

Egerton Ryerson Young

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Сказки алгонкинских индейцев"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Сказки алгонкинских индейцев

Автор: Эджертон Райерсон Янг

Дата выхода: 1 января 2004 г. [Электронная книга № 10891]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Андреа Болл и команда корректоров, распространяемая онлайн.

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АЛГОНКИНСКИЕ ИНДЕЙСКИЕ СКАЗКИ" ***

ИНДЕЙСКИЕ СКАЗКИ АЛГОНКИНОВ

СОБРАНО ЭДЖЕРТОНОМ Р. ЯНГОМ

АВТОР КНИГ "НА КАНОЭ И СОБАЧЬЕЙ УПРЯЖКЕ", "АПОСТОЛ СЕВЕРА",
"ТРИ МАЛЬЧИКА В ДИКОЙ СЕВЕРНОЙ СТРАНЕ" И ДР.

Авторское право
1903

ПИСЬМО ВОЖДЯ БОЛЬШОГО КАНОЭ

ОСТРОВ ДЖОРДЖИНА, ОЗЕРО СИМКО.
ПРЕПОДОБНЫЙ. ЭДЖЕРТОН Р. ЯНГ.

ДОРОГОЙ ДРУГ, Твоя книга историй, собранных среди моего племени, очень понравилась мне. Читая их, я вспоминаю давние времена, когда я был мальчиком и слышал, как наши старики рассказывали эти сказки в вигвамах и у лагерного костра.

Я очень рад, что вы таким образом спасаете их от забвения, и я уверен, что многие люди будут рады их прочитать.

С наилучшими пожеланиями,

КЕЧЕ ЧЕМОН (каное Чарльза Биг),

Вождь оджибвеев.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Во все века, начиная с глубочайшей древности, рассказчик историй процветал. Свидетельства о его существовании можно найти среди самых древних памятников и письменностей Востока. В Египте, Ниневии, Вавилоне и других древних землях он процветал, и в домах самых знатных людей он всегда был почетным гостем.

Старейший из ныне существующих сборников фольклорных историй или мифов имеет восточноиндийское происхождение и сохранился на санскрите. Сборник называется *Хитопадеса*, а автором был Вешну Сарма. Об этом сборнике сэр Уильям Джонс, великий востоковед, писал: "Басни Вешну - самое красивое, если не самое древнее собрание апологетических произведений в мире". Еще в шестом веке с них были сделаны переводы.

Та же любовь к мифам и легендам существует и сегодня в этих восточных странах. Там, где древность и история так упорно сопротивляются любым изменениям — в Персии, Индии, Китае, да и вообще на всем этом почтенном Востоке, — человек, умеющий читать древние апологии или легенды прошлого, всегда может привлечь аудиторию и привлечь самое пристальное внимание.

Хотя общее впечатление таково, что пересказ этих древних мифов и легенд у восточных народов был просто развлечением толпы, хорошо иметь в виду, что многие из них использовались как средство донести великие истины или обличить ошибки. Следовательно, их рассказ не ограничивался простой любознательной аудиторией, желавшей развлечься. У нас есть хороший пример этого в случае с изложением Иофамом, записанным в книге Судей, легенды о сборе деревьев с целью помазания одного из них на царство над остальными. Комментатор этой легенды доктор Адам Кларк говорит: "Это самая старая и, без исключения, лучшая басня или апология в мире".

Деспотический характер правительств этих восточных народов приводил к тому, что люди часто использовали басню или миф как косвенный способ порицания, когда было бы небезопасно использовать прямую форму речи. В результате она достигла там более высокой степени совершенства, чем у любого другого народа. Прекрасным примером является упрек Нафана Давиду в пересказе басни об овце бедняка.

Краснокожие индейцы Америки по праву славились своими мифами и легендами. Мы никогда не слышали о племени, у которого не было бы их запасов. Даже выносливый эскимос в своем ледяном иглу удивительно богат фольклорными историями. Подарок в виде ножа или какой-нибудь другой мелочи, которую он пожелает, заставит его часами рассказывать своему гостю, будь то отважный торговец или искатель приключений, о традициях, которые дошли до него. Обмен визитами между северными индейцами и эскимосами привел к открытию того, что довольно много мифов, рассказываемых в индейских вигвамах, в определенной степени, если не полностью, имеют эскимосское происхождение. С другой стороны, эскимосы не преминули

использовать и включить в свой собственный богатый запас некоторые из них, несомненно, индийского происхождения.

В течение тридцати или более лет мы собирали эти мифы и легенды. Иногда в каком—нибудь вигваме можно было услышать короткую фразу или две из одной—единственной - этого было достаточно, чтобы возбудить любопытство, - а затем проходили годы, прежде чем можно было узнать всю историю целиком. Поскольку у племен не было письменности и индейцам приходилось полностью полагаться на свою память, неудивительно, что временами возникали большие расхождения в изложении даже самых знакомых их историй. Мы слышали одну и ту же легенду, рассказанную несколькими рассказчиками, и ни один из них не сходилась во многих деталях. Другие, однако, были рассказаны с очень небольшими отличиями.

Мы взяли курс на запись того, что казалось нам наиболее естественной версией и наиболее гармонировало с инстинктами и характеристиками чистокровного индейца. Внимательный научный исследователь индийского фольклора увидит, что мы смягчили некоторые выражения и устранили несущественные детали. Грубые индийские языки, хотя и абсолютно свободны от богохульства, не всегда могут быть переведены буквально. *Verbum sat sapienti.*

Метод, который мы применили при изложении этих мифов и легенд в связи с болтовней и замечаниями наших малышей, хотя и необычен, но, мы надеемся, окажется привлекательным и интересным. Мы постарались сделать ее книгой для всех классов. Вот несколько старых мифов в новых условиях, а вот некоторые, осмелимся предположить, которые никогда раньше не были замечены в английской одежде. Они заинтересуют изучающих подобные предметы, а общий стиль книги, мы надеемся, сделает ее привлекательной для юных читателей.

Нанахбужу, персонаж, играющий главную роль в этих мифах, является наиболее широко известным из всех тех существ предполагаемого чудесного рождения, которые играли такие заметные роли в индийских легендах. Похоже, на него не претендовало какое-то одно конкретное племя. Несомненно, легенды о нем передавались с тех времен, когда разделение племен происходило не так широко; когда, возможно, алгонкины, ныне столь разделенные, были одним большим племенем, говорящим на одном языке.

Разнообразие имен, под которыми он известен, объясняется этим племенным разделением и быстрыми изменениями, произошедшими в языке из-за отсутствия письменной формы для поддержания его единства.

Каково было его первоначальное имя, когда о нем впервые начали рассказывать легенды, конечно, неизвестно. Однако с тех пор, как белая раса начала собирать и записывать эти индийские мифы, он был известен как Миша-вабус, Манабуш, Джоус-кеха, Мессоу, Манабожо, Нанахбужу, Гайавата, Чиabo, Сингуа-сев - и даже были услышаны некоторые другие имена. В этом томе мы дали ему имя Нанахбужу, поскольку оно чаще всего использовалось индейцами, среди которых мы жили или посещали.

Среди племен больше единодушия по поводу его происхождения, чем по поводу его имени. Почти все считают, что он был сыном Муджживиса, Западного Ветра. Его матерью была Венона, дочь Нокомиса.

Автор с большой благодарностью хотел бы выразить свою признательность за помощь или подсказки, полученные в приятной работе по объединению здесь этих индийских фольклорных

историй, многим друзьям, среди которых такие индийские миссионеры, как Revs. Питеру Джонсу, Джону Санди, Генри Стейнхэму, Аллану Солту, а также его индейским друзьям и товарищам у многих лагерных костров и во многих вигвамах. Он также хотел бы таким образом выразить свою признательность за замечательные отчеты Смитсоновского института и выразить свою признательность за них. Там он получил подтверждение и более полную информацию, касающуюся многих почти забытых легенд.

Что касается ряда прекраснейших фотоиллюстраций в книге, автор с благодарностью признает свои обязательства перед Канадско-Тихоокеанской железнодорожной компанией, без помощи которой было бы невозможно добраться до многих возвышенных и романтических мест, изображенных здесь; до недавнего времени они были известны только отважным охотникам на краснокожих индейцев, но теперь стали доступны любому предприимчивому туристу.

Содержание

ГЛАВА I.

Дети, похищенные индейцами—Пир в вигваме—Суванас, рассказчик-Нанахбужу, индийский миф—Как волки украли Его обед и почему кора березы покрыта шрамами —Почему у енота кольца на хвосте.

ГЛАВА II.

Возвращение детей —Возмущение Мэри, медсестры—индианки —Ее трогательная история—Ее любовь к детям-История Ваконды и происхождения комаров.

ГЛАВА III.

Подробнее о Мэри и детях —Миннехаха ужалена пчелами—Как пчелы получили свои укусы—Что случилось с медведями, которые пытались украсть Мед.

ГЛАВА IV.

История любви Ваконтаса—Его Испытание двумя девушками—Его выбор—Преображение Мистикузиса.

ГЛАВА V.

Пугающий плакат—Что случилось с Маленькими беглянками—Спасательница—Мэри рассказывает Им Легенду о Ласточках — Как были наказаны Жестокие Люди, которые дразнили Мальчика-сироту.

ГЛАВА VI.

Суванас рассказывает о происхождении и странных поступках Нанахбужу, о том, как он потерял Своего Брата Нахпути, Волка, и почему Зимородок носит Белый воротничок.

ГЛАВА VII.

Легенда о Плохом мальчике — О том, как Его унесла Аннунгити и как Его спасла Мать.

ГЛАВА VIII.

Счастливых рождественских праздников—Индейцы порадовали подарками—Суванас рассказывает, как Нанахбужу украл Огонь у Старого Волшебника и отдал его индейцам.

ГЛАВА IX.

Киннесасис — Как Койот добыл Огонь из недр Земли.

ГЛАВА X.

Рождественская посылка—Раздача подарков —Поездка на собачьей упряжке при температуре пятьдесят пять ниже нуля -Суванас рассказывает, как индейцы впервые научились делать кленовый сахар.

ГЛАВА XI.

Мэри рассказывает Легенду о происхождении Болезней — Странных Советах, Проводимых Животными против их Общего Врага, Человека.

ГЛАВА XII.

Как назвали Ребенка —Путешествие на каноэ—Легенда об открытии медицины—Как Бурундук принес Благою весть.

ГЛАВА XIII.

В вигваме Суванаса — Как Серый Волк преследовал Вобену и как Нанахбужу наказала Его.

ГЛАВА XIV.

Трогательная история любви Вобену—Предательство Серого Волка—Легенда о Виски Джеке.

ГЛАВА XV.

Новая раса: Росомаха и Скала — Как укоротили ноги Росомахи —Наказание за самомнение.

ГЛАВА XVI.

Легенда о Детях—близнецах Солнца — Как Они избавили Землю от некоторых Великих Монстров - Их Великая битва с Великаном Никучисом.

ГЛАВА XVII.

Суванас рассказывает о Странном Способе, которым Нанахбужу уничтожил Мушекиннебика, Последнего из Великих Монстров.

ГЛАВА XVIII.

Добро пожаловать весной в Северные земли—Как Нанахбужу убил Большого Белого морского льва, Главу Волшебников—Месть—Наводнение—Побег Нанахбужу и Животных на плоту—Создание Нового мира.

ГЛАВА XIX.

Среди шиповника и диких роз —Почему у роз есть шипы—Почему Дикие кролики зимой белые.

ГЛАВА XX.

Проходящие мимо Охотники и их Добыча —Тщеславная Женщина —Почему у Куницы Белое пятно на груди.

ГЛАВА XXI.

Отстрел гагар—Почему у гагары плоская спина, красные глаза и такие странные лапы—Нанахбужу теряет свой обед—Происхождение лишайников—Почему некоторые ивы красные—Куропатка.

ГЛАВА XXII.

Поездка Нанахбужу на спине канюка, который позволяет Ему упасть — Недолгий Триумф - Почему у Канюка нет перьев на голове или шее.

ГЛАВА XXIII.

Прогулка при луне по озеру —Легенда о Мальчике—сироте—Его обращение к Человеку на Луне - Как Он победил Своих врагов.

ГЛАВА XXIV.

Любовь Суванаса к Суванакенапеке—Как Нанахбужу вылечила Маленькую девочку, укушенную змеей—Откуда у Гремучей Змеи появилась погремушка—Происхождение табака—Нанахбужу в беде.

ГЛАВА XXV.

Мертвый лось —Соперничество между Лосями и Лосиным народом и их различные Состязания—Бедствие, постигшее Последнее племя —Дымка Бабьего лета.

Глоссарий

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Кролик рассказывает Нанахбужу о своих неприятностях

Когда дети обнялись, Суванас начал свой рассказ

Дикий и живописный водопад Ка-Ка-Бе-Ка

Они выли от ярости и ужаса

Потрясающий плакат
В то время как ее пара стояла рядом с ней
Их окружали свирепые индейские собаки
Прекрасные отражения в воде
Они опрокинули высокого призрака
Их собачьи поезда пользовались постоянным спросом
Где был украден огонь
Койот был слишком быстр для них
По единственному бревну на головокружительной высоте
Которую белые люди теперь называют Соборной горой
Их дети с ними
Устроил ему такую ужасную взбучку
Большой камень, несомненно, догонял его
Ложа кровавых индейцев солнечного танца
Они оба бросили свои волшебные палочки
Он прыгнул в открытую пасть
Он убежал на Запад, в великие горы
Вигвамы и индейцы
Индийский рассказчик
Затем Нанахбужу взобрался на спину большого канюка
С Мэри и Кеннеди в березовом каноэ
Нанахбужу сильно подтолкнула его
Они были взволнованы его приходом

Индейские сказки алгонкинов

ГЛАВА I.

Дети, похищенные индейцами—Пир в вигваме—Суванас, рассказчик-Нанахбужу, индийский миф—Как волки украли Его обед и почему кора березы покрыта шрамами —Почему у енота кольца на хвосте.

Даже не постучав в дверь, в наш северный дом бесшумно вошли два крупных, некрасивых индейца. Они не обратили ни малейшего внимания на присутствующих взрослых бледнолицых, но по-своему призрачно прошествовали через комнату в угол, где двое маленьких детей играли на полу. Быстро, но осторожно подняв их, они взвалили себе на плечи, а затем, не сказав ни слова приветствия и даже не взглянув на родителей, бесшумно вышли из этой узкой двери и исчезли в девственном лесу. Это были язычники Солто, по имени Суванас и Джакус.

Индейскими именами, которыми местные жители называли этих двоих детей, были "Сагастаукему", что означает "Джентльмен восхода солнца", и "Миннехаха", "Смеющиеся воды".

В вигвам Суванаса, "Южного Ветра", несли этих детей. Они не боялись этих здоровенных индейцев, хотя мальчику было всего шесть лет, а его младшей сестре - всего четыре. Они научились смотреть смеющимися глазами даже на самое свирепое и уродливое из этих красных лиц и сделали их своими друзьями.

Так что даже сейчас, уносясь прочь среди густых деревьев, они весело смеялись и перекрикивались друг с другом. Яркие солнечные пятна на земле, поющие птицы и несколько ярких летних цветов вызывали у них восторженные возгласы, в то время как все это время серьезные, молчаливые индейцы уводили их все глубже и глубже в лес. И все же они тщательно охраняли свою драгоценную поклажу, и как рогатые олени, проходя по густому лесу и под низкими ветвями, никогда не задевают ствол или сук, так и эти сыны леса быстро скользили дальше, не допуская, чтобы дети бледнолицых пострадали, даже если временами едва заметная тропа вела их по скользким камням и под низкими переплетающимися ветвями.

Вигвам Суванаса был разбит в красивом месте на опушке большого леса, недалеко от песчаного и скалистого восточного берега озера Виннипег. Это большое озеро правильно называть Морем, что означает его индейское название. Оно примерно такое же длинное, как озера Онтарио и Эри вместе взятые, а в некоторых местах достигает восьмидесяти миль в ширину.

У входа в вигвам, который был сделан из пары дубленых оленьих шкур, детей осторожно сняли с плеч мужчин и затем отнесли в это индейское жилище. Внезапно оказавшись в ярком солнечном свете, они не сразу смогли что-либо разглядеть. Дверной клапан из оленьей кожи опустился за ними, как занавес. Весь свет проникал внутрь через отверстие в верхней части, там, где шесты вигвама пересекались друг с другом. Однако вскоре они смогли разглядеть кружок индейских детей, собравшихся вокруг небольшого костра, который тлел на земле в центре палатки. Сейчас было приятное летнее время, но огонь был нужен не только для тепла, как вскоре обнаружили маленький Сагастао и Миннехаха. Вскоре они уже сидели в кругу с краснокожими детьми, которые, несмотря на свой юный возраст, были немного поражены, увидев этих маленьких бледнолицых. Белые дети, однако, просто радостно рассмеялись. Эта внешняя демонстрация показалась очень неприличной молчаливым красным детям, которых учили воздерживаться от выражения своей радости или печали.

Индейцы привезли белых детей по характерной причине. Они говорили между собой: "Если белые отец и мать любят нас так, как они говорят, мы испытаем их, забрав их детей, не спрашивая разрешения". Они также хотели показать свою любовь к детям и поэтому действительно пригласили их на детский праздник.

Пожалуй, это было самое странное чаепитие, о каком вы когда-либо слышали. Не было стола, на который можно было бы поставить все вкусное, приготовленное для пира. Ни тарелок, ни чашек с блюдами, ни ножей, ни ложек, ни даже стула! Не было ни пирожных, ни тортов, ни джема, ни пирогов, ни даже хлеба с маслом!

"Ну и пир!" - скажете вы. "Без места для сидения и вкусной еды!" Не слишком быстро! Было и то, и другое. Там были колени матери-земли, и вот на земле, расстелив вместо ковриков медвежьи и оленьи шкуры, сидели дети. Затем дверь из оленьей шкуры снова открылась, и вошли индейцы с блюдами из бересты, называемыми *роганами*, в которых были прекрасно приготовлены дикие утки, кролики и куропатки. Но поскольку они были сырыми, голодные дети, ожидающие ребенка, еще не могли их съесть.

Затем начались приготовления к пиршеству. Кто-то из индейцев подбросил в костер сухих дров, пока не разгорелось жаркое бездымное пламя. Другие достали свои острые охотничьи ножи и ловко разделали уток, кроликов и куропаток. Затем эти кусочки насаживали на кончики острых кусочков твердой древесины и умело поджаривали на горячем огне. Как только лакомые кусочки мяса были приготовлены и немного остыли, их раздавали детям в пальчиках, и таким образом малыши наслаждались своим праздником.

А теперь, пожалуйста, не задирайте носы на таком пиршестве. Только подумайте об этом: в вигваме в прекрасном лесу, где поют дикие птицы и щебечут белки, где слышна музыка волн, набегающих на берег всего в нескольких ярдах от вас, с замечательными дружелюбными индейцами в качестве ваших официантов! Сам воздух этого северного лета пробуждает аппетит, готовый на все.

Эти маленькие люди, рыжий и белый, вскоре стали самыми веселыми друзьями, а поскольку белые дети говорили на индейском языке так же хорошо, как на своем родном, вскоре все они весело болтали, изящно обглаживая кости. Конечно, такой способ питания был тяжелым для их рук, лиц и одежды, но какой здоровый ребенок когда-либо задумывался — если вообще задумывался - о чем-либо из этих вещей?

Через некоторое время этот праздник, как и положено всем праздникам, подошел к концу. Затем возник вопрос: "Что нам делать дальше для детей?" ибо весь этот день был спланирован взрослыми индейцами для развлечения маленького народа. Каноэ были собраны на берегу Виннипега, что пригодились бы на случай, если будет решено, что все они отправятся на дневную прогулку по воде. Однако Суванас, который вышел посмотреть на небо и понаблюдать за ветрами и волнами, теперь вошел и сообщил, что, по его мнению, им лучше отложить прогулку на каноэ до того времени, когда озеро станет более спокойным. Затем было предложено спросить детей, что им больше всего понравилось бы. Маленькие люди, белые и красные, не замедлили высказать свое решение.

- Расскажи нам историю о Нанахбужу.

"Кто будет рассказчиком?"

Раздался сердечный клич "Суванас!"

Вернувшись домой после выяснения погоды, всего за несколько минут до этого, Суванас накинул халат и теперь наслаждался калуметом, или трубкой. Каким бы стоиком он ни был, его темные глаза вспыхнули от удовольствия при единодушном одобрении детей, но, как подобает индейцу, было бы большим нарушением приличий, если бы он показал свой восторг. С другой стороны, в отличие от индейцев, никогда бы не следовало делать вид, что они торопятся. Индейские дети хорошо знали это, но кто когда-либо слышал о белых детях, которые могли бы сидеть, как статуи, серьезные и исполненные достоинства, в то время как рассказчику требовалось время, чтобы докурить большую трубку табака?

Так было и в данном случае. В своем диком возбуждении и желании поскорее начать рассказ, и Сагастао, и Миннехаха вскочили и, бросившись к Суванасу, соревновались друг с другом в том, кто первым вынет у него изо рта наполовину выкуренный калумет. Такая дерзость привела в ужас индейских детей, а у индейцев постарше буквально перехватило дыхание. Ибо разве Суванас не был вождем, а калумет почти священным словом, когда слетал с его губ?

Суванас, однако, был очень доволен. Это был новый опыт, и сама смелость детей бледнолицых была свидетельством их безграничного доверия и любви. Маленькому Сагастао был передан калумет, и Суванас, обняв его с детьми, начал свой рассказ:

"With the children cuddled around him Souwanas began his story."

Теперь ты должен знать, что Нанахбужу был странным парнем. Он мог стать высоким, как дерево, или маленьким, как черепаха или змея. Ничто не могло убить его. Он не мог утонуть, даже если бы упал на сотни футов в озеро, и не сгореть заживо, даже если бы упал в огонь. Он часто попадал в аварии, но всегда выходил из них целым и невредимым и был готов к новому приключению в новом обличье. Он оставил свои следы на камнях и деревьях, листьях и цветах. Практически куда бы мы ни посмотрели, мы видим признаки того, что Нанахбужу был где-то поблизости. Поскольку его характер был очень неуверенным, он иногда доставлял неприятности и портил внешний вид вещей, которые когда-то были красивее, чем сейчас. Но в целом он был другом нашей расы и добился изменений, которые пошли нам на пользу.

"Однажды, когда Нанахбужу прогуливался по песчаному берегу, он почувствовал сильный голод. Была осень того года. Продолжая свой путь, он увидел движущийся к нему объект. Ему не пришлось долго ждать, прежде чем он увидел, что этот объект был большим черным медведем. Он вырвал с корнем молодое деревце и спрятался, готовясь убить медведя, когда тот приблизится. Когда медведь приблизился к Нанахбужу, он сделал большой прыжок из своего укрытия и убил медведя одним ударом. Затем он развел большой костер и, опалив всю шерсть медведя, разделал его на части и хорошенько поджарил. Когда мясо было приготовлено, Нанахбужу нарезал его мелкими кусочками, поскольку намеревался насладиться своим пиршеством, не торопясь есть.

"Пока он был таким образом занят приготовлением своего пира, его обеспокоил странный звук среди верхушек деревьев, которые терлись друг о друга при дуновении ветра. Нанахбужу был очень вспыльчив, и поскольку шум продолжался, он решил прекратить его. Поэтому он оставил свой пир на земле и выбрался на одно из этих деревьев до того места, где к нему прижалось другое. Он пытался раздвинуть два огромных дерева, когда одна из его рук застряла между ними и была крепко зажата. Пытаясь освободиться, он услышал, как стая волков бежит к его медвежатине. Это заставило его еще сильнее бороться, чтобы высвободить руку. Свирепые волки вскоре почуяли еду и с удовольствием пожирали ее, несмотря на крики Нанахбужу.

Когда Нанахбужу наконец освободил свою руку и спустился вниз, он не нашел ничего, что осталось от его угощения, кроме черепа медведя. Он был очень зол не только на волков, которые съели его угощение, но и на деревья, которые держали его, великого Нанахбужу, в такой крепкой хватке. Поскольку волки убежали, он не мог в настоящее время наказать их, но он решил, что так накажет эти огромные березы, что они больше никогда не будут так тискать его. Поэтому он приготовил большой кнут и жестоко хлестал им деревья. До этого времени береза была самым красивым из деревьев. Его огромный ствол был чистейшего белого цвета, без единого изъяна или пятнышка на нем. Но с тех пор, как Нанахбужу задала ему трепку, на нем остались следы той ужасной порки; и вот почему белая береза так покрыта шрамами.

"Когда Нанахбужу перестал лупить деревья, он почувствовал, что так сильно проголодался, что решил съесть мозги, которые были в голове медведя, которые не заметили волки. Однако череп показался ему очень твердым. Поэтому он превратился в маленькую змею и таким образом забрался внутрь черепа медведя и насладился его пиршеством. На самом деле он получал от этого слишком большое удовольствие, потому что, покончив с едой, он не мог вылезти из черепа, настолько он был сыт. Тем не менее, он был в состоянии катиться вместе с черепом и всем прочим, но поскольку он не мог видеть, куда идет, он очень беспорядочно катился, пока, наконец, не свалился в большое озеро и сначала погрузился глубоко под волны.

"Когда он вынырнул на поверхность, он просто высунул часть головы медведя из воды, как это делает медведь, когда плавает. Затем он внимательно прислушался. Прошло совсем немного времени, прежде чем Нанахбужу услышала голоса, говорившие:

"Смотрите! Там плавает медведь. Давайте убьем его".

Итак, на озере была погоня, и вскоре подошли индейцы в своем каноэ, и один из них своим каменным топором нанес медведю такой удар по голове, что раскроил череп.

Это как раз подошло Нанахбужу, и он тут же выпрыгнул и направился к берегу.

Затем Нанахбужу отправился дальше и снова почувствовал сильный голод. Мозги медведя были невелики для того, кто намеревался съесть тушу целиком. Вскоре он встретил енота, неуклюже несущего березовый *роган*, который он украл у пары слепых мужчин. Увидев веселую улыбку на лице енота, Нанахбужу пожелала ему доброго дня и спросила, что его развеселило.

"Енот, который не знал, что это была Нанахбужу, с которой он разговаривал, рассказал ему, как он добыл это блюдо. Когда Нанахбужу услышал это, он очень разозлился на енота за его бессердечную выходку.

"Кажется, там было довольно большое поселение людей, среди которых была пара слепых. Поскольку эти индейцы были охотниками, им приходилось большую часть времени находиться в движении, преследуя дичь. Поскольку другие люди были добросердечны, вместо того чтобы убивать этих старых слепцов, теперь, когда они не могли охотиться, они устроили для них вигвам в безопасном, тихом месте, недалеко от озера. Затем они дали им чайник, миску и другие необходимые вещи, нарубили большую кучу дров и положили ее под рукой. Чтобы они могли добыть воды для приготовления пищи и при этом не оступиться в воде, их друзья привязали веревку для ориентирования от двери вигвама к столбу на краю озера.

Теперь старики чувствовали себя вполне комфортно. Их друзья часто приходили с обильными запасами еды, и слепые могли сами выполнять свою работу и были счастливы вместе. Они разделили дневную работу так, чтобы один день был поваром, а другой приносил дрова и ходил за водой. На следующий день они менялись местами. Это давало каждому достаточно работы, но не слишком много.

"Долгое время эти двое мужчин жили довольными и счастливыми. Но случилось так, что однажды енот бродил по берегу в поисках чего-нибудь съестного, когда ему случайно попался конец веревки, которая была привязана к столбу у кромки воды.

- Теперь вы должны знать, - сказал Суванас, - что после росомахи енот - самый большой вредитель в лесу. Он полон уловок, но при этом очень хитер и подозрителен. Поэтому, прежде чем взяться за веревку, он осторожно поднялся по ней и обнаружил, что другой ее конец находится в вигваме этих двух старых слепцов. Не услышав никакого шума, он осторожно заглянул в вигвам и увидел, что они оба спят у костра. Пахло чем-то вкусным, и енот решил подождать поблизости, чтобы посмотреть, не удастся ли ему раздобыть это.

Пока он так ждал, старики проснулись, и один сказал другому: "Брат мой, я проголодался; давай приготовим нам обед".

"Очень хорошо, - сказал другой. - Теперь твоя очередь сходить к озеру за водой, пока я разведу огонь".

Услышав это, енот побежал к озеру, быстро отвязал веревку от кола и, оттянув ее назад, привязал к зарослям кустарника на берегу. Когда старик с чайником ощупью добрался до конца веревки, он, как обычно, попытался зачерпнуть воды, но все было напрасно. Там не было ничего, кроме сухой земли и кустов. Не найдя воды, он вернулся к брату с печальным известием, что озеро пересохло и что там, где вчера было много воды, уже выросли кусты. Когда его брат услышал эту печальную историю, он рассмеялся над ней и сказал:

- Но это же невозможно. Ни один куст не может вырасти за такое короткое время.

Однако его брат заявил, что так оно и было, и тогда другой сказал: "Что ж, позволь мне пойти и посмотреть, смогу ли я найти немного воды".

Услышав это, хитрый енот поспешил обратно, сразу же отвязал веревку от кустов и снова привязал ее к столбу у воды. Когда появился второй брат, он легко нашел воду и, наполнив чайник, вернулся в вигвам, где яростно обвинил своего брата во лжи. Он, бедняга, не мог этого понять и был очень озадачен.

Приготовление их ужина продолжалось, и вскоре оно было готово. Однако присутствовал еще один человек, о существовании которого слепые не подозревали, и это был енот, который теперь бесшумно проник в вигвам и с жадностью наблюдал за приготовлениями. Этот обед состоял из восьми кусков мяса, которые после приготовления клали в *роган*, или деревянную миску. Когда все было готово, они сели, поставив эту миску между собой, и начали есть. Каждый взял по куску мяса, и во время еды они разговаривали о разных вещах.

Теперь енот бесшумно взял из миски четыре куска мяса и начал их есть. Вскоре один из мужчин полез в миску за другим куском мяса и, обнаружив, что осталось всего два куска, сказал:

"Брат мой, ты, должно быть, очень голоден, раз ешь так быстро. Я съел только один кусок мяса, а их осталось всего два.

"Я их не брал, - последовал ответ, - но подозреваю, что ты тот самый жадный человек, который их съел".

Это очень рассердило другого брата, и пока они продолжали спорить, енот, чтобы усугубить положение и, как он сказал Нанахбужу, еще немного поразвлечься со слепыми стариками, нанес каждому из них сильный удар по лицу. Бедные старики, каждый из которых думал, что другой ударил его, начали драться; и так они опрокинули *рогана*, потеряли остатки своего обеда и чуть не подожгли вигвам.

Затем енот схватил два оставшихся куска мяса и миску и, громко смеясь, выбежал из вигвама. Старики, услышав это, поняли, что их одурачили, и они сразу же перестали драться и извинились друг перед другом.

"Подлая выходка енота очень разозлила Нанахбужу. На самом деле ему стоило немалых усилий не выдать еноту, кто он такой. Поэтому, как только енот закончил, он сказал:

"Я Нанахбужу. Эти старые слепцы - мои братья, и я преподам тебе урок, который ты никогда не забудешь!"

"И он схватил енота и убил его, и отнес его тело обратно в палатку слепцов, и устроил из него для них большой пир, и объявил, что в будущем старым енотам придется носить на хвостах столько кругов, сколько кусков мяса было украдено из *рогана* слепцов".

"Молодец, Нанахбужу!" - крикнул Сагастао. "Мистер Енот не смог сыграть с ним никаких шуток. А теперь расскажи нам другую историю.

Но тут вмешался Миннехаха.

"Я думаю, - сказала она, - нам лучше пойти домой, потому что отец и мать могут начать думать, что потеряли своих малышей".

"Давайте дождемся темноты, - сказал Сагастао, - и тогда Мэри не увидит нашу грязную одежду!" Потому что их жирные пальцы сильно испачкали их.

Однако желания маленькой девочки возобладали, и вскоре слышались приветствия индейцев: "Ура! "Ура!" - крикнули всем, и снова двух детей взвалили на плечи рослые индейцы, и тем же способом, каким утром их принесли в вигвам, они отправились домой в прекрасных сумерках.

Они очень устали, но не настолько, чтобы не суметь своими маленькими ручонками стереть немного краски с лиц своих больших рослых носильщиков и размазать ее самостоятельно. Эффект был настолько нелепым, что их веселый смех достиг ушей будущих родителей еще до того, как они вышли из сумрака леса.

ГЛАВА II.

Возвращение детей —Возмущение Мэри, медсестры—индианки —Ее трогательная история—Ее любовь к детям-История Ваконды и происхождения комаров.

Вернувшись домой, дети были спокойно приняты родителями, которые, понимая обычаи индейцев, не имели желаний ослаблять их влияние, обвиняя их в похищении детей. Они отнеслись к этому вопросу так, как если бы это было обычным явлением.

Мэри, медсестра-индианка, однако, отнеслась к инциденту не так спокойно. Когда детей привели обратно грязными, засаленными, перемазанными и такими уставшими, что они едва могли держать свои маленькие головки, ее возмущению не было предела, и, поскольку она была совершенно бесстрашной, она облекла свои чувства в самые энергичные фразы выразительного языка кри.

История индианки Мэри была очень странной. Действительно, в ее жизни произошел случай, настолько печальный, что со дня ее выздоровления считалось, что она находится под особой опекой Доброго Духа, так что даже самые влиятельные вожди или охотники суеверно боялись проявить вспыльчивость или сделать какой-либо резкий выпад, что бы она ни сказала.

За много лет до этого Мэри была женой жестокого индейца-язычника, носившего английское имя Робинсон. Хотя она была хрупкой и никогда не отличалась особой силой, он требовал от Мэри много тяжелой работы и сердился, если, нагруженная подстреленной им дичью, она не двигалась по тропе так же быстро, как он, имея при себе только его ружье и патроны.

Однажды, когда они были в лесу в нескольких милях от его вигвама, он подстрелил взрослого оленя и приказал ей принести его в лагерь на спине. Взяв ружье, он двинулся вперед и, будучи крупным, крепким мужчиной и двигаясь с обычной быстротой индейцев, возвращающихся домой, вскоре добрался до своего вигвама. К несчастью для него — и, как оказалось, для Мэри тоже, — он обнаружил у себя дома нескольких вольных торговцев¹, ожидавших его возвращения. В их снаряжении было мало товаров для торговли, но у них был бочонок с огненной водой, которая всегда была бичом индейцев.

¹ [Покупатели меха, которые не были агентами Мехаовой компании.]

Робинсон сообщил им о своем успехе в подстрелении оленя и о том, что его уже доставили. Торговцы купили не только те меха, которые были у Робинсона под рукой, но и две задние части оленя, которые Мэри приносила домой. Робинсон сразу же начал пить огненную воду, которую он получил в качестве частичной оплаты.

От природы он был раздражительным и вспыльчивым, даже когда был трезв, но гораздо более вспыльчивым, когда находился под воздействием спиртных напитков. Беспринципные торговцы, зная это и желая увидеть его в очередной истерике, начали в шутливой форме допрашивать, действительно ли он застрелил оленя, раз его жена так долго медлила с этим.

Это привело его просто в ярость, и когда Мэри, наконец, прибыла, работая с двухсотфунтовым оленем, ее встретил ее муж, теперь обезумевший от страсти и огненной воды белого человека. Почти не подозревая об опасности, она сбросила оленя с плеч, где он поддерживался ремнем для переноски, перекинутым через лоб. Усталая и тяжело дышащая, она повернулась, чтобы пойти в вигвам за своим ножом для разделки шкур, но не успела она пройти и дюжины шагов, как ее напугал крик Робинсона, который заставил ее мгновенно повернуться к нему лицом. Зрелище, представшее ее глазам, было ужасающим. Перед ней стоял ее муж с поднятым сверкающим топором в руках и ругательствами на своем языке. Видя, что убежать от него нет никакой возможности, она бросилась к нему, надеясь таким образом избежать удара. Ей удалось спасти голову, но топор вонзился ей в позвоночник.

Пронзительные крики Мэри быстро привлекли внимание нескольких индейцев из соседних вигвамов. Когда они обнаружили бедняжку Мэри, лежащую в агонии, с топором, все еще вонзенным в кости ее спины, их возмущению не было предела.

Индейцы, как правило, обладают большим самообладанием, но это зрелище настолько взволновало их, что дело едва не дошло до линчевания. Робинсон, теперь протрезвевший от своих страхов, ясно предвидел, каким ужасным будет его наказание, и пока индейцы и торговцы осматривали раны Мэри, несчастный муж украдкой ускользнул в лес, и больше его там никогда не видели. Однако в конце концов до Мэри дошли слухи, что он сбежал на далекую реку

Каминистика, где какое-то время жил одиноко в маленьком вигваме из коры. Однажды, когда он охотился на своем каноэ, его подхватили какие-то коварные пороги и перенесли через дикий и живописный водопад Ка-ка-бе-ка, о котором сложено так много захватывающих индийских легенд.

Семь лет Мэри была беспомощным инвалидом. Когда она выздоровела, ее спина была такой изогнутой, что она была похожа на горбунью. Поскольку она была бедна и совершенно не умела ни охотиться, ни ловить рыбу, мы помогали ей разными способами. Она всегда была благодарна за доброту и в ответ очень хотела сделать для нас все, что могла. Она чрезвычайно ловко управлялась с иглой и, получив небольшие инструкции, вскоре смогла помочь с необходимым шитьем. Однако, что особенно привлекло ее к нам и дало ей постоянное место в нашем доме, так это ее огромная любовь и преданность нашим малышам.

Маленькой Сагастао было всего несколько месяцев, когда она устроилась к нему няней, и в течение многих лет она была самой бдительной и преданной, а также самоотверженной опекушкой наших детей в этом северном доме. Казалось, она жила и думала исключительно для них. Временами, особенно в вопросе родительской дисциплины, между Мэри и матерью детей возникали конфликты; поскольку няня, с ее индийскими представлениями, не могла смириться с положением дисциплинированной служанки и не могла спокойно наблюдать за наказанием детей, которых считала абсолютно идеальными. Следовательно, если у нее не получалось все именно так, как она хотела, Мэри время от времени позволяла своему вспыльчивому характеру взять верх, вскакивала в ярости и, накинув на голову шаль, вылетала из дома и пропадала на несколько дней.

Ее хозяйка не обратила никакого внимания на эти вспышки гнева. Она хорошо знала, что, когда Мэри остынет, она вернется, и часто было забавно наблюдать за тем, как она привлекала к себе внимание детей, выглядывая из-за дерева или угла, а затем покорно входила вместе с ними, как будто они были всего лишь на приятной прогулке в течение часа или около того.

"Ну, Мэри" было бы приветствием ее хозяйки, в то время как спокойным ответом Мэри было бы индийское приветствие "Ура!"

Затем все шло бы как обычно, возможно, еще полгода, когда Мэри снова впадала бы в одну из своих истерик с теми же счастливыми результатами.

Она нарядила детей в живописные индейские костюмы — пальто, платья, леггинсы, мокасины и другие предметы одежды из оленьей кожи, выделанной так мягко, как у козленка, и красиво расшитой шелком и бисером. Ни одно пятнышко на их одежде не могло остаться незамеченным Мэри, и поскольку она всегда держала наготове переодевания, то часто раздевала и наряжала их.

Когда Суванас и Джакус пришли тем утром и забрали детей, Мэри случайно оказалась в другой комнате. Если бы она присутствовала, то, несомненно, вмешалась бы в их передвижения. Как бы то ни было, когда она хватилась детей, ее возмущению не было предела, и только самые решительные приказы хозяйки удерживали ее от того, чтобы броситься за ними. Весь день ей приходилось довольствоваться тем, что она бормотала свои протесты, в то время как, как обычно, она была деловито занята своей иглой. Однако, когда вечером два дюжих индейца вернулись с детьми на плечах, разразилась буря, и бормотание Мэри, поначалу простое как протест, стало громким и яростным, когда счастливых детей, таких усталых и грязных, опустили перед ней на землю. Индейцы, зная о печальной трагедии в жизни Мэри, не проявили бы гнева или даже раздражения из-за ее едких слов, но, со стоической природой своей расы, они спокойно перенесли ее гнев. К этому они были гораздо лучше подготовлены, поскольку ни один из родителей белых детей, казалось, ни в малейшей степени не был обеспокоен их долгим отсутствием или тирадой возмущенной няни. С учтивостью, свойственной высокому воспитанию, они терпеливо выслушали все, что хотела сказать Мэри, а когда буря утихла, повернулись и бесшумно удалились.

Дети были измотаны дневными приключениями, и их мать намекнула, что Мэри должна немедленно искупать их и уложить спать. Это, однако, не удовлетворило Мэри. У нее вошло в обычай наряжать их после полудня и весь оставшийся день держать в самых ярких костюмах; поэтому теперь уставших детей после купания снова одели в их лучшие наряды и вывели на улицу для осмотра и легкого ужина перед сном. Ванна и ужин так освежили их, что, когда Мэри уложила их в постели, они совершенно проснулись и попросили ее рассказать им сказку. Но сон был тем, в чем они нуждались сейчас больше всего на свете, и она попыталась успокоить их без лишних слов, но они были так сильно возбуждены, что заявили, что, если она откажется, они знают кое-кого, кто был бы рад, если бы они снова навестили его, и что он рассказал бы им много прекрасных вещей.

Этот намек на то, что они могут вернуться в вигвам Суванаса, был слишком сильным для Мэри, которая очень свободно высказала свои чувства по отношению к нему. Дети храбро встали на защиту старого индейца, а также Нанахбужу, о котором Мэри отзывалась крайне пренебрежительно, говоря, что он подлый малый, которому должно быть стыдно за многие свои проделки.

"Что ж, - ответил Сагастао, - если ты расскажешь нам истории получше, чем эти Суваны могут рассказать нам о Нанахбужу, хорошо, мы их послушаем. Но, имейте в виду, мы тоже собираемся послушать его истории о Нанахбужу".

"О, в самом деле, - сказала Мэри, презрительно вскинув голову, - есть много историй получше, чем о его старой Нанахбужу".

"Разве не забавно было бы посмотреть, чьи истории нам понравятся больше, Мэри или Суванаса?" - сказал Миннехаха, который предвидел интересное соперничество.

Теперь Мэри взяла на себя обязательства, и поэтому, почти не осознавая, к чему это приведет, она оказалась лицом к лицу с Суванасом, великим рассказчиком племени. Однако, решив, что Суванас не должен лишать ее любви детей, она поддалась искушению начать свой рассказ, даже несмотря на то, что дети были измотаны, и поэтому, когда мальчик задал вопрос, Мэри была готова.

- Послушай, Мэри, - сказал Сагастао, - нас сегодня сильно покусали комары. Знаешь, почему бывают такие неприятные мелочи? Есть ли о них какая-нибудь история?

-Да. Ваконда, один из странных духов, послал их, - сказала Мэри, - потому что женщина была ленива и не хотела содержать одежду своего мужа и детей в чистоте и опрятности".

- Расскажи нам все об этом! - закричали они оба.

Мэри успокоила их и начала рассказ.

"Давным-давно, когда все люди одевались в оленьи шкуры, жил человек по имени Паг-а-ма-кон. Он был трудолюбивым парнем, и ему часто приходилось много работать в грязных местах. В результате, хотя у него было несколько костюмов, казалось, что у него никогда не было ни одного чистого.

"В обязанности его жены входило чистить его одежду, стирать и перекопчивать ее так часто, как им это было необходимо. Но она пренебрегала своей работой и уходила сплетничать с соседями. Некоторое время ее муж был терпелив с ней, но в конце концов, когда он услышал, что Ваконда приезжает навестить людей, посмотреть, как у них идут дела, он начал приводить себя в порядок, чтобы быть прилично одетым, в чистую, красивую одежду, чтобы встретиться с этим могущественным существом, которое могло оказать ему большую милость или, если было настроено недоброжелательно, сильно ранить его.

"Он пытался заставить свою жену пойти на работу и смыть грязь, скопившуюся на его одежде. Она была такой ленивой, что только из страха перед побоями когда-либо предпринимала какие-либо попытки сделать так, как он хотел. Она взяла одежду и начала чистить ее, но была в плохом настроении и выполняла свою работу так неряшливо и нерешительно, что после притворной уборки мало что изменилось к лучшему.

"Когда распространилась весть о приезде Ваконды, муж приготовился облачиться в свое лучшее одеяние, но поистине велики были его гнев и отвращение, когда он обнаружил, что одежда, которую он надеялся надеть, все еще была неприлично грязной.

"Пока разгневанный муж отчитывал женщину за ее лень, внезапно появилась Ваконда. К нему обратился этот человек и попросил его совета в этом вопросе.

Ваконда быстро отреагировал и сказал: "Ленивая, сплетничающая жена не только позорит своего мужа, она раздражает всех окружающих; так будет и в этом случае".

Затем Ваконда велела своему мужу взять немного грязи, которая все еще оставалась на его одежде, которую она, как предполагалось, уже очистила, и бросить в нее. Мужчина так и сделал, и частички грязи тут же превратились в комаров. И с тех пор, особенно в теплые дни и ночи начала лета, когда комары своим пением и жалящими налетают на нас, чтобы досаждают, мы вспоминаем об этой ленивой, неряшливой женщине, которая была не только испытанием для своего мужа, но и своим отсутствием трудолюбия и заботы навлекла такое бедствие на всех людей".

-А больше Ваконда ничего не делал? — пробормотал маленький мальчик; но то благословенное, что называется сном, теперь окутало обоих малышей, и, бормоча "Нанахбужу—Ваконда—Суванас—Мэри", они вскоре оказались далеко, в счастливой стране детских грез.

ГЛАВА III.

Подробнее о Мэри и детях —Миннехаху ужалили пчелы—Как пчелы получили свои укусы—Что случилось с медведями, которые пытались украсть Мед.

На следующее утро, когда Мэри одевала их, дети рассказали ей о своих приключениях в вигваме индейцев. Мэри действительно заинтересовалась, хотя и притворилась, что все это вызывает у нее отвращение, и на свой индейский манер заявила, что была весьма шокирована, когда они оба конфиденциально сообщили ей, что так хорошо провели время, что пойдут туда снова, даже если им придется убежать и быть выпоротыми за это.

Это было ужасной новостью для Мэри и поставило ее в неловкое положение. Рассказать родителям о решимости детей было тем, чего она никогда бы не сделала, так как это могло навлечь на них часть наказания, которое совершенно противоречило ее принципам. Но, с другой стороны, отпустить их и ничего не сообщить могло вызвать больше проблем, чем ей хотелось думать.

Ей также была невыносима мысль о том, что двое детей вернутся с очередной прогулки в опрятной одежде и с перепачканными личиками. Как бы они ни поступали, она ни разу не сообщила о них и не собиралась начинать сейчас. Она искренне умоляла их не выполнять свое решение. Малыши были достаточно проницательны, чтобы понять, что они основательно встревожили ее, и они не спешили отказываться от власти, которую, как они видели, имели над ней.

Мэри никогда не произносила ни слова по-английски. Она понимала многое из того, что говорили другие, но никогда не выражалась иначе, чем на индийском языке. Поэтому и маленький Сагастао, и Миннехаха всегда разговаривали с ней на ее родном языке.

Миннехаха, видя беспокойство Мэри по поводу их решимости сбежать к индейцам, подумала пойти на компромисс, настояв на том, чтобы Мэри рассказала им побольше историй. Если бы она сделала это, они "не убежали бы очень скоро"; особенно она подчеркнула "очень скоро". Мэри это вряд ли удовлетворило, но, поскольку это было лучшее обещание, которое она могла получить, она была вынуждена согласиться.

Маленький Сагастао, который был любимцем Мэри, снова выбил ее из колеи, когда сказал: "Теперь, Мэри, помни, мы только пообещали не убегать очень скоро. Это означает, что мы намерены сделать это когда-нибудь".

Похоже, что маленькие заговорщики обсудили все это утром в своих постелях и решили, как они будут вытягивать истории из Мэри, не обещая на самом деле не убегать в вигвам Суванаса.

Одетые дети были отведены Мэри вниз на молитву и завтрак, после чего в летнее время был отведен час для развлечений на свежем воздухе перед началом уроков. Маленький Сагастао обычно проводил свой час либо со своим отцом, либо с каким-нибудь верным индейцем, играя с большими собаками и наблюдая за их резвостью, которых немало содержалось в этом миссионерском доме. Миннехаха была со своей матерью и интересовалась раздачей подарков бедным вдовам и детям, которые обычно приходили в этот час.

Из-за изолированного положения миссии и того факта, что в радиусе сотен миль не было организованных школ, несколько часов до полудня были посвящены обучению домашних детей. Вторая половина дня, в зависимости от времени года, была посвящена чтению и развлечениям.

Мэри, медсестра, хотя и могла бегло читать по слогам кри, английского языка не знала. По мере развития образования детей они хотели учить Мэри. Однако она упрямо сопротивлялась, заявив, что если они научат ее читать по-английски, то захотят заставить ее говорить на нем.

Мать обратила внимание на необычное ожидание, проявляемое детьми в течение дня, и, поинтересовавшись причиной, была незамедлительно проинформирована, что Мэри обещала рассказать им историю или легенду и "должна была это сделать".

"Почему она *должна* это делать?" - спросила любящая мать, пораженная тем ударением, которое они сделали на этом слове.

Маленькие озорники были достаточно хитры, чтобы понять, что чуть не вляпались в неприятности, и благоразумно промолчали. Мэри тоже заметила это, и сразу же проявилась ее великая преданность маленькому народцу, и, быстро повернувшись к своей госпоже, она сказала с совершенно необычным акцентом:

Мэри пообещала им рассказать историю, и, поскольку она всегда держит свое слово, она *должна* рассказать ее".

Сказав это, она быстро вскочила с пола, на котором сидела, и, взяв по ребенку за каждую руку, вышла с ними из комнаты.

- Ура тебе, Мэри! в тот раз ты спасла нас, - сказал маленький Сагастао.

Мэри не пожалела бы, если бы каким-то образом родители получили представление о том, что творится в головах детей, но у нее были такие странные представления, что она никогда сама не стала бы делиться этой информацией.

В короткие летние месяцы самыми приятными были прогулки вдоль берегов озера. Здесь было много уютных маленьких пещер, куда Мэри часто водила детей. Там, на фоне залитой солнцем воды и плеска волн, играющих музыку у их ног, старая няня напевала множество индейских

легенд или захватывающих историй о краснокожих людях прошлого. Однако сегодня она была озадачена отношением детей и не смогла выбрать ни одной истории, которая, по ее мнению, была бы достаточно интересной, чтобы отвлечь их внимание от Суванаса и Нанахбужу. Так что некоторое время они бродили по приятному берегу или сворачивали в сторону, чтобы нарвать ярких полевых цветов.

Крик боли Миннехахи прервал их удовольствие. Собирая дикие лилии, она была ужалена в обе руки медоносными пчелами, которые были в цветах. Мэри быстро замесила из глины тесто и перевязала им пораненные руки. Затем она села и взяла ребенка к себе на колени.

"Злые пчелы, которые вот так жалят меня", - сказала Миннехаха, и по ее щекам потекли слезы. "Я не причинял им никакого вреда".

"Да, ты был таким, как и все мы", - сказал брат. "Мы уносили цветы, из которых они получают мед, который является их пищей".

"Ну, они могли бы позволить нам сорвать несколько цветов, не ужалив нас", - ответила Миннехаха.

Сильная боль от укусов быстро утихла под домашним, но умелым обращением Мэри, и поскольку ребенок все еще сидел на коленях у Мэри, она сказала:

- Не могли бы вы рассказать нам, почему у таких милых маленьких существ, как пчелы, такие ужасные укусы? Мои руки были словно объаты огнем, когда меня впервые ужалили, и я не смогла удержаться от крика от боли".

- Ну, - сказала Мэри, - было время, когда у пчел не было жал, и они были так же безобидны, как домашние мухи. Они были такими же трудолюбивыми, как и сейчас, но у них были большие проблемы с тем, чтобы у них не украли мед, потому что каждое существо любит его.

- Напрасно они прятали свои гребни в дуплах деревьев и в расщелинах высоких скал. Медведи, которые очень любят мед, всегда были в поисках его и очень ловко добывали, когда однажды находили, где он спрятан. Птицы с длинными клювами высасывали его, и даже маленькие белочки всегда воровали. Результатом было то, что целые рои часто голодали долгими зимами, потому что у них крали весь мед, который был их зимним кормом. Пчелы были под угрозой уничтожения. Они перестали работать в большом количестве вместе и разбились на маленькие компании, а в самых потаенных местах старались припасти немного меда, ровно столько, чтобы поддерживать свою жизнь от сезона к сезону. Но даже эти маленькие ульи часто обнаруживали и съедали мед.

"У них все зашло так далеко, что они почти потеряли надежду продержаться дольше.

К счастью для них, распространился слух, что Ваконда, сильный дух — тот, кто наслал москитов, — приезжает с экскурсией, чтобы посмотреть, как все продвигается. Он был более великим, чем даже Нанахбужу, и, возможно, приходился ему родственником, но он очень редко появлялся или делал что-либо для кого-либо. Однако случилось так, что в этом году он покинул свой прекрасный дом на Спирит-Лейк и путешествовал по стране, и он был готов помочь всем, кто попал в настоящую беду.

И пчелы решили обратиться к нему за помощью. Ваконда принял их очень любезно и от души отдал прекрасного меда, который приготовили некоторые из них и который им удалось уберечь от медведей и других их врагов.

Когда его медовый пир закончился, он выслушал их рассказы о горе. Он был возмущен, когда услышал о численности их врагов и о настойчивости их нападений на таких трудолюбивых маленьких созданий.

Какое-то время Ваконда не был уверен, какой метод лучше всего использовать, чтобы помочь им. Он отпустил их на этот день и сказал, чтобы они пришли снова в указанный им день, сказав, что к тому времени он точно будет знать, что делать — он поможет им. Пчелы были так обрадованы этой новостью, что не могли держать ее при себе, а должны были пойти и рассказать своим собратьям, осам, шершням и даже шмел.

"Когда наступило назначенное время, пчелы были уже под рукой, как и осы, шершни и шмели. Ваконда встретил пчел очень любезно, но отнесся к их посетителям с некоторым подозрением и задал несколько острых вопросов. Но пчелы были в таком хорошем настроении по поводу приближающейся помощи, что совсем не обращали внимания на дурные привычки своих собратьев. Затем Ваконда обратился к пчелам с речью и сказал им, как сильно он любит их трудолюбивые привычки, которые он хотел бы иметь у всех живых существ. Он похвалил их за то, что вместо того, чтобы празднично тратить летние дни, они использовали их для заготовки пищи на долгую, холодную зиму.

Затем он принялся наносить им ужасные укусы, которые они терпят с тех пор, и поскольку осы и шершни утверждали, что они их двоюродные братья, Ваконда был достаточно добродушен, чтобы снабдить их таким же оружием. Некоторые люди, особенно мальчики, думают, что это была большая ошибка, и были бы очень рады, если бы Ваконда отказался жалить желтую осу и черного шершня".

"Ну, и что произошло после того, как пчелы получили свои укусы?" спросил Сагастао.

- Многое произошло, - сказала Мэри, - и это очень скоро. Многие из них, не прилагая таких усилий, чтобы скрыть свое гнездо, как раньше, выбрали высокое дуплистое дерево и, используя большое отверстие в сучке в качестве двери, начали откладывать в него свой мед. Они сделали гребни и теперь наполняли их, когда появилась пара медведей. Эти животные, как вам уже говорили, великие похитители меда, но им всегда было нелегко найти место, где робкие пчелы хитро спрятали его, и теперь они с трудом могли поверить, что прямо здесь, перед ними, огромный пчелиный рой, наполняющий воздух своим жужжанием, когда они влетают в отверстие для сучка и вылетают из него.

С дерзкой уверенностью они сразу же начали взбираться на дерево, ожидая, что смогут просунуть свои длинные лапы в эту большую дыру и вытащить соты. Но они так и не добрались до отверстия в сучке. Шум, который они производили, поднимаясь, встревожил пчел. Они появились в огромном количестве, и теперь, вместо того чтобы в панике летать вокруг, как множество домашних мух, и видеть, что их мед съеден, они сразу же набросились на своих врагов, медведей. Они жалили их в носы, в области глаз и губ, да и вообще во все места, куда только могли дотянуться своим новым ужасным оружием.

"Медведи не могли понять, в чем была проблема. Они выли от ярости и ужаса, но все же были полны решимости добыть этот мед и все еще пытались забраться повыше на дерево. Но в конце концов пчелы собрались в таком огромном количестве — ибо те, кто ушел собирать мед, вернувшись, присоединились к нападению, — что медведи обезумели от боли и страха и были вынуждены прекратить свои усилия и опуститься на землю. Даже тогда пчелы не давали им покоя и продолжали жалить до тех пор, пока им не пришлось бежать в темный лес за помощью.

"Таким образом, теперь почти со всеми существами, которые беспокоят пчел, обращаются подобным образом".

"They howled with rage and terror."

"Ну, - сказал Миннехаха, - им не обязательно было ужаливать меня, потому что я срывал несколько цветов; но, в конце концов, я рад, что у них есть свои жала, иначе, я полагаю, у нас никогда не было бы меда".

"Они недостаточно велики, чтобы обладать большим здравым смыслом, - ответил Сагастао, - и поэтому нападают на всех, кто встает у них на пути".

Теперь Мэри осторожно сняла глиняные припарки, которые успешно сделали свое дело. Последовало омовение в водах озера, которое рябило у их ног, и вскоре от укуса не осталось ни малейшего следа. К тому времени, как они добрались до дома, и боль, и слезы были почти забыты.

В тот вечер, перед тем как детей отправили спать, они подслушали, как Джакус, который пришел в дом с олениной на продажу, рассказывал на кухне историю, услышанную им от Суванаса, о непослушном парне по имени Махейган, который пытался пленить красивую добросердечную девушку Ваубену, и о том, как Нанахбужу избил его, а потом, из-за того, что несколько непослушных детей не придержали языки, Ваубену превратили в Виски Джека.

То, что подслушали маленькие дети, очень возбудило их любопытство, и поэтому, когда Мэри укладывала их спать, они потребовали от нее подробностей.

Поскольку это была одна из легенд индейцев Сольто, хотя Мэри была кри, она не была знакома с ней. Она сказала детям, что ничего об этом не знает, но это отнюдь не успокоило их любопытство.

ГЛАВА IV.

История любви Ваконтаса—Его Испытание двумя девушками—Его выбор—Преображение Мистикузиса.

Несколько дней спустя Мэри была раздосадована тем, что дети откровенно сказали ей, что они не считают ее первоклассной рассказчицей. Ибо, если бы это было так, она должна была бы ответить на вопрос Миннехахи о том, что Нанахбужу сделала с Махейганом, когда он пытался поймать Вобену.

Мэри злилась на себя за то, что не смогла ответить на этот вопрос, поскольку хорошо знала, что дети не успокоятся, пока кто-нибудь не расскажет им эту историю, возможно, сам Суванас. Действительно, зная их так хорошо, она твердо решила написать о себе от имени одного из известных рассказчиков, у которых все индийские легенды на кончиках пальцев. Но пока что она была несведуща в этом вопросе и поэтому значительно упала в глазах детей. Алари был несколько уязвлен, заметив, возможно, впервые, что Сагастао и Миннехаха доверительно перешептываются друг с другом. Дети разговаривали с Мэри только на ее родном языке, который в то время они, возможно, понимали лучше, чем английский. Теперь, к большому неудовольствию Мэри, их доверительный шепот продолжался на английском. Будучи чувствительной и вспыльчивой, когда она увидела этот внезапный разрыв в их привязанности к ней, она была склонна возмущаться этим и спросила, почему ей не разрешили знать, о чем они говорили.

Тут же заговорил маленький Туповатый Сагастао:

"Мы с Миннехахой обсудили это и решили, что если ты не расскажешь нам истории получше и те, о которых ты все знаешь, мы убежим в вигвам Суванаса".

Это была унижительная и удручающая новость. Мэри вообразила, что рассказала им интересную историю и что с помощью еще нескольких таких же она сможет удовлетворить их любопытство и удержать их дома, пока не закончится короткое лето. Однако дети думали совсем не так. Они увидели свое преимущество и были полны решимости сохранить его, и когда их уроки закончились и они остались полностью на попечении Мэри, они обложили маленькую женщину таким налогом, что вынудили ее проявить все свои таланты рассказчицы, а она была далеко не бедной.

Однажды она вывезла их на изящном березовом каноэ к живописным островам. Они высадились на одном из этих островов и провели некоторое время, исследуя его красоты и отдыхая там, где в изобилии росла ароматная индийская трава. Какое-то время они очень интересовались различными дикими птицами, которые тогда были такими многочисленными и бесстрашными. Там гнездились красивые чайки разных разновидностей, и, следуя указаниям Мэри, дети были рады обнаружить, что могут подойти совсем близко к гнездам некоторых из них, не потревожив птицу-мать, в то время как ее партнер с бесстрашной уверенностью стоит на страже рядом с ней.

The startling placard.

"А теперь, Мэри, ура сказке!" - закричали дети, сидя за ланчем.

Пока Мэри раздумывала, что бы такое им сказать, Миннехаха, со всем присущим ей беспокойным, любознательным духом детства, заметив непрерывный шелест листьев величественного северного тополя, в то время как листья всех других деревьев были такими неподвижными, сказала:

- Почему это, Мэри, даже когда листья на других деревьях такие тихие, эти почти круглые постоянно шевелятся?

Мэри знала индейскую легенду и сразу же приступила к ее рассказу.

"Наш народ верит, - сказала Мэри, - что есть другие люди, такие же умные, как Нанахбужу, и такие же способные творить удивительные вещи, но о них очень редко слышно. Некоторые из них были детьми Ваконды, могущественного духа, обитавшего в районе Озера Духов, где, по их словам, всегда светит солнце. О них рассказывали много странных вещей, но все говорят, что у них доброе сердце, и они никогда не делали ничего, что могло бы причинить вред кому-либо из наших людей, если только это не было заслужено. История гласит, что давным-давно один из этих сыновей Ваконды, которого звали Ваконтас, не смог найти подходящую ему жену в своей прекрасной стране, и поэтому он пришел в края, где жили индейцы.

"Долгое время он скитался по обширным регионам страны, прежде чем нашел кого-то, кто его заинтересовал. Однако во время своих странствий Ваконтас зашел в вигвам каких-то индейцев, где жили две прелестные девушки, настолько красивые, что он влюбился в них обеих. Он был переодет в очень красивого молодого охотника. Он так искусно владел своим луком и стрелами, что в конце каждой охотничьей вылазки возвращался, нагруженный самой богатой добычей. Он все больше и больше влюблялся в этих двух девушек и, зная, конечно, что может заполучить только одну из них, столкнулся с большими трудностями при выборе. Он уже пошел к отцу

девушки и, узнав от него цену, требуемую за его дочь, не упоминая, какую именно, очень быстро с помощью своей магической силы получил высокую цену и положил ее к ногам отца. Обе девушки, казалось, были одинаково довольны им, и каждая втайне надеялась, что он выберет ее. Он все еще колебался, и хотя он провел множество экспериментов, они были настолько близки друг к другу по уму и красоте, что он все еще колебался. Однако в их настроениях была большая разница. В то время как один был горд и ревнив, и у него был очень горький язык, другой был как раз наоборот; в то время как один был очень эгоистичен, другой был щедр и добросердечен. Но Ваконтас поначалу не смог этого выяснить, и после того, как он обдумал различные планы, он решил, что наденет одну из своих многочисленных личин и таким образом опробует их.

Итак, он отправился в путь, как будто отправляясь на охоту, но вскоре после того, как он скрылся из виду, он быстро принял облик бедного и престарелого индейца, пришел в дом этих двух прекрасных сестер и попросил помощи. Ваконтас выбрал время, когда, как он знал, остальных членов семьи не было в вигваме, чтобы посмотреть, как две сестры отнесутся к нему.

Когда он вошел в вигвам, ибо никто никогда не стучится в индейскую палатку, девушки были немного поражены, так внезапно увидев среди них этого грубого на вид старого нищего. Эгоистичная, гордая девушка, которую звали Мистикусис, сразу же набросилась на него и закричала: "Ауаста кена!" (Убирайся; уходи, ты!)

Напрасно он умолял, что постарел и проголодался. Она не хотела его слушать.

Омеми, другая молодая индианка, которая не произнесла ни слова, но жалела его с того самого момента, как впервые увидела, каким слабым и печальным он выглядит, теперь вмешалась и упрекнула свою сестру, с языка которой срывался постоянный поток оскорблений. Отведя старика на свою половину вигвама, она усадила его на коврик из оленьих шкур, а затем развела перед ним яркий костер. Затем она быстро принесла оленину, вкусно приготовила ее и дала ему бульон для питья и мясо для еды. Он с благодарностью поблагодарил ее, но она опровергла его слова и сказала, что ее самая большая радость - делать счастливыми других. Не удовлетворившись тем, что она сделала, и заметив, что его туфли старые и поношенные, она достала из своей расшитой бисером рабочей сумки пару великолепно выделанных мокасин и надела их ему на ноги.

Все это время, пока эта добросердечная, щедрая Омэми так по-доброму относилась к бедному старику, гордая, эгоистичная Мистикусис говорила так жестко и так быстро, как только могла, против таких добрых поступков по отношению ко всем старикам. По ее мнению, когда они стали такими старыми и беспомощными, как этот старик, их должны были убить их родственники.

Старик еще раз поблагодарил добрую сестру и пошел своей дорогой.

Вскоре девушки начали подумывать о том, чтобы подготовиться к возвращению своего друга и возлюбленного. Гордая, эгоистичная Мистикузи проводила все время в том, чтобы привести себя в порядок самым тщательным образом. В последнее время она стала сильно ревновать к своей сестре и была полна решимости настолько затмить ее внешностью, чтобы красивый молодой охотник наверняка предпочел ее. Но Омэми (имя, означающее голубку) подумала про себя:

"Мои отец, мать и остальные члены семьи скоро вернутся в вигвам, усталые и голодные, и лучшее, что я могу сделать, - это приготовить для них всех хороший ужин". Поэтому, потратив время только на то, чтобы расчесать свои роскошные волосы и привести себя в порядок для работы, она приступила к приготовлению ужина. Она искусно готовила оленину, медвежатину и отборнейшую рыбу.

Едва она закончила свою работу и увидела, что все прекрасно приготовлено, как услышала радостные крики своих младших братьев и сладкие птичьи трели своих младших сестер.

Когда Омими и ее сестра Мистикусис поспешили поприветствовать их, они были удивлены, увидев красивого незнакомца, скользящего в своем прекрасном каноэ рядом с более крупным членом семьи. Конечно, вид их возлюбленного возбудил обеих девушек. Мистикусис, которая потратила все часы на то, чтобы облачиться в свой наряд, смело вышла вперед и потеснила скромную Омемми, которая раскраснелась от напряженной работы по приготовлению обеда и была благоразумно одета в костюм, гармонировавший с ее лицом и с работой, которой она так усердно занималась.

В тот момент, когда красивый молодой индеец приземлился - представьте себе изумление двух девушек, когда они заметили, что на ногах у него были те же самые красивые мокасины, которые несколько часов назад Омэми подарила немощному старику! Прежде чем кто-либо успел вымолвить хоть слово, он широкими шагами подошел к девушкам и сказал:

"Как старый, усталый человек, я пришел в твой вигвам несколько часов назад. Мистикозис не принес мне ничего, кроме оскорблений, но моим единственным преступлением было то, что я был стар. Ее язык болтал без умолку, и все ее слова были словами оскорбления в адрес старика и гнева на то, что его оставили жить так долго. Но Омэми, добросердечная Омэми, пожалела бедного старика. Она усадила его на ложе из оленьих шкур, чтобы он мог дать отдых своим уставшим членам. Она развела огонь и согрела его. Она отобрала лучшую оленину и приготовила ему еду и питье, а затем, прежде чем он ушел, надела ему на ноги самые красивые из своих мокасин. Все ее подарки неизвестному старику были лучшим, что у нее было.

- Посмотри на прекрасные мокасины, подарок Омэми!

"Я был тем стариком — теперь я влюбленный, долго искавший невесту. Я сделал свой выбор. Две прекрасные девушки на время разделили мое сердце. Теперь нет разделения. Протестировав их, я обнаружил, что только один прекрасен внутри.

"Чтобы ни одному мужчине не пришлось всю жизнь мириться с непрекращающимся цоканьем языка Мистикусис, отныне она будет некрасивой осиной, а язык ее станет листьями, которые никогда больше не будут неподвижны даже при самом легком ветерке. Листья других деревьев время от времени будут отдыхать, но листья осины, ныне язычка Мистикозиса, всегда будут беспокойными".

И даже пока он говорил, Мистикусис, который был поражен и пристыжен произнесенными им словами, прирос к земле и постепенно превратился в осину.

Затем, повернувшись от нее к избраннице, он воскликнул:

"Но Омэми, любящая, нежная, добросердечная, ты - избранница моего сердца!"

Сказав это, красивый охотник раскрыл объятия, и Омэми бросилась к нему. Какое-то мгновение он держал ее в своих объятиях, потом сказал:

"Я - Ваконтас, и в прекрасный дом Ваконтаса тебя отведут".

Затем произошло чудесное превращение; так же быстро, как бабочка вылетает из своей куколки, так же внезапно Омэми превратилась в прекрасную голубку, и охотник так же быстро принял ту же прекрасную форму. Вместе они поднялись в воздух и улетели к неизвестному, но прекрасному дому Ваконтас, в страну вечного солнечного света".

ГЛАВА V

Пугающий плакат—Что случилось с Маленькими беглянками—Спасательница—Мэри рассказывает Им Легенду о Ласточках — Как были наказаны Жестокие Люди, которые дразнили Мальчика-сироту.

Когда Мэри вошла в спальню детей одним ясным, приятным утром, она была поражена, обнаружив, что обе кровати пусты, а к туалетному столику приколот листок ватмана. Надпись на нем была выше ее сил, чтобы прочесть. Теперь она вспомнила, что дети умоляли ее не приходить слишком рано, чтобы не будить их, и поскольку их просьбы были законом, она медлила столько, сколько осмеливалась, и даже пошла позвать их только после того, как ее хозяйка спросила о причине их неявки. Только после того, как она показала бумагу с надписью кухонной служанке, которая умела читать по-английски, до нее дошел весь смысл прочитанного. Конечно, она была очень встревожена, и все же ее преданность детям была такова, что она не решалась сообщить родителям о случившемся. Она прекрасно понимала, что не сможет долго скрывать от них эту потрясающую новость, и все же она по-прежнему была полна решимости никогда не разглашать никакой информации, которая могла бы навлечь на них какое-либо наказание, каким бы заслуженным оно ни было.

Это была длинная, труднопроходимая тропа через первобытный лес к вигваму Суванаса. Сколько времени детей не было, она не могла сказать. Мэри с индейской проницательностью ощупала их постели и обнаружила, что они обе довольно холодные, так что она знала, что маленькие шалости продолжались по меньшей мере час. Она допросила не только горничную на кухне, но и Кеннеди, человека, который занимался всей работой, снаружи. Никто из них ничего не видел и не слышал о детях, и поскольку они не разделяли идей Мэри, о проделке детей вскоре стало известно.

Родители, естественно, были встревожены, когда услышали эту новость. Отец сразу же в сопровождении Кеннеди и собак, Джека и Каффи, пустился по следу беглецов. Умным собакам показали пару предметов одежды, которые недавно носили пропавшие мальчик и девочка, и велели их найти, и они сразу же пустились по следу в направлении вигвама Суванаса, убегая с такой быстротой, что, если бы их не остановил голос их хозяина, они очень быстро оставили бы его и его индейского слугу далеко позади.

Наконец, внезапно вздрогнув, обе собаки, зловеще зарывчав, бросились вперед, совершенно не обращая внимания на все попытки их хозяина удержать их. Такое подозрительное поведение собак, конечно, встревожило отца и его спутника-индейца, и так быстро, как только позволяла

неровная тропа, они поспешили в направлении, выбранном собаками. Вскоре до их ушей донесся хор громких и злобных воплей. Страх придал скорости обоим мужчинам, и вскоре они выбежали из леса на открытую индейцами поляну. Это было зрелище, которое наполнило их тревогой, почти ужасом. На куче бревен стояли маленький Сагастао и Миннехаха. Сагастао, прямой и бесстрашный, с дубинкой размером примерно с обычную трость, в то время как позади него, прислонившись к высокому упавшему бревну, стоял Миннехаха. Их окружало несколько свирепых, похожих на волков индейских собак, среди которых Джек и Каффи, дикие и разъяренные, теперь производили ужасный опустошитель. Один за другим, раненые и хромящие, псы убегали, а двое мужчин подбежали к детям.

"На! ha! ура нашим Джеку и Каффи, разве они не собаки-хозяева?" - закричали бесстрашные маленькие беглецы, и теперь, когда победа была одержана, они проворно спрыгнули со своего высокого укрытия и, по-видимому, без малейшего страха поздравили и своего отца, и индейца с превосходством их собственных собак.

Дрожа от беспокойства, встревоженный отец, благодарный за то, что его дети чудом спаслись, заключая их в объятия, не мог не поражаться безразличию малышей к большой опасности, которой они только что избежали. Погладив Джека и Каффи за их великую храбрость, они отправились в обратный путь, к большому сожалению детей, которые упорно умоляли разрешить им возобновить поездку в вигвам Суванас, чтобы послушать истории о Нанахбужу.

- Их окружало несколько свирепых, похожих на волков индейских собак.

Отец был совершенно поражен этой просьбой и, конечно, получил суровый отказ. Он пустился в погоню за беглецами с твердым намерением наказать их за это серьезное нарушение домашней дисциплины, но тревога перед грозящей им опасностью и благодарность за их спасение так взволновали его, что в тот момент он не мог ни наказать их, ни даже пожурить. Все, что он мог сделать, это благополучно доставить их домой и, как обычно в подобных чрезвычайных ситуациях, передать на нежное попечение матери.

Какое-то время дети упорно шли вперед, затем индеец Кеннеди взял Миннехаху на руки. Не успел он пронести ее и нескольких сотен ярдов, как усталая малышка крепко уснула, тихо пробормотав, ускользая в страну грез: "Хотела послушать о Нанахбужу".

Велико было волнение дома, когда группа вернулась. Сагастао бросился в объятия своей матери и, не имея ни малейшего представления о том, что сделал что-то не так, начал самым драматичным образом описывать, как "наши Джек и Каффи избили этих непослушных эскимосских собак", которые гнались за ним и Миннехахой по той огромной куче бревен. Мэри тем временем взяла из рук Кеннеди все еще спящую Миннехаху и, едва не задушив ее поцелуями, отнесла в постель.

Родители были в большом замешательстве, не зная, что именно сделать, чтобы убедить малышей в том, что они вели себя очень непослушно, сбежав таким образом, поскольку из высказываний обоих было совершенно очевидно, что они не рассматривали этот вопрос в таком свете. Теперь, ввиду усталости Миннехахи, было решено отложить вопрос о дисциплине до тех пор, пока немного не уляжется возбуждение.

Тем временем Сагастао был готов поговорить со всеми обо всем этом деле. Похоже, они с Миннехахой решили, что Мэри "не годится" для рассказывания историй. Он сказал, что ее истории не пугали их и не заставляли плакать, но Суванас был главным человеком, который рассказывал истории Нанахбужу. Он сказал, что в то утро они встали раньше, чем кто-либо проснулся, и оделись так тихо, что их никто не услышал. Они вспомнили тропу, по которой Суванас и Джакус несли их. Пройдя некоторое время, они вышли к тому месту, где была тропа побольше, свернули на нее и наткнулись на множество собак, которые гнались за какими-то кроликами. Вскоре кролики убежали от собак, когда добрались до тех деревьев, которые были срублены. Миннехаха первой заметила, что собаки повернули назад и идут за ними, и она крикнула:

"О, смотрите! эти собаки думают, что мы кролики, и они идут за нами!"

"Когда я увидел, что они действительно приближаются, — сказал Сагастао, — мы с Миннехахой вскочили на бревна и забрались так высоко, как только могли, и я взял палку, а затем я встал с Миннехахой позади меня, и я погрозил им палкой, и ... и я крикнул:

"Эй, атимук!" (убирайтесь, собаки!)

"Они подошли так близко по бревнам, что я сбил одного или двух из них, в то время как все остальные на земле продолжали лаять на нас. Но я продолжал кричать им в ответ: "Эй, атимук!" Боже мой! это было очень весело. Потом мы вдруг услышали Джека и Каффи, и, уверяю вас! вскоре стало еще веселее, когда наши большие собаки набросились на них. Каждый раз, когда Джек или Каффи хватали эскимоса, он падал и вскоре выл от того, как его трясло. И они чуть не побили всех, когда прибежали папа и Кеннеди. Я пожалел, что они не оказались там раньше, чтобы увидеть все веселье".

Таким образом, язык парня продолжал трещать, в то время как было очевидно, что он совершенно не осознавал опасности, в которой они находились.

После некоторого обсуждения было решено, что, поскольку этот побег является первым преступлением подобного рода, наказанием должно быть заключение в их собственной комнате на следующий день до шести часов вечера на диете из хлеба и воды. Мэри пришла в ярость. Однако она хорошо знала, что ей необходимо держать себя в руках в присутствии своего хозяина и хозяйки. Ей удалось придержать язык, но ее сверкающие глаза и случайное бормотание, которое вырывалось у нее, когда она выполняла свои обычные обязанности,

свидетельствовали о тлеющем огне, который горел внутри. Дети были должным образом отчитаны за нарушение дисциплины, а затем в тот же вечер отправлены в свою комнату для заключения, которое должно было продлиться до следующего вечера. В ту ночь Мэри взяла свой матрас и одеяла, пошла спать на пол между двумя детскими кроватями и, несмотря на приказ, как сказала горничная, тайком принесла из кухни приличных размеров сверток.

День выдался на редкость тихим, поскольку веселая пара, которая обычно наполняла дом музыкой, теперь должна была уехать с унижением и позором. Все сожалели о том, что пришлось применить наказание и заставить детей осознать свою непослушность, сбежав таким образом, и все с приятным предвкушением ждали наступления шести часов. Когда письмо прибыло, детям было разослано сообщение о том, что часы их заключения закончились и что они должны явиться в библиотеку. Ответ последовал быстро, и две милочки шумно и поспешно сбежали вниз по лестнице, сопровождаемые Мэри. Они были одеты в свои самые красивые наряды, и няня, очевидно, приготовила их к прогулке.

Отец, чувствуя, что это необходимо, начал делать несколько замечаний, выражающих сожаление по поводу того, что он был вынужден таким образом наказать их, когда маленький Сагастао прервал его честным и откровенным замечанием, сказанным тоном, который, будучи совершенно бесстрашным, в то же время был лишен всякой грубости или нахальства:

"О, дорогой отец, тебе совсем не нужно переживать из-за нас, потому что Мэри была с нами весь день и рассказывала нам чудесные истории".

- А Мэри принесла нам ирисок, - с такой же откровенностью вмешалась дорогая Миннехаха, - и немного смородиновых пирожных и других вкусностей, так что в конце концов мы очень хорошо поладили.

Эти откровенные высказывания двух детей не только поразили, но и позабавили родителей и стали еще одним свидетельством удивительной любви Мэри к детям и ее пренебрежения дисциплинарными мерами, которые, по ее мнению, могли причинить малейшую боль или огорчение. И вот она стояла в открытой двери, и как только слова их отца и их собственные довольно шокирующие "признания" закончились, она позвала их к себе, и они отправились на долгую прогулку по прекрасному берегу озера, оставив их родителей гадать, приведет ли примененное наказание к каким-либо благотворным результатам.

Когда в тот вечер дети собрались в кабинете со своими родителями, маленький Сагастао сказал:

"Папа, мы с Миннехахой обсудили все это с Мэри, и она показала нам, что с нашей стороны было нехорошо так убежать; и мы сожалеем, что сделали что-то, что причинило тебе и маме горе и беспокойство о нас, и поэтому...".. Что ж, мы знаем, что вы нас простите. И когда четыре маленькие ручки обвились вокруг шей родителей, кругом царил радость, и было очевидно, что опасности повторения этой выходки нет.

Ниже приводится пара легенд, которые Мэри рассказала им, когда они были пленниками в своей собственной комнате в тот день.

ЛЕГЕНДА О ЛАСТОЧКАХ.

"Давным-давно, - сказала Мэри, - было несколько индейских семей, которые жили на вершине очень высокого холма, похожего на гору. У них было довольно много маленьких детей, и я с сожалением должен сказать, что они были очень непослушными и часто не слушались своих родителей. Одним из их плохих поступков было то, что они убежали и таким образом делали отца и мать очень несчастными до тех пор, пока они не вернулись. Их родители очень боялись, что кто-нибудь из виндегу или диких животных поймает их, когда они таким образом убегут одни, без сильного человека, который мог бы их охранять.

Поэтому родители старались сделать свои дома как можно более уютными для них. Они сделали для них всевозможные игрушки и подарили им красивые маленькие луки и стрелы и другие вещи, которые должны были развлекать их и делать счастливыми дома. Однако все усилия их родителей были бесполезны. Вскоре им надоедали домашние развлечения, и, когда родители отворачивались, они убегали.

В конце концов их поведение стало настолько плохим, и родители оказались настолько бессильны предотвратить это, что решили обратиться за помощью в Индийский совет. Какое-то время к суровым приказам Вождя прислушивались и повиновались. Затем они пренебрегли его словами, и примерно так же часто, как и прежде, их заставляли прогуливающими свои дома и родителей.

Наконец, однажды, когда все они сбежали и отсутствовали несколько дней, их не могли найти, их отцы и матери обратились к Ваконде с просьбой разыскать их и отправить домой. Ваконда очень разозлился, когда услышал о том, что эти непослушные детята часто убегают, и поэтому он поспешил их найти. После долгих поисков он обнаружил их на берегу мутной реки, строивших глинобитные хижины и глинобитных животных. Он так разозлился на них, что тут же превратил их в ласточек и сказал: "С этого времени и впредь вы всегда будете странниками, и ваши дома всегда будут сделаны из глины", - и так оно и было".

"Послушай, Мэри, ты вспомнила эту историю, потому что мы с Миннехахой сбежали?" - спросил Сагастао.

"Ну, мы не строили глинобитные хижины", - сказал Миннехаха.

Однако Мэри не следовало ловить, даже если она так сильно любила их, и она не ответила на вопрос Сагастао, хотя в глубине души не сожалела, если он увидел в легенде что-то такое, что удержало бы его от повторного побега.

КАК БЫЛИ НАКАЗАНЫ ЖЕСТОКИЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ДРАЗНИЛИ МАЛЬЧИКА-СИРОТУ.

"Жила-была старая бабушка, которая осталась одна с единственным внуком-сиротой. Все остальные ее родственники были мертвы. Этот мальчик был очень трудолюбивым малышом и делал все, что мог, чтобы помочь своей бабушке. Им обоим приходилось очень много работать, чтобы не умереть с голоду. Вместе они выходили в море на каноэ и ловили рыбу. Они также расставляли в лесу множество силков для ловли кроликов, куропаток и другой мелкой дичи.

"Из-за того, что они были такими бедными, одежда этого мальчика-сироты была сшита частично из кроличьих шкур, а частично из птичьих. Когда он не был занят, помогая своей бабушке, он, как и другие маленькие мальчики, с удовольствием выходил на улицу и играл с

другими деревенскими детьми. Некоторые мужчины деревни очень любили дразнить его, а некоторые были даже жестоки к нему из-за бедной одежды, которую ему приходилось носить. Часто бедный мальчик возвращался в вигвам своей бабушки в слезах, потому что мужчины деревни не только дразнили его из-за его бедной одежды, но и чуть не разорвали его пальто в клочья. Его бабушка умоляла мужчин перестать дразнить бедного мальчика, который ничего не мог поделать со своей бедностью. Она терпеливо чинила его бедную порванную одежду и пыталась подбодрить его надеждой, что скоро эти глупые, жестокие люди поймут, как неправильно с ним так обращаться.

Но, казалось, им становилось только хуже, а не лучше, и в конце концов бабушка очень рассердилась и решила положить этому конец.

Поэтому она отправилась в Ваконду и все ему рассказала. Ваконда в тот момент был очень занят, но он передал ей часть своей магической силы и сказал, что делать, когда она доберется до своего дома.

"Когда она приехала туда, то обнаружила своего внука почти голым от издевательств жестоких мужчин, которые, обнаружив, что ее нет, были с ним еще более жестоки, чем когда-либо. Затем она сообщила ему, что теперь она может положить конец всем их жестоким действиям. Поэтому она сказала ему нырнуть в бассейн с водой, который был поблизости. Он сделал, как она велела, и там нашел подземный канал, который вел в большое озеро.

"Когда он поднялся на поверхность озера, то обнаружил, что превратился в прекрасного тюленя. Он сразу же начал играть в волнах, как это часто делают тюлени.

Прошло совсем немного времени, прежде чем его увидели жители деревни, и, конечно же, мужчины очень хотели сохранить эту ценную печать. Каноэ были быстро спущены на воду, и мужчины принялись грести копиями, пытаясь поймать его. Но мальчик, теперь превратившийся в тюленя, быстро уплыл от них, как велела его бабушка, и таким образом заставил их грести все дальше и дальше от берега. Когда они казались почти обескураженными, тюлень внезапно нырял, а затем снова появлялся в воде прямо за ними. Затем, прежде чем люди успевали обернуться и проткнуть его копьем, он так же внезапно снова нырял под воду. Погоня была настолько захватывающей, что эти жестокие люди не заметили, как далеко от суши они уже забрались. Однако через некоторое время они увидели грозящую им опасность, потому что внезапно поднялся сильный шторм, и волны поднялись с такой яростью, что опрокинули каноэ, и все злые люди утонули. Когда старая бабушка увидела это, она еще раз применила магические силы, которыми ее наделила Ваконда, и, позвав внука возвращаться домой, он немедленно выполнил ее просьбу. Он быстро подплыл к ней, и она тут же приняла его человеческий облик.

"Освободившись таким образом от своих мучителей, он очень быстро повзрослел, стал великим охотником и был добр к своей бабушке, пока она была жива".

ГЛАВА VI.

Суванас рассказывает о происхождении и странных поступках Нанахбужу, о том, как он потерял Своего Брата Нахпути, Волка, и почему Зимородок носит Белый воротничок.

"Кто была эта Нанахбужу, о которой мы так много слышим?"

Так обратился Сагастао к старому рассказчику, который всегда стремился узнать побольше о тех, кто его интересовал.

Старик начал так:

"Когда великие горы окутаны облаками, мы не очень хорошо их видим. Так и с Нанахбужу. Долгие годы, прошедшие с тех пор, как он жил, подобно туману, затруднили точное определение того, кем он был на самом деле, но я попытаюсь рассказать вам. Нанахбужу был не из какого-то одного племени, а из всех индейцев. Поэтому само его имя такое разное.

Оджибвеи называют его Мишавабус — Большой Кролик; меномини зовут его Манабуш. У него были и другие имена. Одно племя называло его Джускеха, другое -Мессоу, третье -Манабожо, а третье - Гайавата. Его отцом был Мадж Кевис, Западный Ветер. Жила-была старая женщина по имени Нокомис, внучка луны, у которой была дочь по имени Венона. Она была матерью мальчиков-близнецов, но при их рождении она умерла, как и один из мальчиков. Нокомис завернула живого ребенка в мягкую сухую траву, положила его на землю в одном конце своего вигвама и поставила над ним большую деревянную миску, чтобы защитить его от вреда. Затем, охваченная горем, она подняла тело Веноны, своей дочери, и похоронила его вместе с мертвым ребенком на некотором расстоянии от своего вигвама. Вернувшись после того, как она таким образом похоронила своих мертвецов, она села в своем вигваме и четыре дня оплакивала свою потерю. По прошествии этого времени она услышала легкий шум в своем вигваме, который, как она вскоре обнаружила, исходил из той деревянной миски. Затем, когда чаша сдвинулась с места, она внезапно вспомнила о живом ребенке, о котором забыла в своем великом горе из-за потери матери. Когда она сняла миску с места, в местомаленького мальчика, которого она туда положила, она увидела маленького белого кролика и, взяв его на руки, сказала: "О мой дорогой маленький кролик, мой Манабуш!" Нокомис очень заботилась о нем, и он очень быстро рос.

"Однажды, когда Манабуш был уже довольно большим, он сел на задние лапы и медленно запрыгал по полу вигвама, отчего земля задрожала.

Когда плохие виндего, или злые духи, обитающие под землей, почувствовали, что земля задрожала, они спросили: "В чем дело? Что случилось? Где-то рождается великий Мунеду (дух)". И они сразу же начали придумывать средства, с помощью которых они могли бы убить Манабуша, или Нанахбужу, как его теперь называли, когда они найдут его.

Но Нанахбужу недолго оставался похожим на кролика. Поскольку он был выше других людей, он мог принимать любую форму, которая ему нравилась. Чаще всего его видели прекрасным, сильным молодым индейцем-охотником. Он называл людей своими дядями. Когда он вырос, он сказал своей бабушке, старой Нокомис, что пришло время, когда он должен подготовиться к тому, чтобы пойти и помочь своим дядям, людям, улучшить их положение. Это он был в состоянии сделать, видя, что он больше, чем человек, потому что его отцом был Западный Ветер, а матерью - правнучка луны. Иногда он был красивым белым кроликом; тогда он был

волком или росوماхой; тогда он был прекрасной птицей. Он даже мог измениться, чтобы выглядеть как старый сухой пенёк или красивое дерево. Иногда он был похож на маленького наполовину замороженного кролика; тогда он становился могущественным волшебником, а часто и маленькой змеей. Он был таким же переменчивым в своем характере, как и во внешности. Иногда он делал все самое лучшее, что только можно вообразить для своих дядей, индийского народа, а в другое время он был полон озорства и обмана. Но в целом он был другом, и хотя вспыльчивый и вспыльчивый, все же он сделал много хорошего для людей, потому что он действительно был одним из лучших Мунеду первых времен.

Когда ему пришло время покинуть вигвам своей бабушки, он построил его для себя, а затем попросил Нокомис приготовить для него священные волшебные музыкальные палочки, которые она одна могла изготовить. Его бабушка сделала ему четыре палочки, и ими он отбивал такт, распевая свои странные песни. Некоторые из них были очень странными и заканчивались словами "Он! он! хо! хо! ха! ха! привет! привет!" Другие имели в виду какие-то особые преимущества, которые он предоставит своим дядям. В одной из них, имея в виду то, что он собирается украсть для них огонь, он поет:

"Я несу помощь моим дядям,
Их печали я превращу в пение.
У их врагов я украду огонь,
Чтобы его тепло почувствовали дети.

"Замаскированным будет Нанахбужу,
Чтобы его работа была лучше выполнена;
Но его веселые подвиги когда-нибудь скажут, кто
Развлекался в свое удовольствие".

"Сначала он был веселым парнем и делал много хорошего для своих дядюшек. Он показал им растения и корни, пригодные в пищу, и научил их искусству хирургии и врачевания, но с годами он совершил некоторые вещи, из-за которых его очень боялись. Его дяди всегда приходили к нему, когда попадали в беду, но помогал он им или нет, во многом зависело от того, в каком настроении он был, когда они приходили.

The beautiful reflections in the water.

"После того, как он прожил много лет в первом построенном им вигваме и многому научил людей земли, его отец, Западный Ветер, держал совет с Северным Ветром, Южным Ветром и Восточным Ветром, и поскольку Нанахбужу никогда не был женат и жил такой одинокой жизнью, они решили вернуть к жизни и отдать жить с ним его брата-близнеца, который умер при его рождении. Звали этого брата Нахпути, что означает Искусный Охотник. Нанахбужу очень любила его и очень заботилась о нем. Он рос очень быстро, и они с Нанахбужу были большими друзьями. Как и Нанахбужу, Нахпути мог принимать любой облик по своему выбору. Одной из любимых форм, которую он часто принимал, был облик волка, поскольку он часто уезжал на охоту. Злые духи, или Виндего, обитающие под землей и морем, никогда не могли причинить Нанахбужу большого вреда, он был слишком умен для них; и хотя они часто пытались, он, как правило, побеждал их. Теперь они разозлились вдвойне, когда услышали, что Нахпути вернулся к жизни и живет с ним. Нанахбужу предупредил своего брата об их вражде и о необходимости быть с ними настороже.

Эти братья уехали далеко и построили свой вигвам в уединенной стране на берегу большого озера, которое теперь называется Зеркальным из-за его прекрасных отражений. Здесь, поскольку Нахпути был охотником, его заставляли снабжать вигвам едой. Однажды, когда Нанахбужу был на охоте, он обнаружил, что несколько злых мунеду обитают на дне того самого озера, на берегу которого они построили свой вигвам. Поэтому он предупредил своего брата, Нахпути, никогда не пересекать это озеро, а всегда обходить его стороной по берегу, и какое-то время он помнил это предупреждение и не подвергался нападению. Но однажды холодным зимним днем, когда он долго отсутствовал на охоте, он оказался точно на противоположной стороне озера от вигвама. Лед казался крепким, и поскольку расстояние

было короче, он решил, что вместо того, чтобы ходить по берегу, он перейдет реку по льду. Когда примерно на полпути через озеро лед треснул, он был схвачен злыми Мунеду и утонул.

"Когда Нахпути не смог вернуться в вигвам, Нанахбужу переполошился и сразу же начал повсюду разыскивать своего любимого, потерянного брата. Однажды, прогуливаясь под деревьями у озера, он увидел высоко среди ветвей зимородка Оокискимунисю.

"Что ты там делаешь?" - спросила Нанахбужу.

"Плохие Мунеду убили Нахпути, - ответил Оокискимунисю, - и скоро они выбросят его тело на берег, и я собираюсь попить их!"

Этот ответ очень разозлил Нанахбужу, но он скрыл свои чувства.

"Спускайся сюда, красивая птичка, - сказал он, - и я дам тебе этот ошейник, чтобы ты повесила его себе на шею".

Зимородок заподозрил, что говоривший - Нанахбужу, брат Нахпути, и побоялся спуститься.

"Спускайся и ничего не бойся", - дружелюбно сказала Нанахбужу. - Я только хочу подарить тебе это красивое ожерелье с белой раковиной, которое ты будешь носить.

Услышав это, зимородок спустился вниз, но, подозревая, что Нанахбужу затевает какие-то свои фокусы, он зорко следил за ним. Нанахбужу надела ожерелье на шею птицы так, чтобы красивая белая раковина была над грудкой. Затем он притворился, что завязывает концы сзади, но как раз в тот момент, когда он завязал веревку наполовину узлом и собирался затянуть ее и задушить птицу, последняя оказалась слишком проворной для него и внезапно выскользнула и убежала. Однако ожерелье он сохранил, и белое пятнышко можно увидеть на груди зимородка по сей день.

Вскоре после этого тень или призрак Нахпути явился Нанахбужу и сказал ему, что, поскольку его смерть была результатом его собственной беспечности, из-за того, что он не остался на земле, он не будет восстановлен, чтобы жить здесь, но даже сейчас находится на пути в Счастливые Охотничьи угодья, в Страну Заходящего Солнца, за Великими Горами.

"Нанахбужу был глубоко тронут потерей своего брата, который был для него таким приятным собеседником. Так велико было его горе, что временами земля дрожала и злые духи, обитающие под землей или водой, приходили в сильный ужас, ибо они знали, что будут ужасно наказаны Нанахбужу, если он когда-нибудь заполучит их в свою власть. Но прошло много времени, прежде чем у него появилась возможность отомстить им за смерть своего брата. Как он это сделал, я расскажу вам когда-нибудь в будущем".

ГЛАВА VII.

Легенда о Плохом мальчике — О том, как Его унесла Аннунгити и как Его спасла Мать.

- Расскажи нам, Мэри, историю о мальчиках из племени индейцев в старые времена, - попросил Сагастао.

"О плохих мальчиках", - сказала Миннехаха с озорным блеском в глазах. - "Потому что этим утром брат и папа должны были заключить "мировое соглашение", и, возможно, Сагастао будет полезно услышать о других плохих мальчиках и о том, что с ними сделали".

Эти слова Миннехахи очень разозлили Мэри. Она думала о Сагастао больше, чем о любом другом члене семьи, и ничто так не приводило ее в ярость, как то, что кто-то перечил ему или даже ставил под сомнение мудрость всего, что он говорил. Теперь, возмущенная тем, что отец был вынужден вызвать ее в свой кабинет за какой-то проступок, Мэри была очень раздосадована, услышав эти слова.

- О, черт возьми, Сакеу, - сказал Сагастао, - не будь таким обидчивым. Я заслужил разговор, который устроил мне папа. С моей стороны было неправильно ударить того индейского мальчика битой, и я должен был быть наказан; так что, если у вас есть какие-нибудь веселые истории о плохих индейских мальчиках и о том, как их наказывали, что ж, давайте одну из них".

Это признание ее любимца, который, остыв от гнева, всегда быстро признавал, что был неправ, совершенно успокоило Мэри, и она уселась на коврик из волчьей шкуры вместе с детьми и начала свой рассказ.

"Давным-давно все индейцы верили в Виндего и других духов, которые были более или менее дружелюбны к хорошим людям. Некоторые из них были людоедами, и, конечно, их всегда следовало опасаться. Некоторые индейцы так боялись этих каннибалов, что никогда не покидали вигвам после наступления темноты из страха быть съеденными какими-нибудь чудовищами, которые могли прятаться поблизости.

"Было одно великое существо по имени Аннунгити, или Дзуликий. У него была отличная привычка присматривать за плохими мальчиками, очень плохими мальчиками. Говорили, что он не мог видеть по-настоящему хороших мальчиков; что они были как стекло, и он не мог их видеть. Но когда мальчику становилось совсем плохо, он становился таким черным, что его было легко заметить, и Аннунгити могла заметить его издалека и, скорее всего, пришла бы за ним.

"К счастью, Аннунгити всегда производила шум, когда он проходил мимо. Это было хорошо для плохих мальчиков, потому что давало им время юркнуть в вигвамы, подальше с его пути. Он был таким большим, что, когда он опускал одну из своих ног на землю, раздавались звуки, похожие на звон колокольчиков и уханье сов. Когда он ставил другую ногу, звук был похож на рев буйволов, когда они собираются драться друг с другом. Даже когда он пытался двигаться тихо, раздавались звуки, похожие на крики птиц и зверей. Все индейцы, которые слышали этого великого и ужасного человека, боялись его, и все же никто из них двоих не смог бы дать ему одинаковое описание. Но в одном они были согласны, и это заключалось в том, что когда он ловил очень злого человека, что он иногда делал, или очень плохих мальчиков, что он часто делал, он просто засовывал его в одно из своих больших ушей и держал там. Действительно, считалось, что он мог держать в одном ухе трех больших мужчин или шестерых плохих мальчиков одновременно. Никто не знал, где он живет, поскольку ненашлось ни одного достаточно храброго человека, чтобы последовать за ним и посмотреть, и ни один отважный охотник никогда не находил его пристанища ни в одной из его охотничьих экспедиций.

У одного индейца и его жены, которые жили в вигваме совершенно отдельно от других семей, родился мальчик. Он был их единственным ребенком. Он был очень плохим, жестоким,

недоброжелательным мальчиком. Его отцу приходилось много работать охотником, чтобы добыть достаточно дичи, чтобы они не умерли с голоду. Его мать рубила дрова, носила воду из далекой реки, выделывала шкуры животных, подстреленных ее мужем, и делала всю работу по устройству вигвама. Мальчик и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то помочь. Однажды мать, которая была совершенно больна, попросила его сходить за водой. Он отказался и вел себя с ней очень дерзко. Затем она попросила его, пожалуйста, принести ей немного дров, так как ей стало холодно. Нет, он не стал бы делать ничего подобного. Тогда она очень рассердилась на него и сказала:

"Если ты не будешь вести себя лучше, я выставлю тебя из вигвама, и Аннунгити даст тебе в ухо".

Тем не менее, на самом деле она не верила, что он это сделает, поскольку уже очень, очень давно не слышала об Аннунгити или каких-либо других призраках. Она сказала то, что сделала, только для того, чтобы напугать плохого мальчика и заставить его повиноваться. Действительно, она часто говорила ему, когда сердилась на него: "Я очень надеюсь, что призрак поймает тебя". Но чем больше она говорила с ним, тем хуже ему становилось. И вот однажды, когда он был очень ленив и очень груб с ней, она вскочила и, схватив его за руку, попыталась выставить из вигвама. Он сильно испугался этого и заплакал. Но она, зная, что он заслуживает наказания, вытолкала его вон и надежно заперла дверь, крикнув:

"Пусть Аннунгити поймает тебя!"

На самом деле она, конечно, не имела этого в виду. Ни одна мать не могла пожелать своему мальчику такого ужасного несчастья. Затем испуганный мальчик начал бегать круг за кругом вокруг вигвама, пытаясь найти какое-нибудь место, куда он мог бы забраться, но никакого отверстия найти не мог. Через некоторое время его плач и попытки забраться в вигвам прекратились, и все стихло. Его мать внимательно слушала и каждое мгновение ожидала снова услышать его голос, но не было слышно ни звука, кроме чего-то похожего на пение птиц и звон маленьких колокольчиков, затихающий вдали. При этих словах она очень испугалась и начала плакать и звать своего мальчика. Она распахнула дверь и начала искать сына по всему вигваму. Но все напрасно! Его нигде не было видно.

Когда отец вернулся домой с охоты, она рассказала ему о внезапном исчезновении их мальчика, и он тоже был очень встревожен. Они отправились в путь и посетили жилища всех людей в округе. Но никто ничего не видел и не слышал о пропавшем мальчике. Они вернулись в свой безмолвный вигвам очень опечаленные и несколько дней оплакивали потерю своего сына. Однажды ночью, когда мать плакала из-за своей большой потери, она услышала, как кто-то кричит ей:

- Привет! Привет! - и в то же время она услышала звон колокольчиков и уханье сов. Так происходило несколько ночей, и вот однажды ночью раздался голос, говоривший:

"Ты сказал: \"Призрак, заberi этого мальчика\". Привет! Привет!"

На следующее утро жена рассказала своему мужу о том, что слышала прошлой ночью, и добавила:

"Я верю, что призрачная Аннунгити забрала нашего мальчика".

"Ее муж очень рассердился, когда услышал это, и сказал:

"Да, призрак забрал нашего мальчика. Ты отдал его ему, и он поймал тебя на слове. Так почему ты должен жаловаться? Так тебе и надо.

"They tumbled the tall ghost over."

При этих словах мать возвысила голос и закричала так громко, что это было слышно на большом расстоянии.

"Муж, - сказала она, - я заслужила то, что ты сказал, но я попытаюсь вернуть нашего мальчика, и поэтому сегодня ночью я спрячусь в куче дров, которая находится за пределами вигвама, и если призрак появится снова, как он появлялся, я схвачу его за ногу, а ты должен выбежать и попытаться спасти нашего сына".

Итак, в ту ночь она спряталась в куче дров и, конечно же, через некоторое время услышала звон колокольчиков и тихие крики животных, а затем громкое "Привет! Привет!", после чего все стихло.

Затем, когда она осторожно выглянула из своего укрытия, перед ней появилось огромное существо, стоявшее рядом с вигвамом. Он был таким высоким, что его голова была выше дымового отверстия наверху, и он заглядывал вниз, в вигвам. Но каким бы большим он ни был, в конце концов, у нее было любящее материнское сердце, и когда она подумала о своем мальчике, застрявшем там, в одном из его больших ушей, она была полна решимости спасти

его, если это возможно. Поэтому она осторожно двинулась вперед, пока не смогла ухватиться за одну из его ног, что она и сделала изо всех сил, и в то же мгновение крикнула своему мужу, чтобы он пришел и помог. Он бросился вон, и они вдвоем повалили высокого призрака и, конечно же, в одном из его больших ушей нашли своего маленького мальчика.

- Бедный малыш. Он был полуголодным и таким худым и слабым, что едва мог стоять. Но они помогли ему забраться в вигвам и дали немного супа, приготовленного из птиц, которых его отец убил в тот день.

Высокий призрак был так напуган внезапным захватом, что, как только смог встать, поспешил прочь, и больше его никогда не видели в этой части страны. Некоторые племена говорят, что он отправился на Юг, и там, когда он крал детей и уносил их в ушах, его поймали разгневанные родители и сожгли заживо на большой куче дров".

"Маленькому мальчику стало лучше?" - спросил Миннехаха.

- О да, через некоторое время он это сделал, но ему потребовалось много времени, чтобы оправиться от пережитого испуга. Однако это пошло ему на пользу, потому что после этого он никогда не был груб и дерзок со своей матерью и делал все, что мог, чтобы помочь ей".

- Матери это пошло на пользу? - спросил Сагастао, который был не совсем доволен ее обращением с мальчиком.

"Да, действительно, - сказала Мэри, - потому что после того ужасного испуга она никогда не кричала своему мальчику таких слов, как "Я надеюсь, призрак поймает тебя", или каких-либо других неприятных выражений, которые она иногда употребляла, когда сердилась на него".

"Спасибо тебе, Сакхоу", - сказали оба ребенка. "Это очень хорошая история".

А какую веселую возню они устроили с Джеком и Каффи! Эти две великолепные собаки были особыми защитниками и компаньонами детей.

"Their dog teams were in almost constant demand."

ГЛАВА VIII.

Счастливых рождественских праздников—Индейцы порадовали подарками—Суванас рассказывает, как Нанахбужу украл Огонь у Старого Волшебника и отдал его индейцам.

Рождественские праздники были временем невинных празднеств и радости среди индейцев и их белых друзей, как в миссии, так и на торговом посту.

Подарки, которые можно было преподнести индейцам, были не очень ценными, но они были крайне необходимы и всегда ценились получателями, даже если они никогда не были особенно щедры в своих словах благодарности. Миннехаха и Сагастао были вне себя от восторга в это время и горели желанием раздавать милостыню в миссии и нести дары индейцам, которых они так любили. Тот факт, что температура тех ярких, холодных северных зим стабильно держалась на много градусов ниже нуля, не охладил их пыл и не уменьшил их энтузиазма. Их собачьи поезда пользовались почти постоянным спросом, поскольку они продолжали летать по различным ледяным тропам до тех пор, пока в разных вигвамах всех не запомнили каким-нибудь полезным подарком.

Верная Мария сшила для них самые теплые костюмы из меха и одеяла. Одетые в них и засунутые заботливым водителем среди мантий в "кариоле", они мчались по тропам. Они заставляли лес отдаваться эхом от своих веселых криков и смеха — если только не было так люто холодно, что им приходилось полностью укрываться. Неудивительно, что бывали случаи, когда по прибытии в какой-нибудь отдаленный вигвам у них на щеках или носах появлялись маленькие твердые белые пятнышки, которые говорили бдительным индейцам, что здесь поработал Король Мороза и что от этих обморожений нужно избавиться как можно скорее. Их мало заботила кратковременная боль, которая возникала, когда замороженные части тела оттаивали. Они хорошо провели время на улице, и у них было слишком много выдержки и мужества, чтобы позволить таким пустякам, как несколько обморожений, нарушить их счастье. Яркий огонь, горевший в центре вигвамов или в каминах в торце или по бокам маленьких индейских домиков, конечно, всегда был желанным после долгой пробежки по пронизывающему холоду.

"Расскажи нам, Суванас, - попросил Сагастао в один очень холодный день, когда они собрались вокруг костра в его вигваме, - как получилось, что Нанахбужу украл огонь у тех, кто его охранял, и отдал индейцам".

"Это не должно быть слишком длинной историей, - сказал Миннехаха, - поскольку нам еще предстоит отправиться в вигвам Киннесасиса, Рыбка, с его подарками, и было бы очень плохо опоздать, когда они узнают, что мы идем".

Итак, Суванас пообещал себе сделать рассказ как можно короче, не испортив его, а затем, после еще нескольких глотков своего любимого калумета, начал:

"Это было давным-давно, когда в лесах и прериях было меньше людей, чем сейчас. У них не было такого количества удобств, как сейчас, и одной из самых редких вещей среди них был огонь. Иногда, когда от вспышки молнии загоралось дерево, они оставляли его на некоторое время, но, похоже, не могли поддерживать огонь, и часто им было очень холодно, и, как правило, им приходилось есть пищу, не готовя ее.

"Нанахбужу тогда все еще жил со своей бабушкой Нокомис, и ему было жаль видеть, что она часто страдала от холода и что еда была отвратительной, потому что ее не готовили. Поэтому он собрался с мыслями и решил, что нужно что-то предпринять. Поскольку теперь ему предстояло иметь дело с Муче Мунеду, злыми духами, он должен был быть очень осторожен. Он переодевался в разные одежды и, наконец, услышал все о том, как койот украл немного огня у наблюдателей в подземном мире, которые обладают его огромным количеством. Он немного испугался, когда услышал, что в мире под нами так много огня, но он не был склонен долго бояться, и поэтому, продолжая поиски и тайком прислушиваясь к разговорам виндего и других, он обнаружил, что огонь, который он так долго искал, находился во владении свирепого старого воина-целителя, который охранял его с величайшей осторожностью. Те, кто нанял койота, чтобы добыть его, доверили ему его содержание. В те дни у них была идея, что огонь - настолько опасная вещь, что это было бы почти неминуемым уничтожением расы, если бы его раздали всем. У этого старого воина были две дочери, которые были великими, свирепыми женщинами, помогавшими ему охранять огонь.

Было предпринято несколько попыток украсть огонь, прежде чем Нанахбужу решил посмотреть, что он может сделать. Все эти другие попытки провалились, и стороны, которые пытались их предпринять, были убиты. Нокомис услышала об этих безуспешных попытках и попыталась отговорить своего внука Нанахбужу от столь опасного предприятия.

Однако Нанахбужу была очень умелым парнем, и хотя это было одно из его первых великих начинаний, поскольку это было давно, ее страхи его не остановили, и он ушел. Поскольку льда на воде еще не было, он взял свое березовое каноэ и поплыл на восток так далеко, как только мог. Затем он спрятал свое каноэ там, где мог легко найти его по возвращении.

Следующее, что он сделал, это превратился в кролика, и в таком виде он поспешил дальше, пока не увидел вдалеке священный вигвам, где жили старый хранитель огня и две его дочери, которые славились своим ростом и силой. Чтобы вызвать жалость у этих дочерей, Нанахбужу прыгнул в воду, а затем выполз оттуда, мокрый и холодный, и медленно приблизился к вигваму. Здесь две дочери нашли его, и он выглядел таким несчастным, что они сжалились над ним и сразу же отнесли его в вигвам и посадили поближе к священному огню, чтобы он поскорее согрелся и обсох".

"Как это было любезно со стороны дочерей старика", - сказала Миннехаха.

"Я ничего об этом не знаю, - сказал более прозаичный Сагастао. - люди иногда попадают в беду, берясь за все, что попадает под руку. Вспомни того старого негодяя, который обманул отца.

Но Суванас, помня о своем обещании, ловко отогнал молодежь и продолжил свой рассказ.

Две девочки, увидев, каким довольным и счастливым казался кролик, греющийся у огня, снова вернулись к своим обязанностям в разных частях большого вигвама. Вскоре после этого кролик подпрыгнул поближе к костру, чтобы ухватиться за горящую палку или головешку, но когда он двинулся, земля под ним затряслась так, что это разбудило старика, который погрузился в тяжелый сон. Встревоженный таким образом, он в тревоге крикнул своим дочерям:

"Дочери мои, что же заставило землю задрожать?"

"Девушки ответили, что не знают. Они не сделали ничего сверх своей обычной работы, кроме того, что принесли согреться бедного маленького дрожащего наполовину замерзшего кролика, которого нашли на улице. Сначала старик отнесся к этому с некоторым подозрением и, перевернувшись, внимательно рассмотрел Нанахбужу. Но он превратил себя в такого бедного маленького, несчастного, наполовину утонувшего кролика, что подозрения старика полностью рассеялись, он снова повернулся на другой бок и заснул.

Нанахбужу обрадовался, услышав, что старик снова храпит, и теперь он только ждал, пока обе девушки не займутся чем-нибудь в вигваме с противоположной стороны от двери; затем он внезапно превратился в проворного молодого индейского бегуна и, быстро схватив горящую палку, выскочил из вигвама и помчался к тому месту, где оставил свое каное.

- Конечно, погоня была мгновенной. Две дочери, хотя и были волшебницами, как и их отец, хорошо знали, что высшие злые духи накажут их, если они позволят украсть хоть немного священного огня, и они были в ярости на хитрую и лживую Нанахбужу, которую они теперь узнали, за то, что она сыграла с ними такую шутку. Крикнув своему отцу, чтобы разбудить его, они немедленно побежали за удаляющимся Нанахбужу, который с горящей головней в руке быстро мчался по тропе. Но, каким бы быстрым он ни был, вскоре он обнаружил, что две девушки с помощью своей магии быстро догоняют его. Они были самыми быстрыми бегунами,

даже если были девочками, и именно по этой причине им и их отцу был доверен священный огонь. Им были бы оказаны великие почести, если бы они охраняли его к удовлетворению тех, кто доверил его им, в то время как, с другой стороны, велик был бы их позор, если бы они не выполнили свой долг.

Когда они обнаружили, что догоняют Нанахбужу и, вероятно, вернут себе зачинщика пожара, с криками и угрозами они заявили, что действительно суровым будет его наказание, когда он попадет к ним в руки, за то, что он злоупотребил их добротой и своим обманом.

"Нанахбужу чувствовал, что он действительно оказался в затруднительном положении. Однако он не собирался, чтобы его догоняли, и мчался дальше, по возможности быстрее, чем когда-либо, пока между ним и тем местом, где он привязал свое каноэ на берегу озера, не остался только большой высохший бесплодный луг. Девушки были всего в нескольких сотнях ярдов позади него, и он решил сразиться с ними этим священным огнем. Поэтому, быстро продолжая свой полет, он вонзил теперь уже пылающую головню в сухую траву, тут и там, по обе стороны тропы. Ветер дул ему в лицо, он относил назад яростное пламя и густой черный дым и не только быстро скрыл его от глаз преследователей, но и сделал для них очень опасным преследовать его.

Таким образом, Нанахбужу удалось добраться до своего каноэ, и, закрепив горящую головню на одном конце лодки, он вскоре быстро греб по воде к своему далекому дому. Разлетевшиеся искры факела сильно обожгли его в нескольких местах, но он не слишком возражал против этого и не осмеливался остановиться, чтобы перевязать раны, опасаясь, что преследователи все же настигнут его.

К счастью, ему удалось добраться до своего далекого дома. Там, на берегу, его возвращение приветствовала Нокомис, которая была полна беспокойства о нем. Она тщательно перевязала его обожженное лицо и руки и с радостью приняла дар огня, который с тех пор был таким благословением для индейцев.

"Поначалу индейцам доставляло много хлопот поддерживать огонь. Иногда наблюдатели, назначенные присматривать за ним, особенно в летние месяцы, забывали подлить свежего топлива или ложились спать и пренебрегали им. Затем им пришлось бы отправиться в какой-нибудь, возможно, отдаленный вигвам, где люди были более осторожны, и раздобыть у них немного тлеющих углей.

"Нанахбужу была обеспокоена этим. Он боялся, что если позволить ему вымереть одновременно во всех вигвамах, то он может снова не добиться такого успеха, если ему придется попытаться получить новую порцию от свирепого старика и его теперь уже разгневанных дочерей. Итак, он ушел в лес, и, наконец, добрый дух явился к нему во сне и рассказал ему о различных способах добывания огня. Он показал ему, как это можно сделать быстрым трением сухих палочек. Другой способ, который он открыл ему, заключался в соединении кремня и куска железа; таким образом можно было получить искры огня, которые, попав в огонь, вскоре превратились бы в пламя. Так что теперь индейцам не нужно прикрывать костры, как это приходилось делать раньше; благодаря мечтам Нанахбужу, они могут готовить мясо свежим, когда захотят".

"Ура Нанахбужу за его хорошую работу на этот раз!" - сказал Сагастао.

"Ну, я думаю, он был подлым парнем, раз так одурачил этих двух милых девушек, которые приютили его и согрели, когда он был бедным маленьким мокрым дрожащим кроликом!" - сказала Миннехаха.

- Приютил его? - возразил парень. "Ну, я думаю, хорошо, что он смог привлечь их к себе, как он это сделал, подожгв ту старую траву на лугу, потому что, если бы он этого не сделал, они вскоре сняли бы с него скальп".

Но тут Миннехаха обратился к Суванасу и сказал:

"Мне было интересно, как получилось, что старик и его дочери вообще добыли огонь из подземелья. Не расскажете ли вы нам эту историю как-нибудь?"

Старик принял серьезный вид и минуту или две молчал, потом ответил:

"Я думаю, тебе лучше спросить Киннесасиса. Он знает эту историю лучше меня, потому что в юности путешествовал далеко на Запад, в страну высоких гор, где, по легенде, огонь был украден из центра земли.

"Хорошо. Спасибо, Суванас. Мы собираемся отнести Киннесасису кое-какие подарки, а пока попросим его рассказать историю".

Тут в вигвам вбежал мальчик-индеец и сообщил, что Кеннеди приедет с их кариоль. Дети были хорошо укутаны, и вскоре со своим обычным радостным "Ура! Ура!" - они мчались домой.

ГЛАВА IX.

Киннесасис — Как койот добыл Огонь из недр Земли.

Дети прекрасно провели время в вигваме Киннесасиса. Он был таким веселым маленьким старичком-индейцем, и сегодня он был особенно счастлив, когда дети открыли подарки и вручили их. Он был более чем в восторге от черного костюма, присланного ему издалека друзьями, которые слышали о нем и его потребностях. Он быстро надел весь костюм, который пришелся ему очень впору, а затем очень позабавил детей, сказав:

"Я уверен, что человек, сшивший эту одежду, находится на небесах, или, если он еще не умер, он попадет на небеса, когда умрет".

"Что ж, Киннесасис, ты должен поблагодарить добрых друзей, приславших тебе эту одежду, а не поднимать такой шум из-за человека, который ее сшил; ему заплатили за ее изготовление", - сказал Сагастао. Но Киннесасис мог думать только о человеке, сшившем костюм, которым он так гордился.

Старая жена Киннесасиса была, если это возможно, в еще большем восторге от своих подарков, чем старик от своих. Они с Миннехахой всегда были лучшими подругами, и теперь, когда ребенок передавал ей подарок за подарком в виде теплой одежды и еды, ее радости не было предела, и, несмотря на ее возраст, когда ей подарили теплую обувь, она вскочила и начала петь индейскую песню, при этом со всей ловкостью юной девушки она кружилась по вигваму в ритме своих слов, которые, в приблизительном переводе, звучат так:

"Добрый Дух сжалился надо мной,
Хотя в течение нескольких дней я почти ничего не ел,
Я был несчастен и опечален в своем сердце,
Мне было холодно, о, как холодно! моим ногам.

"Но теперь у меня вдоволь мяса,
Одежды для моего тела, обуви для моих ног,
я не буду ни роптать, ни печалиться, но буду восхвалять
Добрый Дух до конца моих дней".

"Молодец!" - закричали дети, когда пожилая женщина остановилась. Они были в большом восторге от ее выступления. Однако Киннесасис, который, как и его жена, теперь был членом церкви, заявил, что был сильно потрясен, увидев ее танцующей таким образом, словно охваченной диким возбуждением от Танца Призраков. Но и Сагастао, и Миннехаха вступились за старую жену. Они сказали, что слова, которые она пела, были достаточно хороши для церкви в любой день, и они были уверены, что никто не сможет придраться к ней, показав тем самым, насколько она была рада и благодарна.

И никто никогда не находил ошибок, и вскоре это дело было почти забыто, потому что теперь слышался веселый звон собачьих колокольчиков, и кто мог войти в вигвам Киннесасиса, как не родители Сагастао и Миннехаха!

Они были сердечно встречены. Поначалу им было трудно признать в степенном маленьком джентльмене в его полном костюме из широкого сукна оживленного, но, как правило, плохо одетого Киннесасиса. Посетители— которые быстро заметили преобразование и пришли в восторг, приветствовали его так, словно он был каким-то выдающимся незнакомцем. Это очень позабавило детей. Заливаясь смехом от того, что Киннесасис притворяется, будто продолжает фарс, они закричали: "Да ведь это всего лишь наш дорогой старый Киннесасис. Он не такой уж и незнакомец. Это всего лишь Киннесасис в его новой одежде".

"Ну, - затем был задан вопрос, - кто эта очаровательная пожилая леди вон там, в такой тонкой шали и блестящем носовом платке, а на ногах у нее такие модные новые туфли?" Конечно, она незнакомка.

- Нет! Нет! - снова закричали дети. - Да это же жена Киннесасиса, на ней новые подарки! Боже, разве она не прелестно выглядит!"

Тут малыши подхватили счастливую старую индианку на руки и заставили ее встать и покрасоваться в своем новом наряде, которым она гордилась не меньше Киннесасиса.

"И она показала нам такой веселый танец в них, папа! Разве тебе не хотелось бы увидеть, как она делает это снова?" - воскликнула Миннехаха.

Но тут Киннесасис, притворившись шокированным сверх всякой меры, самым дипломатичным образом обратил внимание родителей на что-то другое, и поэтому озорному ребенку не удалось устроить церковный скандал, заставив кого-нибудь из прихожан танцевать перед миссионером.

"Расскажи нам, Киннесасис, - попросил Сагастао, - как получилось, что этот старик и его дочери впервые добыли огонь, который Нанахбужу так ловко украл у них и давным-давно передал индейцам".

Сначала Киннесасис колебался, стоит ли рассказывать старую легенду, сказав, что не думает, что отцу и матери детей будут интересны подобные истории.

"Но ведь они этого не делают!" - закричали дети. "Значит, ты не очень хорошо их знаешь, если не знаешь, что они любят истории примерно так же, как и мы".

И с этим они сразу же обратились к родителям, которые, конечно же, встали на их сторону и выразили желание послушать историю, которую, по словам детей, им предстояло услышать от дорогого старого Киннесасиса.

Подбросив еще несколько поленьев в костер, вокруг которого собрались белые гости с индейцами, Киннесасис начал:

"Давным-давно, когда я был маленьким мальчиком, я услышал эту историю от старых сказителей нашего народа. Я много дней путешествовал со своим отцом далеко в сторону заходящего солнца. Мы достигли страны великих гор и там, с нашим народом из тех краев, провели несколько лун. Именно тогда, когда мы были среди них, я услышал от древнего рассказчика легенду о том, как огонь был украден из центра земли, где он хранился вдали от рода человеческого.

"То, что существует такая вещь, как огонь, было хорошо известно. Его видели вырывающимся с вершин далеких гор, и бывали случаи во время сильных гроз, когда молния поджигала сухие деревья — и действительно, таким последним способом индейцы познакомились с его ценностью для человечества. Но они не позаботились о том, чтобы он горел, и никого не назначили специально присматривать за ним.

Причина, по которой огонь не был изначально дан людям, заключалась в том, что при сотворении расы в огне не было особой необходимости. Тогда земля была намного теплее, чем сейчас. Снега или льда никогда не было, кроме как на вершинах самых высоких гор. Все крупные животные теперь мертвы, а другие, которые могли жить только в самых жарких странах, обитали по всей этой огромной земле. Тогда было изобилие фруктов, орехов и корней, которые были очень полезны в пищу. Затем в мире произошла какая-то великая катастрофа, и вскоре стало холодать, и многие животные и даже семьи погибли. Снег и лед появились там, где их никогда раньше не видели. Люди сильно страдали от холода. Охотники начали убивать животных ради еды. Теперь они не были удовлетворены фруктами и корнями, они хотели чего-то лучшего.

Итак, огонь был очень нужен. Но где он был и как его добыть, вот в чем вопрос. К счастью, старому мечтателю приснился сон об этом. Когда совет собрался послушать его сон, он рассказал им, что огонь был сохранен в сердце земли волшебником по имени Систинаку, и что он очень бережно хранился, окруженный четырьмя стенами, одна внутри другой, в каждой из которых была единственная дверь. У первой двери стояла на страже огромная змея. У второй двери стражем был горный лев или пантера. Третью дверь охранял медведь гризли, а у четвертой и последней двери сам Систинаку неусыпно следил за драгоценным огнем, который тлел на каменном алтаре сразу за этой последней стеной.

"Когда совет услышал все это, они были почти обескуражены. Они думали, что никому не удастся пройти мимо всех этих охранников и украсть огонь.

Сначала они попросили лису попробовать, но он добрался только до первой двери, когда огромная змея чуть не съела его. Вконец перепуганный, он бросился обратно на вершину земли и рассказал о своем чудом спасшемся бегстве.

Какое-то время больше ничего не предпринималось, чтобы попытаться добыть огонь. Люди продолжали страдать, потому что земля становилась все холоднее и холоднее, и теперь лед и снег можно было найти на землях, которые раньше были комфортно теплыми. Итак, совет был созван снова, и снова был поднят вопрос о том, что можно было бы сделать.

Случилось так, что на совет пришел очень старый человек, который помнил традицию, переданную от его предков, в которой говорилось, что часть земли под нами полая и что некоторые животные, даже огромные буйволы, обитали в этих подземных областях до того, как вышли на поверхность земли. Он сказал, что койот, степной волк, ушел последним и что он уверен, что все еще помнит маршрут к тому самому месту, где Систинаку, главный вождь местных племен, так ревностно охранял костер".

"Почему они должны так бережно относиться к огню и позволять людям разводить его, когда мы знаем, насколько он хорош?" - спросил Миннехаха.

"Потому что, - ответил Киннесасис, - существовала традиция, согласно которой в тот или иной момент огонь должен был овладеть людьми, и весь мир был бы сожжен им, и они думали, что будут тщательно охранять его от распространения неосторожными людьми, которые могли бы поджечь мир".

- Ну, продолжай, Киннесасис, и расскажи нам остальную часть истории, - сказал нетерпеливый Сагастао.

Итак, когда индейский совет услышал эту историю, они послали за королем койотов и сообщили ему о своем желании, чтобы он вернулся в тот подземный мир и добыл огонь для их использования.

К их удивлению и великой радости, койот сказал, что пойдет, и немедленно начал готовиться к путешествию. Холод усилился настолько сильно, что он обнаружил темное отверстие входа под горами, почти окруженное снегом и льдом. После некоторого путешествия в темноте он добрался до внешней стены, где подождал на небольшом расстоянии от двери, пока змея не погрузилась в свой обычный сон. Затем он быстро прошел мимо него. Зная повадки других животных, он подождал, пока они уснут, а затем бесшумно прошел мимо них всех. Даже сам Систинаку крепко спал. Поэтому койот бесшумно подкрался к костру и зажег большую головешку или факел, который был надежно прикреплен к его хвосту. В тот момент, когда все начало разгораться, когда койот выбежал через первую дверь, Систинаку крикнула: "Кто там? Кто-то побывал здесь и украл огонь!"

Он сразу же начал поднимать шум и громко крикнул разным хранителям, чтобы они закрыли двери в стенах. Но койот был слишком быстр для них всех, и прежде чем спящие достаточно проснулись, чтобы что-либо предпринять, он прошел через все двери и был уже далеко на своем пути к вершине. Люди с радостью приняли огонь, но через некоторое время, когда от него выгорело несколько больших прерий и лесов, люди испугались, что мир может быть уничтожен, и поэтому они доверили его заботам старого волшебника и двух его дочерей, приказав быть очень осторожными с теми, кому они его передадут. Именно у них Нанахбужу украл его, чтобы еще раз свободно распространить среди людей, как это есть у нас сейчас.

- Но во времена моего дедушки все еще верили в традицию, что, как бы хорош ни был огонь для согревания нас и приготовления пищи, он все же станет нашим хозяином и причинит миру много вреда.

Все поблагодарили Киннесасиса за рассказ этой наводящей на размышления легенды, особенно его слушатели старшего возраста, которые увидели в ней многое, что соответствовало более ранним верованиям других национальностей.

Однако к этому времени собаки в их поездах уже нетерпеливо лаяли, им не терпелось вернуться домой к ужину. Итак, после прощальных приветствий Киннесасису и его жене, одна кариола за другой была загружена, и счастливые умчались по ледяным просторам замерзшего озера.

ГЛАВА X.

Рождественская посылка—Раздача подарков —Поездка на собачьей упряжке при температуре пятьдесят пять ниже нуля -Суванас рассказывает, как индейцы впервые научились делать кленовый сахар.

Насколько велико было волнение, вызванное прибытием рождественской посылки, вряд ли могут себе представить люди, которые никогда не испытывали лишений в стране, куда почта приходит каждые шесть месяцев и где по полгода ждут ежедневную газету. После такого долгого ожидания неудивительно, что поднялся громкий крик, когда вдали показались

долгожданные, тяжело груженные автопоезда, которые на протяжении нескольких сотен миль везли драгоценные послания любви и знаки доброй воли от самых дорогих людей издалека.

В этом году среди прибывших был дополнительный поезд, хорошо груженный столь необходимыми для миссии припасами. Его приход был встречен детьми с особым восторгом, потому что даже в этих Северных краях Санта-Клаус не был неожиданностью, и некоторые из самых маленьких предполагали, что, возможно, некоторые из его подарков придут примерно в это время.

И они не были разочарованы, потому что близкие люди далеко, в более благодатных землях, помнили этих малышей в их северном доме, где правит Король Морозов, и многими и разнообразными были подарки, которые они теперь получили.

"Я собираюсь отнести Суванасу несколько своих конфет", - сказал Сагастао.

"И я собираюсь подарить ему красивый красный шелковый носовой платок", - сказал Миннехаха.

Дети к тому времени довольно хорошо усвоили его слабость к подобным вещам, и теперь им было приятно думать, что в их силах сделать его счастливым.

Следующее утро выдалось, как обычно, ясным и безоблачным, но было очень холодно. В одном термометре ртуть замерзла, а на другом стрелка показывала пятьдесят пять ниже нуля. И все же этим энергичным детям так не терпелось поскорее отправиться со своими подарками Суванасу, а также с чем-нибудь для каждого члена семьи, что их мольбы возобладали. Вскоре у дверей появилась кариола в меховых мантиях, и со старым Кеннеди в качестве кучера они умчались прочь в сопровождении своры собак.

Индейцы от природы бдительны, и поэтому веселый звон серебристых колокольчиков был слышен, когда кариола еще находилась на некотором расстоянии по тропе. Их радушно встретили, и сильные руки быстро отнесли их в уютный вигвам, где в центре горел большой костер из сухих еловых и березовых дров.

Поскольку холод был очень сильный, а детям разрешили остаться на два часа, было решено, что Кеннеди должен немедленно вернуться домой с собаками, поскольку было бы жестоко так долго держать их на холоде.

Вскоре тяжелые покрывала были сняты, и дети удобно устроились на предоставленных им меховых ковриках. Затем они с гордостью открыли свои свертки и раздали содержимое — свои собственные подарки, а также те, которые были отправлены Суванасу и его семье из миссии. Миннехаха приберегла свой особый подарок для последнего. Когда все остальные ее подарки были вручены, она развернула красивый красный шелковый платок и, подойдя к Суванасу, сделала все возможное, чтобы красиво повязать его вокруг его шеи.

Старик, настоящий индеец, каким бы он ни был, был очень тронут ее обаятельными манерами и красивым подарком.

Он говорил очень мало, но в его глазах было мягкое, доброе выражение, которое выражало его благодарность больше, чем могли бы выразить любые слова. Это значило гораздо больше, чем, возможно, ему хотелось бы признать, и те, кто это видел, были благодарны за то, что они это

заметили, зная, как это много значит. Сагастао, который уже подарил ему несколько подарков, сохранил свою коробку конфет. Он знал, что ради таких вещей старика можно уговорить сделать почти все, что угодно, и теперь он протянул их ему и сказал:

"Теперь, Суванас, поскольку все подарки розданы, у меня есть для вас несколько замечательных конфет, но у нас должна быть первоклассная история о Нанахбужу для них".

"О да!" - сказал Миннехаха. "И поскольку это будет для сладкоежек, давайте на этот раз расскажем милую историю о Нанахбужу".

- Хочешь милую историю? Что ж, прежде чем я начну, давай разведем огонь и все удобно рассядемся вокруг него.

Затем, как они обычно делали, двое белых детей прижались как можно ближе к неподражаемому рассказчику. Их мало заботил наружный холод или даже случайные клубы дыма, которые, казалось, временами предпочитали попадать в глаза слушателям, а не выходить через отверстие на вершине вигвама.

- Милая история, - задумчиво произнес старик, - в этой стране рыб, медведей, волков, диких кошек и росомех! Затем он сделал паузу, достаточную для того, чтобы снова набить рот конфетами, которые ему так понравились.

- Милая история. Тогда она должна быть о земле к югу отсюда, где я жил несколько лет, много-много лун назад. Земля, где растет и процветает во всей своей красоте Се-се-пакс-вут-а-тик (сахарный клен).

- Там, в этих вигвамах, давным-давно жили люди, которых мы называем гурунами, дакотами и оджибвеями. Эти оджибуэи - двоюродные братья моего собственного народа, сольто. Что ж, история, которую я хочу вам рассказать, началась давным-давно. Однажды с далекого Юга прибыло большое посольство индейцев со словами мира и доброй воли. Они сказали, что в их стране не бывает холодной погоды и очень редко выпадает снег. Они сказали, что деревья были другими, и что там росло много такого, чего они не видели в нашей Северной стране. Они привезли с собой много подарков и были любезно приняты нашим народом, а затем, после нескольких недель пиршества и произнесения речей, они вернулись домой, нагруженные лучшими подарками, которые могли преподнести наши племена.

Среди подарков, которые принесли эти южные индейцы, было большое количество сахара. Это был первый раз, когда его видели у северных индейцев. Он очень ценился и был очень тщательно разделен между людьми, так что у каждого было небольшое количество. Это продолжалось недолго, потому что всем это нравилось. Когда все это закончилось, люди пожалели, и был задан вопрос: "Почему мы не можем послать компанию из наших людей и получить больше этого?"

Это предложение встретило благосклонность племен, и была отобрана большая группа лучших бегунов, и, будучи хорошо снабжены богатыми подарками и трубками мира, они отправились на поиски Южных Земель и за обилием сахара. Прошло несколько недель, прежде чем от них поступило известие, и новости были очень плохими. Между племенами, которые жили между нами и теми, кто жил на том далеком Юге, вспыхнули ожесточенные войны. Нашим индейцам пришлось сражаться за свои жизни. Многие из них были убиты, другие тяжело ранены, а из

большого отряда, отправившегося в путь, не более половины так и не вернулись в свои дома. Экспедиция потерпела полный провал.

Среди них все еще были воспоминания о сахаре, и случилось так, что однажды на совете кто-то сказал:

"Почему бы не послать в Нанахбужу?"

"Хорошо!" - воскликнул Миннехаха. - "Это именно то, что я думал, они сделают".

"Ну, погоди, - сказал ее более рассудительный брат, - вполне возможно, что Нанахбужу дала бы им соль вместо сахара, если бы у него была одна из его истерик".

Суванас не был недоволен вмешательством детей и с радостью воспользовался предоставленной возможностью еще раз отведать сладостей.

Искренне обращаясь к Суванасу, Миннехаха, которая всегда смотрела на вещи с положительной стороны и обладала не по годам острой интуицией, сказала:

"Это не могло бы быть приятной историей, если бы Нанахбужу давала им соль вместо сахара, не так ли, Суванас?"

Старик, как только его рот достаточно опорожнился, чтобы продолжить свой рассказ, удивленный серьезностью, с которой ребенок обратился к нему, ответил словами: "Тапва, тапва!" (Истинно, истинно!)

Однако Сагастао, не желая сдаваться, возразил: "О "тапва, тапва" в любом случае ничего не значит".

Суванас только посмеялся над этой критикой и продолжил свой рассказ.

Поэтому было решено послать делегацию к Нанахбужу, чтобы сообщить ему о желании племен иметь Се-се-пак-вут (сахар), как это было у племен Южных Земель.

"Депутации, отправившейся на поиски Нанахбужу, было очень трудно найти его. Похоже, что между Нанахбужу и некоторыми изподземных Муче мунеду — злых духов, иногда называемых анамаквин, - возникла великая вражда, которые решили убить Нокомис, бабушку Нанахбужу, из-за их злобной ненависти к Нанахбужу, которого, как они знали, они не могли убить, потому что он обладал сверхъестественными способностями.

"Нанахбужу, как обычно, разыграл с ними несколько своих шуток, и именно поэтому они были полны решимости убить Нокомиса".

"Какие фокусы проделывал Нанахбужу на этот раз?" - спросил Сагастао.

"Мне потребовалось бы слишком много времени, чтобы рассказать вам сейчас", - ответил Суванас.

"Нанахбужу нежно любил свою бабушку, хотя часто сильно пугал ее, как это иногда делают другие внуки. Поэтому, когда он услышал о том, чем угрожают Муче Мунеду, он взвалил свою бабушку на свою сильную спину, отнес ее далеко и соорудил для нее кленовый шатер в большом лесу среди гор. Единственный доступ к нему был через единственное бревно на головокружительной высоте над бурной рекой.

"Сейчас была осень, и все листья этих деревьев были малиновыми и желтыми, такими яркими, что при взгляде с большого расстояния они казались огромным пожаром. Так случилось, что, когда злые духи, следовавшие за Нанахбужу и Нокомис, увидели яркие краски сквозь дымку того бабьего летнего дня, они подумали, что вся страна охвачена огнем, повернули назад и больше их не беспокоили. Нанахбужу был доволен, что прекрасные клены оказали ему такую большую помощь. Он решил пожить среди них некоторое время, поэтому приготовил очень удобный вигвам для себя и своей бабушки.

- Делегация нашла Нанахбужу в вигваме среди кленов. Он любезно принял их и выслушал их историю и просьбу.

Сначала Нанахбужу была озадачена. Он был таким великим путешественником, что часто бывал в великих Южных Землях и хорошо знал, как там делают сахар. Он видел поля сахарного тростника и знал весь процесс, при котором из него выжимают сок, а затем превращают в сахар. Он также знал, что для приготовления сахара требуется много тяжелой работы.

Когда Нокомис услышала просьбу депутации к своему внуку, она очень заинтересовалась — ведь Нанахбужу несколько раз, возвращаясь из поездок на Юг, привозила ей немного сахара?... и ей это очень понравилось; и поэтому теперь она добавила к их мольбам свою просьбу о том, чтобы он каким—нибудь образом удовлетворил их просьбу.

Конечно, Нанахбужу теперь не мог отказаться, поэтому он сказал им, что, поскольку прекрасные клены были так добры к нему и Нокомис, с этого времени они должны, подобно сахарному тростнику Юга, давать сладкий сок, из которого при уваривании получается сахар, который они так любят.

Однако Он сказал им, что это не для ленивых, а только для тех, кто трудолюбив и будет выполнять его приказы. Затем Нанахбужу описал им весь процесс приготовления сахара. Он сказал им, что только весной из него потечет сладкий сок. Затем они должны были подготовить свои выстукивающие отверстия, свои спилы и ведра. Предстояло соорудить огромные камины,

и здесь, как только сок будет собран с деревьев, его должны были разварить в маленьких котелках до состояния вкусной патоки, а затем добавить еще немного, чтобы, остыв, он превратился в сахар.

"А теперь, - добавил Нанахбужу, - возвращайся к своему народу и скажи им, что от их трудолюбия зависит, кто получит больше всего сахара, который ты так любишь, до весны". Затем он искусно вырезал на камне выемку нужной формы, чтобы сделать надрез на дереве, из которого будет течь сок. Своим ножом он сделал образец кедровой ветки, тонкий конец которой предстояло просунуть в отверстие, сделанное выемкой, по которому должен был течь сок. Затем он велел им сделать много ведер из бересты и таким образом быть готовыми, когда придет время добыть обильный запас сока. Так впервые стало известно искусство изготовления кленового сахара. Нанахбужу давным-давно передал его индейцам. Затем, когда пришли бледнолицые, они последовали тому же процессу. Именно так Нанахбужу показала нам, как получать кленовый сахар".

Но тут звук собачьего лая и нежный звон серебристых колокольчиков на ошейниках собак, пришедших за детьми, подсказали, что два часа прошли.

"Огромное тебе спасибо, - сказала благодарная Миннехаха, вставая, чтобы любящие руки заботливо укутали ее перед обратной дорогой, - за эту милую, милую историю. Было так мило со стороны Нанахбужу рассказать им о соке на кленовых деревьях, даже если он бывает там только весной".

"Я думаю, что старина Нокомис заслуживает большой похвалы", - сказал Сагастао. "Мне кажется, что Нанахбужу не сделала бы этого, если бы она его не заставила".

"Ну, Нанахбужу все равно это сделала, и поэтому у нас и индейцев есть наш кленовый сахар и патока, и я рад. Итак, ура Нанахбужу!" Так ответил Миннехаха.

Здесь Суванас поднял хорошо завернутого ребенка и отнес его в кариоле, где ее и ее брата быстро укрыли и укутали в теплые одежды.

"Marche! Марш!" - крикнул собакам водитель, и они помчались по обледенелой тропе с такой скоростью, что вскоре снова оказались в безопасности и были счастливы в своем собственном уютном доме.

ГЛАВА XI.

Мэри рассказывает Легенду о происхождении Болезней — Странных Советах, Проводимых Животными против их Общего Врага, Человека.

"Мэри, как так получается, что я иногда болею, - сказал Сагастао следующим летом, - и вынужден принимать лекарства, которые мне не нравятся? Почему мы не можем всегда быть в порядке?"

В течение последней недели или десяти дней Мэри была самой преданной и верной, неусыпно ухаживая за своей неугомонной подопечной, которая была очень больна, но теперь быстро поправлялась.

"Как только ты немного окрепнешь, я расскажу тебе легенды о болезнях и медицине, переданные нашими индейскими предками, - сказала Мэри, - но сейчас тебе нужно только отдохнуть, поесть и поспать".

"Ну, Сакеу" (возлюбленная), его ласкательное прозвище для своей верной няни, "Я постараюсь не забывать о тебе".

Следующая неделя была посвящена быстрому выздоровлению, и Мэри действительно была очень горда, когда под ярким солнцем восхитительного летнего дня вывела двоих детей в уютное место отдыха среди скал, где волны озера Виннипег набегали на песчаный пляж у их ног.

Миннехаха с нетерпением ждал рассказа о милых птичках или ярких цветах, но на этот раз юный инвалид добился своего, и Мэри перешла к рассказу об представлениях индейцев о происхождении болезней.

"Давным-давно, - сказала Мэри, - все животные и птицы на этой земле жили в мире и гармонии с человеческой семьей. Тогда была пища для всех в изобилии, без какого-либо пролития крови. Даже дикие животные, которые сейчас живут, убивая и пожирая друг друга, находили много пищи во фруктах и овощах, которые тогда были в таком изобилии.

"Мужчины и женщины тоже жили на подобные средства и были довольны и счастливые. Но с годами людей стало так много, а их поселения распространились на такую большую часть земли, что многим бедным животным стало тесно в комнате.

"Даже с этим можно было бы смириться, но мало-помалу люди начали делать луки и стрелы, копья и ножи, а также другое оружие и начали применять их против незащитных животных. Затем вскоре они начали есть мясо животных и вскоре обнаружили, что предпочитают полученное таким образом мясо земным фруктам и овощам.

"Раньше они делали свою одежду из волокон деревьев и растений, которые женщины тщательно готовили и ткали; но через некоторое время они обнаружили, что из шкур буйволов, оленей и других животных, при хорошей обработке, получаются более качественные и долговечные одеяния и вигвамы, чем из материалов, которые они использовали ранее. С течением времени уничтожение более крупных животных увеличилось, и люди стали настолько более жестокими, чем раньше, что даже лягушки и черви, которым в прежние дни никогда не причиняли вреда, теперь уничтожались без пощады, по чистой небрежности или презрению. Таким образом, животные оказались в таком печальном положении, что они решили созвать большие советы из своих членов, чтобы посоветоваться о том, что можно сделать для их общей безопасности.

"Медведи собрались первыми. Они собрались вместе на вершине большой дымчатой горы, которую белые люди теперь называют Соборной горой, и председателем был назначен большой белый медведь из Северных земель".

"Что ж, это было забавно", - сказал Миннехаха. "Только представьте себе большого белого медведя, сидящего на стуле! Да ведь ему понадобился бы целый диван, чтобы вместить его.

"Не говори глупостей, дитя", - сказал покровительственный брат. "Это был совет медведей, и, конечно, стулья принадлежали медведям, а не мужчинам".

Когда к Мэри обратились с просьбой разрешить этот вопрос, она смогла только сказать: "Поскольку совет проводился на вершине горы, возможно, медведи сидели на камнях. Но не берите в голову; позвольте мне продолжить рассказ.

После того, как белый медведь произнес свою речь, он занял свое место и сказал, что теперь он готов выслушать заявления разных медведей, которые собрались, чтобы высказать свои жалобы на то, как люди убивали своих сородичей, поедали их мясо в пищу и шили одежду из их шкур.

"Почти у каждого вида медведей были печальные заявления, и некоторые из их выступлений были настолько леденящими кровь, что было решено немедленно начать войну против человеческой расы.

Затем был задан вопрос: "Какое оружие мы должны использовать против них?" После некоторого обсуждения было решено использовать луки и стрелы, любимое оружие их врагов.

"А из чего они сделаны?" - был следующий вопрос.

Вскоре на это ответил медведь, которого поймали молодым и пару лет держали в неволе в виваре одного из их врагов. Он часто видел процесс изготовления луков, и теперь мог рассказать все об этом и даже сам выполнить эту работу. Это было незадолго до того, как был изготовлен первый лук с несколькими стрелами, и когда было произведено его первое испытание, царило большое волнение. Для того, чтобы выпустить первую стрелу, был выбран большой сильный медведь. К их великому разочарованию, испытание не увенчалось успехом, так как было обнаружено, что когда медведь пустил стрелу, натянув лук, его длинные когти зацепились за тетиву и испортили выстрел. Другие медведи пытались, но у всех у них были длинные когти, и все они потерпели неудачу. Затем кто-то предположил, что эту трудность можно преодолеть, отрезав им длинные когти. Но тут вмешался председатель, белый медведь,

сказав, что им очень необходимо иметь длинные когти, чтобы лазать по деревьям или по крутым скалистым местам. "Лучше, - сказал он, - нам полагаться на свои когти и зубы, чем на человеческое оружие, которое, конечно, предназначено не для нас".

Медведи совещались до тех пор, пока не проголодались, но, сколько они ни думали, они не смогли придумать никакого удовлетворительного плана, потому что, в конце концов, они глупые животные, и они разошлись по своим разным домам, не способные сражаться с человеческой расой лучше, чем раньше.

Затем олень собрал следующий совет. Представители всех различных видов оленей, от большого лося и лосихи до самых мелких из существующих видов, собрались на красивой лесной поляне. Лось был выбран вожаком. После долгого обсуждения было решено, что в отместку за тиранию человека они навлекут ревматизм, люмбаго и подобные болезни на каждого охотника, который убьет кого-либо из их числа, если он не позаботится о том, чтобы попросить прощения за этот проступок. Вот почему так много охотников говорят непосредственно перед выстрелом: "Прошу прощения, мистер Олень, но я должен застрелить вас, потому что мне нужно ваше мясо в пищу". Они знают, что, сделав это, они в безопасности.

"Легенда кри гласит, что именно медведя нужно умиловить джентльменскими выражениями лица, когда к нему приближаются, чтобы убить. Я хорошо помню, как мы с парой охотников внимательно следили за медведем, и как раз перед тем, как выстрелить, они все время повторяли: "Извини, что мы застрелили тебя, Братец Медведь, но мы должны это сделать. Мы хотим твою теплую меховую мантию, наши семьи хотят твоего мяса, наши девушки хотят, чтобы ты смазал их головы жиром, так что ты должен извинить нас, Братец Медведь. Пожалуйста, сделай это, Братец Медведь, пожалуйста, сделай". Так они продолжали с огромной скоростью, пока он не был убит.

Но многие забывают об этом, и дух их вождя знает это и разгневан, и он поражает этих охотников или их родственников ревматизмом или какой-нибудь другой болезненной болезнью.

Затем рыбы, змеи и другие рептилии держали свой совет, и они решили, что, поскольку человеческая раса теперь стала для них такими врагами, они будут беспокоить их "страшными снами" о змеях, обвивающих их и выдыхающих им в лицо свое ядовитое дыхание, от которого они потеряют аппетит и умрут, в то время как другие из них будут искать возможности сделать воду, которую они пьют, или даже воздух, которым они дышат, нездоровыми. Ядовитым существам также было приказано использовать любую возможность, чтобы убивать своими смертельными укусами, когда это возможно.

Птицы также держали совет, председателем которого был назначен ворон. Орел возразил и хотел занять это место, но за него проголосовали, потому что представителей его вида было так мало, и на них охотились только ради их перьев, которые украшали боевые шапки великих вождей и воинов. Ворон был назначен потому, что он всегда был с человечеством и знал различные схемы и уловки, которые они изобретали, чтобы причинить вред птицам и животным различных видов. После долгих размышлений птицы решили заразить человечество простудой, кашлем, болезнями горла и чахоткой и таким образом уменьшить их численность, чтобы нашлось место для всех существ.

Затем насекомые и более мелкие животные провели свой совет, и червячок был назначен председательствовать на собрании. Он был в таком восторге от своего избрания и от того, что

они придумали план, который должен был оказаться фатальным, особенно для женщин, что упал навзничь и больше не смог подняться на ноги. Так что с того времени червь-личинка мог шевелиться только таким образом. В толпе было много разговоров и жужжания. Лягушка была особенно шумной и сердитой в своих замечаниях.

"Давно пора, - сказал он, - начать что-то предпринимать против этой жестокой человеческой расы, иначе мы скоро будем сметены с лица земли. Посмотри, какая у меня уродливая спина с шишками и язвами, потому что мужчины так пинали меня!"

Другие последовали за ним в том же духе негодующего протеста против жестокости человека. Даже мухам и комарам было на что жаловаться.

- Ну, после того, как жужжание, кваканье, жужжание и сердитые разговоры прекратились, они перешли к делу.

"Некоторым было поручено отравить воду, чтобы малярия и лихорадка поразили ныне ненавистную расу. Другие, такие как мухи и комары, должны были переносить в своих укусах множество болезней. Таким образом, случилось так, что эти укусы наносят ненавистным людям больший вред, чем простая жгучая боль, причиняемая в момент укуса. Таким образом, из-за того, что человеческая раса превратилась из воплощения доброты по отношению к остальным существам, как великим, так и малым, в жестокость и дикость, все эти разнообразные существа объединились, чтобы принести ужасные болезни среди людей в отместку за свои собственные обиды".

"Это очень плохо", - сказал Миннехаха. "Почему они не могли продолжать любить друг друга все время, вместо того чтобы все было так, как сейчас?"

Сагастао, который смеялся над мыслью о том, что комары придут на совет и им будет на что пожаловаться, сказал: "Я хотел бы знать, чем питались комары в те старые добрые времена, о которых вы говорите. Теперь они охотятся за мной достаточно активно. И он медленно поднял руку, на тыльной стороне которой пара капель быстро наполнялась его кровью.

Но Мэри, которая, подобно индианке, была мудрой и наблюдательной, только сказала: "Подожди минуту-другую, и я тебе покажу". Затем она быстро поспешила обратно в болотистое место и вскоре вернулась с толстым сочным листом, к нижней стороне которого все еще цеплялись несколько комаров, чьи тела распухли от его сока.

- Вот, - сказала она, осторожно отводя лист в сторону, - это то, чем до сих пор питается большинство комаров. Они нападают на нашу расу в отместку за то, что мы были настолько жестоки, что убили так много животных, больших и маленьких, но это, как вы можете легко видеть, их естественная пища".

Это обращение к зрителям заставило детей замолчать, которые считали всю эту историю всего лишь индейской легендой для развлечения.

Мэри, которая часто страдала от резкой критики и расспросов, с которыми они были склонны воспринимать ее любимые индейские легенды, была весьма довольна своим очевидным триумфом, поэтому она поспешно вскочила со словами:

- Нам пора возвращаться домой. Как-нибудь в другой раз я расскажу тебе историю о том, как появились лекарства.

ГЛАВА XII.

Как назвали Ребенка —Путешествие на каноэ—Легенда об открытии медицины—Как Бурундук принес Благою весть.

Одним приятным летним утром среди множества индийских мужчин и женщин, собравшихся на берегу перед зданием миссии, царило большое волнение. Серьезные индейцы в окружении Суваны спокойно обсуждали какой-то интересующий их предмет, в то время как Мэри и группа женщин, некоторые из которых были с детьми, вели себя гораздо более шумно, быстро обсуждая что-то, что, очевидно, вызывало большой интерес. Даже Сагастао и Миннехаха вбегали в дом и выбегали из него, перебегая от одной группы индейцев к другой, полные нетерпеливых расспросов и приятных предвкушений. О чем бы все это могло быть?

Давайте спросим детей, потому что такие маленькие люди часто знают больше, чем мы можем им представить. Вот подходит Миннехаха, и мы спрашиваем ее о причине столь раннего сбора индейцев и о том, почему они так необычно заинтересованы в каком-то неизвестном нам вопросе.

"Почему, ты не знаешь?" - быстро отвечает умная маленькая девочка. "Они пришли сформировать Совет по именованию, чтобы дать моей маленькой сестренке индийское имя. Видите ли, - добавила она, - мы с Сагастао родились среди индейцев кри, но бэби родился здесь, среди сольто. Только подумайте: первый маленький белый ребенок, родившийся среди них! И они хотят дать ей красивое имя Солто. Причина, по которой они так много говорят сейчас, прежде чем сформировать совет, заключается в том, что у многих из них есть ласкательные имена, которые они хотят дать нашей малышке, но, конечно, у нее может быть только одно".

"Да, - сказал Сагастао, - и наша старушка Мэри пытается заставить женщин выступить против имени, которое предложит Суванас, только потому, что она к нему неприязненна. Но я готов поспорить, что он еще побьет ее".

"Тебе не следует говорить: "Держу пари". Мама часто говорила тебе, что это было очень грубо", - с упреком сказала маленькая Миннехаха. "Ты никогда не учился этому у отца или матери. Ты, должно быть, подхватил это от какого-нибудь грубого торговца".

"Ну, хорошо, я не буду повторять это снова, но я готов поспорить — нет, я имею в виду — ура! во всяком случае, для Суванаса и его команды", - и он убежал.

"Боже мой!" - воскликнула младшая сестра. "У меня действительно столько проблем с этим мальчиком!"

Вскоре совет собрался. Мужчины и женщины расположились большим кругом и некоторое время пили приготовленный для них крепкий, хорошо подслащенный чай. Они хотели провести свои обычные языческие церемонии, но, конечно, этого нельзя было допустить, поэтому церемонии чаепития и их обычного курения были заменены. Затем няня принесла младенца и передала одной из старейших женщин. Она взяла ребенка и, поцеловав ее и произнеся несколько ласковых слов, передала женщине слева от себя. Та, в свою очередь, поцеловала ее, произнесла несколько ласковых слов и передала следующей. Так малышка переходила из рук в руки, пока не замкнула полный круг женщин и мужчин. Это была церемония принятия ребенка в племя.

Мэри, няня старших детей, была исключена из этого круга, поскольку принадлежала к другому племени. После того, как было выпито еще немного чая, девочку снова отправили на обход. На этот раз каждый человек, держа ребенка на руках, произносил какое-нибудь индийское имя, которым он или она хотели бы назвать младенца. Мэри, которая теперь втиснулась в круг, настаивала на том, чтобы иметь право голоса в этом вопросе. Она хотела, чтобы ребенка называли Папепвенасес (Смеющаяся птица), но толпа отвергла ее предложение, сказав:

"Нет, это кри; нам нужен Солто".

С соблюдением определенных приличий каждое предложенное имя обсуждалось только для того, чтобы быть отклоненным.

На какое-то время ситуация зашла в тупик, поскольку никак не удавалось определиться с названием.

"Теперь, когда вы все высказались, - сказал Суванас, - и не можете прийти ни к какому соглашению, я, как вождь, приму окончательное решение. Это первый белый ребенок, родившийся среди нас, поскольку Сагастао и Миннехаха, которых мы все любим, родились в Норвежском доме, среди кри. Большинство названий, которые вы предложили, так или иначе отсылают к птицам и их сладким песням. Составное имя, которое будет включать эти идеи и мои, Суванас (Южный Ветер), наверняка можно найти".

Это предложение было хорошо воспринято, поскольку Флоренс родилась весной, когда птицы, вернувшиеся с Юга, наполняли воздух мелодией после долгого безветрия той почти арктической зимы.

Настолько напряженные мозги и болтающие языки были задействованы, что результатом стало формирование следующего выразительного имени, которым быстро наделили ребенка. Впервые это было громко объявлено самим Суванасом: Souwanaquepapeke, что по-английски означает "Голос птиц Южного Ветра".

Тут же все индейцы подхватили это и повторяли снова и снова, чтобы оно не было забыто. Даже Сагастао и Миннехаха, которые могли говорить на индийском языке так же хорошо, как на английском, подхватили это слово и выкрикивали "Суванакенапеке", пока не усвоили его так же хорошо, как свое собственное.

Одна Мэри была раздосадована, причем настолько, что не могла скрыть своего разочарования. Это особенно заметил Сагастао, и как только Миннехаха присоединился к ним, они тихо ускользнули вместе. Получив разрешение, они взяли каноэ и отправились кататься на веслах по тихому озеру. Мэри, как и все другие индейцы, страстно любила воду и, несмотря на свою сгорбленную спину, была сильной и умелой гребчихой.

Детей разместили в центре каноэ на меховом коврике, а Мэри уселась на корме и покатила их по красивым, залитым солнцем волнам.

Какое-то время почти ничего не было слышно, так как дети были поглощены редчайшими по красоте сценами или наблюдали за рыбками, в основном за активными золотистоглазками, резвящимися в воде вокруг них.

Через некоторое время дети стали требовать рассказа, но Мэри не произнесла ни слова. Сагастао подозревал причину необычного молчания Мэри.

"Какой смысл, сакеху, - запротестовал он, - заводить тебе питомца, потому что малыша называли не Папьюпенази? Имя, которое они ей дали, понравилось всем остальным; ты, должно быть, тоже доволен.

"Если ты рассердишься и не будешь с нами разговаривать, мы пойдем и убежим в Суванас, не так ли?" - сказал Миннехаха.

Для Мэри это было слишком, и она быстро сдалась, сославшись на то, что придумала какую-нибудь красивую историю, которую расскажет им, когда они высадутся на маленький скалистый остров прямо перед ними.

"Очень хорошо, - сказал Сагастао, - давайте послушаем о том, как были открыты лекарства и как их давали индейцам для лечения болезней".

- Как раз то, о чем я думала, - сказала Мэри. - и пока мы будем отдыхать на прекрасном белом песке, я расскажу тебе эту историю.

Несколькими энергичными взмахами весла каноэ выбросило далеко на песчаный берег, и вскоре все они пристали к берегу. Хорошая возня избавила их от скованности, вызванной стесненным положением в каноэ. Затем, когда они уютно устроились на теплом песке, Мэри начала свой рассказ.

- Вы помните, милые мои, как животные разных видов держали совет и решили отомстить человеческому роду за их жестокость, насылая на них болезни. Что ж, эти существа сделали так, как они обещали, и в результате погибло много мужчин, а также женщины и дети, которые не причинили существам никакого вреда, заболели различными видами болезней, и многие из них умирали.

"А раньше среди них не было болезней?" - спросил Миннехаха.

"Нет, не то, что вы могли бы назвать болезнями", - ответила Мэри. "Люди вели такую простую жизнь, что, за исключением несчастных случаев, таких как утонувшие во время сильного шторма или убитые падающими деревьями, или что-то в этом роде, почти все люди умерли от старости".

"Значит, в те дни у них не было врачей?" - спросил Сагастао.

- Нет; в те времена не было знахарей. Хотя были те, кто умел вправлять сломанные конечности или оказывать помощь любому, кто был случайно ранен, но это было почти все. Затем внезапно среди них начали появляться болезни, насылаемые разъяренными животными, и, конечно, поднялась большая тревога. Люди не знали, что их вызвало и как от них избавиться. Многие люди были больны, и многие из них умерли.

- Видите ли, животные держали свои советы втайне, вдали от присутствия людей, и поэтому об этом никогда бы не стало известно, если бы суслик, которого некоторые называют бурундуком, не пошел и не рассказал все об этих советах людям. Он всегда был дружелюбен к человеческой расе. Он присутствовал на нескольких советах и был единственным животным, которое осмелилось сказать что-либо в пользу человека. Сделав это, он так разъярил других животных, что некоторые из них с большой яростью набросились на него и разорвали бы его на куски, если бы он не смог убежать в свою нору в земле. Как бы то ни было, они так разорвали и израняли его своими зубами и когтями, что полосы остались у него на спине по сей день.

"Ну, когда он достаточно исцелился, чтобы снова передвигаться, он посетил обители человеческой расы и был очень огорчен, обнаружив, что болезни, насылаемые другими разъяренными животными, причиняют много страданий и смертей, поэтому он рассказал обо всем нескольким людям и сказал им быть настороже. Но даже этого было недостаточно. Считалось, что теперь, когда эти болезни распространились среди них, у них должны быть какие-то средства для излечения от них, иначе все они вскоре будут уничтожены.

Пока они раздумывали, что же им делать, их маленький друг суслик снова пришел им на помощь. Он бродил среди деревьев и растений, которые всегда были дружелюбны к человеку, и рассказывал им о печальных бедствиях, постигших человечество.

Когда деревья и растения услышали, что было сделано животными, чтобы ранить и уничтожить их друзей, они быстро посоветовались между собой и решили, что сделают все возможное, чтобы победить зло.

"Сначала великие деревья провели свой совет, обсудили этот вопрос и решили, что они могут сделать в плане создания средств для лечения этих болезней, которые причиняли так много вреда. Сосны, ели и бальзамические деревья сказали: "Мы отдадим наши камеди и бальзамы". Скользкий вяз сказал, что отдаст свою кору для приготовления успокаивающего целебного напитка. Сассафрас сказал, что из его корней можно приготовить полезный чай, который снова вернет здоровье. Ясень колючий, сумах и другие растения добровольно предложили свою помощь и рассказали о заключенной в них чудесной целебной силе, если ее правильно использовать.

"Когда растения собрались на свой совет, число желающих помочь было очень велико. Никто не мог вести учет о них и о целебных свойствах, которыми они якобы обладали. Там была мандрагора с ее майскими яблоками и грушанка с ее прелестными красными ягодами; кошачья мята и костянка, которые так хороши при простуде; лобелия, которая является таким быстрым рвотным средством; шиповник, мята перечная, змеиный корень, сарсапарилла, горечавка, дикий имбирь, малина и множество других. Все радостно предлагали помощь.

Когда суслик, который в течение нескольких дней присутствовал на совете деревьев и растений, составил свой список средств, которые могло дать каждое дерево и растительность, он был очень рад, а затем, поблагодарив их за предложенную помощь, быстро вернулся в обители человечества и сообщил им о своем большом успехе.

"Конечно, они были очень довольны и очень благодарны суслику за его доброту и заинтересованность в их счастье. Вот почему бурундук, или суслик, живет рядом с домами людей. Вы никогда не увидите, чтобы индеец стрелял в них или чтобы мальчики или девочки пытались поймать их в силки. Им всегда рады среди деревьев и вигвамов. Индейцы любят их за то, что они вступились за человека, когда другие животные отвернулись от него, и за то, что именно один из их предков заставил деревья и растения раскрыть свои полезные свойства для лечения больных".

"Теперь я понимаю, почему, когда я гулял с индейскими мальчиками, они никогда не пускали стрелу в бурундука, даже когда я их об этом просил", - сказал Сагастао.

"Да, - сказала Мэри, - все индейцы слышали, как их отцы рассказывали о доброте старого отца бурундука в те дни, когда животные так много знали и умели говорить, и поэтому они предостерегают детей от причинения вреда этим милым маленьким созданиям".

Но теперь им пора было возвращаться. Легкое каноэ снова спустили в озеро, и вскоре они уже весело скользили по чистым водам к своему уютному дому.

ГЛАВА XIII.

В вигваме Суванаса — Как Серый Волк преследовал Вобену и как Нанахбужу наказала Его.

"Мы пришли сегодня послушать хорошую историю о Нанахбужу", - сказала Миннехаха, когда они с Сагастао подняли дверь из оленьей шкуры в вигваме Суванаса и вошли со всей уверенностью детей, которые знают, что им здесь рады.

"Делал ли он когда-нибудь что-нибудь, чтобы наказать плохих парней, которые были жестоки к своим женам и детям?" - спросил Сагастао. "Потому что, если бы он это сделал, я бы хотел, чтобы он пришел и отлупил старого Ваку, этого негодяя, который снова отлупил свою жену за то, что сказал, что она поймала недостаточно кроликов, чтобы удовлетворить его".

Суванаса, который был одним из добросердечных индейцев и никогда не был жесток ни к кому из своей семьи, очень позабавили огонь и негодование, с которыми говорил юноша. Поэтому, устроив для детей удобные сиденья среди мантий и одеял, он попытался удовлетворить их требования. "Нанахбужу, - сказал он, - делал такие вещи давным-давно, но однажды, когда он задал хорошую трепку мужчине, который был очень жесток к своей жене, жена, как только смогла, вскочила с того места, куда ее повалил муж, схватила весло и набросилась на Нанахбужу с такой яростью, что он решил никогда больше, если сможет, не вмешиваться в ссору между мужем и женой. И, - добавил старик с веселым блеском в глазах, - для всех будет лучше, если это возможно, держаться подальше от таких ссор.

"Да, но, мисмис" (дедушка, ласкательное имя Миннехахи для Суванаса), "ты, конечно, знаешь хорошую историю, в которой Нанахбужу помог кому-то, не попав в беду сам".

"Конечно, хочу, внучек мой, - сказал старик, - и я знаю, что тебе это понравится.

"Моя история о прекрасной индийской девушке, к которой пристал жестокий охотник. Он был полон решимости, чтобы она вышла за него замуж, хотя он ей и не нравился, и Нанахбужу пришла ей на помощь.

Девичья фамилия была Вобену. Она имела несчастье потерять и отца, и мать, когда ей было около восемнадцати лет. На ее единоличном попечении осталось четверо детей, все намного младше нее. У них не было поблизости ни дядей, ни тетей, ни других родственников, которые могли бы позаботиться о них, и поэтому Вобену приходилось охотиться и ловить рыбу, чтобы добыть еду для своих младших братьев и сестер. К счастью, ее отец оставил ей несколько хороших капканов и сетей, а также много бечевки для силков, и так что трудолюбивая девочка неплохо устроилась. Большое озеро рядом с ее вигвамом изобиловало рыбой, а в лесах вокруг водилось множество кроликов, куропаток и другой мелкой дичи. Когда на большом озере поднимались сильные штормы и Вобену не могла одна отправиться на своем каноэ из березовой коры за своими сетями, некоторые индейцы, которым было приятно видеть, какая она добрая и трудолюбивая, чинили ее сети и приносили пойманную рыбу. Так она продолжала трудиться, и с помощью этих добрых индейцев у нее все получалось очень хорошо. Ее младшие братья и сестры очень любили ее и делали все, что могли, чтобы помочь в более простой и облегченной части работы. Каждый порядочный человек среди индейцев был доволен ее трудолюбием и часто, по-своему спокойно, находил для нее несколько ободряющих слов.

Но было одно исключение, и это был эгоистичный охотник-индеец, который, увидев, какой красивой и сильной женщиной она стала, и такой искусной в обращении как с сетями, так и с капканами, решил, что она должна стать его женой, работать на него и выполнять его приказы. Этот человек был женат раньше, и, если поступавшие сообщения соответствовали действительности, вполне вероятно, что его жена умерла из-за его жестокости по отношению к ней. Поэтому он решил в своем эгоизме взять Вобену в жены, оторвав ее от заботы о братьях и сестрах, и заняться для него охотой и рыбной ловлей, чтобы он мог вести праздную жизнь.

"Поскольку ее родители умерли, этой эгоистичной молодой индианке не нужно было обращаться к ее отцу, чтобы купить ее в жены. Все, что он думал, что ему нужно сделать, это пойти и сказать ей, что она должна стать его женой, прийти и сделать так, как он ей прикажет. Его слова были такими резкими и холодными, а взгляд таким грубым и неприступным, что, хотя Вобену и была напугана, она была достаточно серьезна и воодушевлена, чтобы с негодованием отклонить его просьбу и приказать ему никогда больше не беспокоить ее.

Это, конечно, очень разозлило его. Он отказался ехать и продолжал настаивать на том, чтобы она поехала с ним.

Опасаясь, что он может отомстить ей, причинив какой-нибудь вред ей или детям, она сказала ему, что ее долг - оставаться с малышами, чья смерть родителей оставила на ее попечении; что они могут погибнуть, если она сейчас оставит их.

Но ничто не могло утихомирить его гнев, и если бы как раз в этот момент не появились какие-нибудь дружелюбные индейцы, он бы жестоко избил ее. При них он не осмелился ударить ее и поэтому, бормоча какие-то угрозы, угрюмо зашагал прочь в лес.

Теперь бедняга Вобену был очень встревожен. Беззаботная и свободная, она с радостью работала и надрывалась ради своих близких, но теперь вот приходит этот жестокий, свирепого вида мужчина, на которого она могла смотреть только со страхом, и угрожает утащить ее от них всех. Серый Волк, ибо таково было его имя, пользовался дурной репутацией среди индейцев. Молодые люди избегали его, а девушки старались не попадаться ему на глаза, когда он был поблизости. Все были убеждены, что он будет упорствовать в своих попытках заполучить Вобену, но в том, что он добьется успеха, никто не желал. Тем не менее, хотя представления индейцев о некоторых из этих вещей настолько своеобразны, что никто, казалось, не был расположен вмешиваться, в то же время некоторые из них, как правило, искали ее защиты. Что же касается храброго Вобену, то, хотя она и была уверена, что он по-прежнему будет доставлять ей неприятности, она была полна решимости никогда не подчиняться ему.

Таким образом, шли недели, а Серая Волчица искала какую-нибудь возможность похитить ее и предприняла несколько попыток сделать это, которые Вобену, всегда бдительному, удалось предотвратить.

В конце концов его настойчивые попытки стали настолько раздражающими, что ей пришлось пренебречь большей частью своей работы, чтобы оставаться настороже. Еды становилось все меньше, потому что теперь она не осмеливалась отходить далеко от своего вигвама, чтобы поохотиться на куропаток, кроликов и других мелких созданий, которых она так ловко ловила в силки.

В конце концов она решила пойти к Нанахбужу и попросить его помощи в избавлении от этого надоедливого парня. Когда Нанахбужу услышал ее печальную историю, он очень разозлился. Он был возмущен тем, что такая достойная девушка, которая была так добра к своим младшим братьям и сестрам, должна быть обеспокоена большим, эгоистичным, ленивым парнем, который хотел ее только потому, что она была такой трудолюбивой и так ловко выполняла свою работу.

Нанахбужу много слышал о ее добром обращении с детьми и о ее умении удовлетворять их нужды, поэтому, не теряя времени, вернулся с ней в ее вигвам. Сначала младшие дети очень боялись его, так как они, как и все другие индийские дети, слышали о нем такие чудесные истории. Но в тот день он был в таком веселом расположении духа и был так восхищен всем, что видел в вигваме Вобену, и доказательствами ее трудолюбия, что вскоре подружился со всеми детьми. Как пойти на работу, чтобы преподать Серой Волчице такой урок, чтобы она больше никогда их не беспокоила, он поначалу почти не знал. Однако не прошло и нескольких часов, как ему пришлось принять решение, потому что один из маленьких детей ворвался в вигвам с ужасной новостью о том, что Серая Волчица с большим собачьим хлыстом в руках и очень сердитым видом идет по тропе. Услышав это, Нанахбужу только рассмеялся и очень быстро решил, что делать. - Сядьте там, - сказал он Вобену, - в той темной части вигвама, накройте голову одеялом и не двигайтесь, пока я вас не позову; а вы, дети, должны вести себя тихо. Не пугайся и не говори ни слова, что бы ни случилось.

Затем Нанахбужу, который, как вы знаете, мог принимать любой облик, какой ему заблагорассудится, внезапно преобразился так, что стал в точности похож на Вобену. Его сходство с ней было настолько совершенным, даже в одежде, что ее братья и сестры не смогли бы распознать маскировку. Действительно, молодые люди не могли удержаться и посмотрели туда, где в полумраке сидела настоящая Вобену, натянув на голову одеяло. Но они были

индейскими детьми, которых с детства учили вести себя тихо и делать то, что им говорили, и поэтому они полностью подчинялись его командам.

Конечно, когда Серая Волчица вошла в вигвам, он был полностью обманут, и теперь, думая, что поймал Вобену, когда поблизости не было дружелюбных индейцев, он сразу же очень яростно заговорил с ней:

"Я спрашиваю тебя в последний раз, - сказал он, - а теперь я пришел со своим собачьим кнутом и намерен хорошенько выпороть тебя, а затем отвезти в свой вигвам. Я намерен называть тебя Атим, моя собака, и, как собака, я собираюсь отлупить тебя".

"Gave him such a terrible beating."

Затем он свирепо занес кнут, чтобы ударить, как он думал, Вобену, но удар не достиг своей жертвы или даже переодетого Нанахбужу, на которого он был нацелен, ибо Нанахбужу был в такой ярости, что любой человек в обличье мужчины мог быть настолько жесток и эгоистичен, чтобы прийти и угрожать такой доброй молодой женщине, как Вобену, что он внезапно прыгнул на Серого Волка и, схватив его за прядь волос на голове, выволок из вигвама, а затем вырвал тяжелый кнут у него из рук. рука нанесла ему такую ужасную взбучку, что он помнил это всю свою жизнь. Затем, грубо швырнув его на землю, Нанахбужу, все еще переодетый Вобену, поспешил в вигвам и сказал настоящему Вобену:

"Теперь, пока он слаб и запуган, выйди и строго поговори с ним, и скажи ему, что если он когда-нибудь снова побеспокоит тебя, ему будет хуже, чем сейчас".

"Когда Вобену вышла, ее появление так напугало Серого Волка, что он попытался встать и улизнуть, каким бы слабым он ни был. Вобену, обрадованная тем, что ее враг был настолько побежден, что вряд ли доставит ей еще больше хлопот, сделала так, как просила Нанахбужу.

"Ваубену и дети от всей души поблагодарили Нанахбужу за то, что она таким образом избавила их от этого плохого индейца, который так долго делал их жизнь невыносимой. Перед уходом Нанахбужу предупредил детей, чтобы они никому не говорили о его приходе, "потому что, - сказал он, - если Серая Волчица узнает, кто его избил, от него могут быть неприятности".

"Было бы лучше для всех, если бы дети запомнили этот совет", - добавил Суванас.

- О, расскажи нам, что они сделали и что случилось! - крикнул Сагастао.

- Не сегодня, - сказал старик. - Вам обоим пора возвращаться к своим занятиям, а поскольку я собираюсь отправиться туда за сигом, то возьму вас с собой в каноэ.

"Но это все из-за истории о Вобену и детях?" спросил Миннехаха.

"Да, - сказал Суванас, - пока мы не перейдем к следующему. Долгое время после того, как Серый Волк получил взбучку, он держался от них подальше, хотя его сердце было полно гнева и мести. Хотя он был крупным парнем, он боялся снова угрожать ей, которая, хотя и казалась всего лишь индейской девушкой обычного роста, обладала силой, позволившей ей задать ему такую трепку".

ГЛАВА XIV.

Трогательная история любви Вобену—Предательство Серого Волка—Легенда о Виски Джеке.

"Это произошло таким образом, - сказал Суванас, - и это такая печальная история о прекрасной Вобену".

"Это заставит меня заплакать?" спросила мягкосердечная Миннехаха. - Если так, то не думаю, что хочу это слышать.

"Останься и послушай это, ты, маленькая киска", - сказал Сагастао. "Я уверен, что это не хуже, чем Малыши в Лесу".

"Ну, ты всегда плачешь первой, когда мы вместе читаем эту историю", - сказала Миннехаха.

На это юноше нечего было сказать, потому что, несмотря на кажущуюся резкость, сердце его растаяло быстрее, а глаза наполнились слезами легче, чем у его сестры, услышавшей трогательную историю.

"Что ж, продолжайте, Суванас", - сказал Сагастао. - У каждого из нас есть носовой платок, и когда он закончится, вы можете одолжить нам одеяло.

Услышав эту странную речь, все рассмеялись, и тогда старик начал свой второй рассказ о Вобену. "Все это произошло потому, что у маленьких детей длинные языки, и эта история должна предупредить маленьких детей, что, хотя у них два глаза и два уха, язык у них всего один,

и что они ни в коем случае не должны говорить или повторять половину того, что они видели и слышали.

"Младших братьев и сестер Вобену предупредили, что они не должны никому говорить о визите Нанахбужу в их вигвам. На самом деле Нанахбужу был таким странным парнем, что ни в коем случае не хотел, чтобы люди сплетничали о нем, и, если он и сделал для кого-то какое-то доброе дело, он не хотел, чтобы они когда-либо говорили об этом. Тогда еще одной причиной, по которой Нанахбужу не хотел, чтобы они говорили о его визите и помощи, был страх, что Серый Волк, узнав, как получилось, что он получил такое избиение, станет еще более ожесточенным и мстительным по отношению к Вобену и снова попытается заполучить ее в свою власть. Маленькие дети, конечно, были в восторге от того, что их вигвам больше не посещала Серая Волчица, чей приход всегда вселял в них ужас, в то время как Вобену была так довольна тем, что избавилась от него, что почувствовала себя счастливее и жизнерадостнее, чем когда-либо за долгое время. Прошло совсем немного времени, прежде чем некоторые другие индейцы заметили перемену. Они были удивлены, что Серая Волчица так внезапно прекратила свои визиты и что он казался таким удрученным и угрюмым. Естественно, их любопытство было возбуждено, и им не терпелось узнать, что произошло".

"Лучше бы они занимались своими делами", - вмешался молодой Сагастао, который, казалось, понял суть истории.

"Помолчи и не перебивай Суванаса", - сказала Миннехаха, которая часто чувствовала себя обязанной сдерживать импульсивность своего брата.

"Конечно, - продолжал Суванас, - Серая Волчица так страдала, что ему было почти нечего сказать, и если его когда-нибудь дразнили по поводу Вобену, он впадал в ярость.

Сама Вобену была слишком благоразумна, чтобы удовлетворять их праздное любопытство, но само возвращение к ней жизнерадостности и нежелание говорить об этом только усилили глупое желание посторонних выяснить, что произошло на самом деле. Поэтому некоторые из этих непослушных назойливых людей начали расспрашивать детей, когда им удавалось увести их из Вобену, потому что в ее присутствии они были такими же немými, как и она. Они приставали к детям и пытались разными способами, прежде чем им это удалось. Но однажды, когда Вобену была в отъезде и чинила свои ловушки, кто-то из этих злобных негодяев посетил ее вигвам и преуспел в том, чтобы заполучить одного из самых маленьких - сейчас я просто забыл, мальчик это был или девочка".

- Девушка, конечно! - крикнул Сагастао.

"Нет, конечно; я уверен, что это был непослушный мальчик", - сказал Миннехаха.

- Ну, неважно, что именно, но один из них сказал: "Нанахбужу!"

Одного этого слова, Нанахбужу, было вполне достаточно, чтобы напугать их, потому что Нанахбужу тоже очень боялись, так как он иногда совершал ужасные вещи.

Того факта, что Нанахбужу была среди них, хотя они долгое время не слышали ничего, кроме одного слова от перепуганных детей, было вполне достаточно, чтобы взбудоражить всю деревню, поскольку сплетники вскоре распространили эту новость.

"Такие назойливые люди не могли удовлетвориться только слухом о том, что Нанахбужу посетила вигвам Ваубену. Конечно, они хотели услышать о том, что он сказал и сделал, и я с сожалением вынужден сказать, что через некоторое время, с помощью уговоров и подарков, им удалось вытянуть из детей всю восхитительно захватывающую историю.

"Когда Серый Волк, над которым так издевались все, кто осмеливался, услышал от сплетников, как случилось, что он получил такую взбучку, он пришел в еще большую ярость.

"Когда Вобену узнала, что все известно о том, как Нанахбужу помогла ей, она очень пожалела, что ее младшие братья и сестры были такими непослушными. Она также знала, что теперь ей придется быть более осторожной, чем когда-либо, в отношении передвижений Серой Волчицы. Но дело было в том, что он был так напуган своим избиением, что боялся открыто напасть на нее, чтобы она снова не попросила Нанахбужу помочь ей, и это могло быть для него хуже, чем при их первой встрече. Но он лелеял в своем сердце мстительные чувства и решил, что рано или поздно жестоко накажет ее.

Прошло несколько лет, и дети постарше, жившие рядом с Вобену, смогли заниматься большей частью охотой и рыбной ловлей, а также быть начеку от любых злых дел Серого Волка. Таким образом, они смогли в какой-то мере отблагодарить свою сестру, которую они нежно любили, хотя и были такими легкомысленными, за всю ее огромную доброту к ним.

Однажды осенью в деревню приехал великолепный охотник-индеец. Он был из того же племени, но большую часть времени жил со своим народом в отдаленной части страны. Ему так понравилась эта деревня, где жил Ваубену, что он решил остаться на зиму и поохотиться. Он был таким приятным парнем и таким великим охотником, что вскоре завел много друзей. Серый Волк был единственным человеком, который, казалось, ненавидел его, и он был даже настолько опрометчив, что открыто оскорбил его на собрании индейцев.

Сокваатум, так звали молодого воина, некоторое время терпел оскорбления Серого Волка, затем, когда он увидел, что некоторые из молодых охотников начали думать, что он боится Серого Волка, он внезапно прыгнул на него и сбил с ног, а затем, схватив за пояс, встряхнул его так легко и основательно, как дикая кошка встряхивает кролика. Затем он отшвырнул его от себя и сел среди людей, как ни в чем не бывало.

В тот вечер, когда он и родственники, с которыми он жил, сидели вокруг костра в вигваме, он впервые услышал историю Вобену: о ее великом трудолюбии, о ее любви к своим маленьким братьям и сестрам и о том, как ей угрожала Серая Волчица, а затем подружилась Нанахбужу.

Эта история очень заинтересовала Сокватума, особенно потому, что на охоте он встретил ее младшего брата, теперь прекрасного рослого охотника, и очень полюбил его, хотя он был намного моложе. Поэтому он решил, что, как только сможет, посетит ее вигвам и попытается познакомиться с ней.

"Хо! Хо! Значит, это будет история любви", - сказал Сагастао.

"Тише, ду", - сказала его сестра. "Не все истории о любви заканчиваются хорошо. Вспомни, там был Серый Волк!"

Суванас воспользовался перерывом, поскольку это дало ему возможность раскурить трубку с помощью кремня и стали, после чего он продолжил рассказ.

Вскоре после этого Сокватум облачился в свой самый привлекательный костюм и посетил палатку Вобену. Он оправдывался тем, что хотел повидаться с ее братом и устроить какую-нибудь охотничью экскурсию.

Вобену, которая часто слышала, как ее брат рассказывал о своем великом мастерстве охотника, а также слышала, как легко и основательно он справился с Серой Волчицей, приняла его очень любезно и сразу же приняла радушно.

Что ж, неудивительно, что он вскоре влюбился в Вобену, и ей так понравились его манеры, а также привлекательная внешность, что она очень привязалась к нему, и не прошло и нескольких дней после их первой встречи, как по всему миру разнесся слух, что Сокватум и Вобену были любовниками.

"Сокваатум оставался примерно до середины зимы. Затем он вернулся в свой далекий дом, чтобы сделать все приготовления к приему своей жены, за которой он должен был приехать весной.

Серый Волк, конечно, пришел в ярость, когда услышал, что Вобену собирается выйти замуж за человека, который унизил его в присутствии стольких людей. Хотя он был злым и мстительным, в душе он был трусом, и теперь, когда брат Вобену стал взрослым, он боялся его, так же как и Сокватума, пока тот жил по соседству. Но его страхи не мешали ему обдумывать планы мести, которые, однако, ни к чему не привели, потому что друзья Вобену были очень бдительны и хорошо подготовлены.

Наконец один из его планов удался, и вот как это произошло:

Серый Волк нанял себе в помощь молодого индейца, который был так же плох в обращении с самим собой. Поскольку Сокваатум уже несколько недель как уехал в свой дом, который находился далеко к востоку от этих краев, Серая Волчица и его злобный спутник прошли довольно большое расстояние — много миль — в том направлении. Там они построили охотничий домик и составили план захвата Вобену. Затем спутник Серой Волчицы вернулся и стал прятаться возле вигвама Вобену. Однажды ночью он увидел, как около полуночи двое ее братьев отправились к каким-то отдаленным ловушкам, на то, чтобы добраться до них, у них ушел весь день.

Как только этот негодяй убедился, что они скрылись из виду и слуха, он бросился к палатке Вобену и поспешно пробудил ее ото сна. Когда он оделся так, словно догонял ее, она начала звать: "Сокваатум! Сокваатум!" Увы! он был далеко, но был другой, который, к счастью, был рядом. Нанахбужу был на охоте, и у него были сани, которые он тащил, нагруженные дичью. Он был удивлен, услышав этот крик: "Сокваатум! Сокваатум!" и по мере того, как он продолжал слушать, крик стал хриплым, а затем стал похож на шепот. Он больше не мог этого выносить; он бросился через лес и там увидел Вобену, который мчался вперед на снегоступах, крича тихим шепотом: "Сокваатум! Сокваатум!", в то время как менее чем в сотне футов позади нее стояла Серая Волчица, торжествующе кричавшая, что скоро поймает ее. К сожалению, Нанахбужу в тот день была не в очень хорошем настроении. Он слышал о каких-то маленьких детях, которые сплетничали о нем, и слышал, что дети в палатке Вобену рассказали о его визите.

Однако, когда он увидел, кто именно был в опасности, и услышал, как она взывает к нему о помощи, когда увидела его, и особенно когда он увидел, кто именно преследовал ее, он быстро

превратил Вобену в птицу, и без каких-либо проблем она быстро взлетела на дерево вне досягаемости опасности.

- С тех пор Уобену стал Виски Джеком, и если вы послушаете Виски Джека, когда он не бранится и не требует еды в вашем лагере, его голос будет подобен голосу заблудившейся индейской девушки, сильно простуженной, зовущей своего возлюбленного.

- Что Нанахбужу сделала с Серой Волчицей? спросил Сагастао.

-Тише, - сказал Миннехаха. "Разве ты не знаешь, что Нанахбужу не любит, когда дети говорят о нем?"

Эта чрезмерная осторожность со стороны маленькой девочки очень позабавила Суванаса. Затем он рассказал им, что Нанахбужу превратила Серого Волка в собаку и заставила его тащить домой свой тяжелый груз мяса.

ГЛАВА XV.

Новая раса: Росомаха и Скала — Как укоротили ноги Росомахи —Наказание за самомнение.

Однажды утром среди детей в классной комнате царило большое волнение, когда Мэри вошла и сообщила, что приехали какие-то охотники на собачьих упряжках и что с ними большая росомаха, убитая в лесу неподалеку отсюда. Дети выбежали посмотреть на это.

Известно, что росомаха - такое хитрое животное, что убийство одной из них является настоящим событием среди индейцев, а удачливый охотник, которому удастся ее уничтожить, становится героем дня. Человек может за одну охоту убить нескольких медведей, или волков, или многих других животных, и об этом мало что говорится, но убить росомаху, этого вредителя и бича охотников, действительно подвиг, которым гордится любой человек.

"Почему это называется росомахой?" - спросил Сагастао.

"Потому что когда-то он был похож на волка, у него были маленькие и длинные лапы, но теперь его лапы короткие, а ступни очень большие".

"Что укоротило его ноги и сделало их такими большими?" - спросил Сагастао.

День был слишком холодный, чтобы оставаться на улице и смотреть на росомаху или узнавать о ней больше, поэтому детям пришлось вернуться в теплую классную комнату, где их уроки возобновились.

Однако было очевидно, что и у Сагастао, и у Миннехахи была готова пара вопросов к Мэри, и вскоре после окончания уроков они разыскали ее и спросили:

- Мэри, что укоротило лапы росомахи? и почему у него такие большие ступни?

"Росомаха, - ответила Мэри, - когда-то была самой красивой из всех разновидностей волков. У нее был самый мягкий и красивый мех. Ноги у него были длинные, ступни крепкие и красивые, но он был ужасно тщеславным парнем. Он воображал себя самым красивым существом на свете и с презрением смотрел на все остальные виды волков. Он ходил на берег чистого озера,

где мог видеть свою тень, отражающуюся в воде, расхаживал взад-вперед и говорил: "О дорогой, какое я прелестное создание!"

"Это правда, что он был очень умен во многих отношениях. Он был настолько быстр, что мог загнать даже антилопу и лося, и на всех больших сборищах животных, где различные существа собирались на совет, он был там самым быстрым и легко выигрывал главные призы на больших скачках, которые раньше устраивали животные. Действительно, он выиграл так много скачек, что в конце концов не смог заставить ни одно животное соревноваться с ним. Он даже пытался устраивать гонки с птицами, но они смеялись над ним за его самомнение.

Однажды ему случилось охотиться в горах. Недалеко от вершины одной из них он увидел большую скалу, похожую на шар, стоящую отдельно от других больших скал. Подойдя вплотную к этому большому круглому камню, он сказал ему:

- "Это тебя я только что видел гуляющим?"

"Нет, я не могу идти, я пролежал здесь долгое время", - сказал камень.

Росомаха возразил, что он уверен, что видел ходячую скалу.

Это рассердило скалу, и он сказал росомахе, что тот говорит неправду. Тогда дерзкая росомаха ответила:

- "Тебе незачем разговаривать со мной в таком тоне, потому что я видел, как ты ходишь".

Затем росомаха отбежал на небольшое расстояние и бросил вызов скале, чтобы та поймала его. Но скала не ответила на это, и смелая росомаха подошла вплотную к скале, ударила по ней лапой и сказала:

"Ну же, посмотрим, сможешь ли ты поймать меня!"

"Я не могу бежать, - сказал камень, - но я могу катиться".

Услышав это, самодовольная росомаха расхохоталась. "Хватит! Все, чего я хочу, - это гонки. Ты можешь бегать или кататься, как тебе нравится.

Затем началась гонка; росомаха с огромной скоростью понесся вниз по склону горы, и камень покатился за ним. Сначала большой камень двигался не очень быстро, и росомаха рассмеялся, когда оглянулся и увидел, что камень остался так далеко позади. Но камень летел все быстрее и быстрее, и теперь это заставляло росомаху делать все возможное, чтобы опередить его. Они помчались дальше, по палкам, камням и неровным местам, вниз — вниз по этому огромному, длинному склону горы. Наконец, каким бы быстрым и сильным он ни был, росомаха начал уставать, и хотя он бежал так, как никогда в жизни, большой камень уверенно догонял его. Мало-помалу он так испугался, что, оглянувшись на скалу, которая теперь была совсем близко от его пяток, споткнулся опалку и упал. Камень прокатился по нему и, как только полностью придавил его к земле, остановился.

Тогда росомаха, чья голова не была раздроблена камнем, закричала:

"Отвали! уходи! ты делаешь мне больно. Ты ломаешь мне кости".

Но скала ответила:

"Ты мучил меня и говорил, что я говорю неправду, и ты вызвал меня на состязание с тобой; и теперь, когда я поймал тебя, я не сдвинулся с места, пока не придет кто-нибудь посильнее и не уведет меня".

Тогда росомаха возвысил голос и закричал своим сородичам, волкам и лисицам, чтобы они пришли и убрали камень.

"Когда эти животные пришли и увидели его в таком бедственном положении, они спросили его:

-Как получилось, что ты забрался под камень?

Росомаха ответила:

"Я бросил вызов скале, чтобы она поймала меня, и она покатилась на меня".

"Когда волки и лисы услышали это, они не очень огорчились. Они знали, насколько росомаха был самонадеян по поводу своей скорости, на самом деле все они были поражены легкостью, с которой он победил их, и поэтому, вместо того, чтобы сразу помочь ему, они сказали, что он заслужил свое наказание.

Однако через некоторое время им стало жаль бедную росомаху, которая жалобно звала на помощь, но они обнаружили, что не в состоянии убрать камень. Они даже не могли его ни в малейшей степени пошевелить.

"убирайся с дороги, - сказала росомаха, - а я позову других моих друзей, грома и молнию".

"Через несколько минут было замечено большое черное облако, быстро надвигающееся с запада. Когда он мчался вперед, лисы и волки были очень напуганы громким шумом, который он производил. Однако у них хватило смелости попросить молнию снять с росомахи прекрасную шерсть, но не убивать его. Затем они побежали назад и стали наблюдать, как молния выполняет

свою работу. Молния пообещал сделать то, о чем его просили; потому что он слышал об этой гордой, самодовольной росомахе, которая хвасталась, что может бегать со скоростью молнии, и теперь он просто собирался преподать ему урок. Поэтому он отскочил на некоторое расстояние, чтобы собраться с силами, а затем бросился вперед, ударил по скале и разнес ее на мелкие кусочки. Он также полностью содрал шкуру со спины росомахи, но не убил ее. Когда росомаха встал и стоял там голый, без всей своей красоты, он был очень зол на молнию.

"Вы похожи на других так называемых друзей, о которых я слышал, - сказал он. - вы ничего не можете сделать, но обязательно переусердствуете и все испортите. Тебе не было нужды срывать с моей спины прекрасную меховую шубу, когда ты знал, что я всего лишь попросила тебя подойти и ударить по скале.

Тогда бедный, дрожащий росомаха собрал куски своей шкуры и отнес их своей сестре лягушке, которая жила на болоте, и попросил ее сшить их вместе. У лягушки были воспаленные глаза, и когда она их сшивала, то сделала это неправильно. Поэтому росомаха был очень зол, он сильно ударил ее по голове и сбросил в воду. Затем он взял пальто и пошел искать свою младшую сестру, мышку. Он рассказал ей о своих неприятностях и о том, как лягушка плохо выполнила свою работу. Затем он показал мышонку, как ему нужно сшить пальто. Его младшей сестре стало жаль своего старшего брата, и поэтому она принялась за работу и с большой осторожностью сшила все детали вместе в нужных местах. Когда росомаха увидел, как хорошо она выполнила свою работу, он был очень доволен.

"Вы, мыши, можете жить везде, - сказал он с искренней благодарностью, - и, несмотря на всех ваших врагов, вы никогда не будете уничтожены".

Тогда росомаха попытался надеть свою шубу, но, увы! он обнаружил, что его ноги были укорочены, а ступни сильно расплющены из-за ужасного раздавливания большим камнем, который он имел глупость бросить наперегонки".

"Думаю, он провел не так уж много гонок", - сказал Сагастао.

"В самом деле, нет", - последовал ответ. "Он был так подавлен и разгневан, что с того дня и по сей день росомаха всегда был угрюмым, одиноким животным и разыгрывал все подлые шутки, какие только мог, со всеми видами животных, как будто затаил на них злобу. Теперь у него нет ни одного друга, который когда-либо заботился бы о нем, если только это не его младшая сестра мышка".

ГЛАВА XVI.

Легенда о Детях—близнецах Солнца — Как Они избавили Землю от некоторых Великих Монстров - Их Великая битва с Великаном Никучисом.

В один прекрасный летний день, когда дети с удовольствием отправились на прогулку на каноэ с Мэри и Кеннеди, они решили навестить вигвам своих старых друзей Киннесасиса и его жены. Они не видели их некоторое время, и поскольку Суванас уехал на длительную охоту, они не могли ожидать никаких историй о Нанахбужу до его возвращения. Киннесасис был отличным рассказчиком, и им не терпелось поскорее добраться до его вигвама. Там, осчастливив его и

его жену несколькими подарками, они поняли, что могут получить взамен несколько интересных историй.

Они встретили радушный прием и провели там счастливый день. Среди историй, рассказанных им Киннесасисом в том виде, в каком они были переданы его предками, следующая, пожалуй, самая интересная:

"Давным-давно на этой земле жили великие монстры. Некоторые из них были огромными животными и более свирепыми, чем все существующие сейчас. Затем появились маги и другие злые духи, такие как виндего, некоторые из которых были высокими, гигантскими каннибалами, которые наводили на людей ужас. Они подстерегали и ловили детей и даже взрослых людей, как сейчас дикие звери ловят свою добычу. Затем они разожгли большие костры, поджарили их и съели.

"Часто, когда родители отправлялись на поиски своих детей, их тоже ловили и съедали.

"Люди были очень несчастны не только из-за этих огромных монстров в человеческом обличье, но и из-за нападений огромных животных, которые тогда жили. Действительно, они начали опасаться, что вскоре все они будут убиты, если к ним не придет помощь.

"Эти люди поклонялись солнцу, которого они называли великим Отцом-Солнцем, и некоторые племена до сих пор устраивают свои солнечные танцы в его честь. Когда он увидел, что люди находятся в такой большой беде и, вероятно, все будут убиты своими жестокими врагами, он решил избавить их от врагов. Поэтому он переоделся, спустился на землю и женился на прекрасной женщине с Севера. У них были очаровательные мальчики-близнецы, старшего звали Сесигизит, младшего - Оосимейд. Они росли так быстро, что смогли ходить, когда им было всего несколько дней. Их отец-солнце исчез, как только они родились, отправившись на дальний Восток.

Как ни странно, хотя поначалу эти два мальчика росли так быстро, они так же внезапно перестали расти и поэтому остались совсем маленькими. Но они были очень умны и всегда задавали вопросы.

"Кто наш отец?" - спросили они однажды свою мать.

Но она проигнорировала вопрос, и хотя они продолжали приставать к ней, прошло много времени, прежде чем она вообще дала им какую-либо информацию, а ее было очень мало. Тем не менее, она сказала им, что они больше, чем обычные дети, и лучше других мальчиков, но есть много матерей, которые говорят подобные вещи своим собственным малышам.

Поскольку они уже были достаточно большими, она достала из укрытия пару луков, колчаны, полные стрел, и несколько волшебных палочек для кроликов и раздала их мальчикам.

"Это оставил тебе твой отец", - сказала мать, прежде чем он ушел, и он распорядился передать их тебе, как только ты сможешь ими пользоваться".

"Детям, конечно, не терпелось попробовать свои луки, стрелы и эти волшебные палочки. Поэтому очень скоро после того, как они получили их, они решили отправиться на охоту.

Мать, которая беспокоилась о них, предупредила их о различных чудовищах в человеческом обличье, огромных виндего и каннибалах, которые всегда подстерегали, чтобы поймать, зажарить и съесть маленьких мальчиков. Она также рассказала им о животных, которые были настолько огромными, что их можно было поймать и проглотить так же легко, как индейка проглатывает кузнечика.

Таким образом она пыталась предостеречь их от ужасных врагов, которые поглотили так много их народа. Мальчики, однако, не сильно испугались и с готовностью отправились в путь.

"Встревоженная мать особенно предупредила их, чтобы они не ходили на восток, так как там было узкое озеро, к которому многие из этих злых существ приходили за водой, особенно огромный чудовищный волк, который сожрал много людей. И все же они немедленно отправились в том направлении, потому что, как и некоторые другие мальчики, не слушались даже своей матери. Был полдень, когда они добрались до озера. Сначала, когда они осматривали его, все казалось очень тихим и неподвижным.

"Должно быть, мама ошиблась, - сказала Сесигизит. - Я не вижу здесь ни одного живого существа".

Но когда они побрели дальше по берегу, внезапно Оосимейд закричал:

"О, посмотри на того огромного волка с другой стороны!"

Они бросились вниз так быстро, как только могли, но свирепый зверь уже заметил их. Он был намного крупнее любого из волков, которые сейчас воют в темных лесах. Он не только уничтожил многих людей, но и, добравшись до источников или небольших ручьев, либо выпил всю воду, либо так испортил ее, что она стала непригодной для использования.

Мальчики пустили в него свои стрелы, но бока его были такими крепкими, потому что кости у него были похожи на сочлененную броню, что он был лишь слегка ранен. Однако их нападения очень разозлили его, и он взял волшебную палочку и бросил в них. Им пришлось бы плохо, если бы они так внезапно не бросились на землю, что она пролетела над ними.

Когда мальчики увидели, что их стрелы недостаточно быстры, чтобы убить такое большое животное, они решили воспользоваться волшебными палочками для кроликов, которые дал им их отец, солнце, с приказом использовать их только тогда, когда стрелы не сработают.

Когда волк увидел, что одна из его волшебных палочек не попала в цель, он разозлился еще больше, чем когда-либо, схватил оставшуюся, потому что у него было всего две, и со всей силы швырнул ее в мальчиков. На этот раз они оба высоко подпрыгнули от земли, и палка прошла под ними.

Теперь была их очередь, и они оба бросили свои волшебные палочки с такой силой, что огромная костяная броня волка была смята, и он был убит.

Сесигизит быстро обежал озеро к тому месту, где лежало огромное тело, и вырезал сердце волка, в то время как Оосими забрал две волшебные палочки, которые бросил в них волк, а также их собственное оружие, а затем с этими трофеями они вернулись в свой дом.

"Где вы были?" - спросила встревоженная мать, когда они появились.

"Мы были на озере", - ответили они.

Она с трудом могла в это поверить.

"Мальчики мои, - сказала она, - вы, конечно, ошибаетесь, потому что никто из тех, кто отправляется туда, не возвращается. Там живут огромные чудовища, пожирающие наш народ, и они никому не позволяют сбежать.

Затем они рассказали ей о своей битве с великим волком и о том, как они убили его. Они также показали ей его сердце, которое привезли с собой домой.

- Она была очень взволнована. Она созвала людей вместе, и все очень обрадовались смерти этого ужасного волка, который был для них таким бедствием.

Некоторое время спустя Сесигизит и Оосимейд спросили свою мать, не знает ли она, где растет хорошая прочная древесина, пригодная для изготовления луков и стрел. Ее ответ был таким:

"Далеко в предгорьях есть каньон, или ущелье, где растет лес именно из таких дров, какие вам нужны, но тропинка, ведущая к нему, узкая, и там сидит на страже огромное чудовище-великан, которое убивает и сбрасывает в ущелье каждого, кто пытается добыть хоть что-нибудь из этих

дров. И вдобавок где-то на маршруте рыщет свирепая горная львица, и она уже убила много людей и утащила их в свое логово.

"Оосими сразу же захотел отправиться в путь и запастись этими дровами, но Сесигизит, когда он узнал, как боялась их мать, что они оба будут убиты, если попытаются это сделать, сначала отказался идти. Его возражения, однако, исчезли, когда он увидел, что его брат готовится тронуться в путь, и, несмотря на опасения матери, они тронулись в путь.

Не успели они уйти далеко, как встретили огромную горную львицу. Она охотилась за едой для своих детенышей. Все это она спрятала в логове, которое находилось далеко на крутом склоне горы.

Оосими спросил ее, знает ли она дорогу к каньону, где растет хороший лес.

"Да", - ответила она. "Я как раз иду в ту сторону и покажу вам дорогу". Она сказала это, потому что хотела таким образом заманить двух мальчиков подойти поближе к ее логову, и там она убьет их, чтобы прокормить своих детенышей.

И она вела их до тех пор, пока они не пришли к месту, где тропа была очень опасной, потому что проходила по узкой отвесной скале вокруг склона горы. Здесь чудовищная львица попросила мальчиков идти впереди нее, но они отказались, сказав, что их учили никогда не ходить впереди старших. Львица настаивала, но мальчики были непреклонны, и поэтому ей пришлось уступить и позволить им поступать по-своему.

На самом опасном участке перевала мальчики притворились очень встревоженными и попросили разрешения пройти между ней и горным склоном. Сначала она заподозрила неладное, но теперь они казались такими трусливыми и напуганными, что она подумала, что они не в состоянии причинить ей никакого вреда, поэтому она прошла по внешнему краю прохода и позволила им войти внутрь, а также позволила им опереться на нее руками, как бы для устойчивости. Когда они добрались до самого опасного места, где тропа была такой узкой, что даже горному льву приходилось соблюдать осторожность, они оба внезапно выхватили свои волшебные палочки и, сильно толкнув ее, отправили за край узкого скалистого выступа, и она упала вниз — чтобы разбиться вдребезги на тысячи футов ниже.

С торжествующим криком оба мальчика осторожно двинулись дальше и, найдя логово, быстро убили детенышей и отрезали каждому по правой передней лапе, чтобы унести домой.

С этого высокого перевала теперь они могли видеть каньон, где рос хороший лес, который они искали. Они также увидели жилище чудовища-великана, охранявшего узкую тропинку, ведущую к нему. По его размерам они поняли, что это, должно быть, огромное существо, и поэтому убедились, что все их стрелы и волшебные палочки в хорошем состоянии и ими удобно пользоваться.

"Великий великан услышал их торжествующий крик, когда они уничтожили горную львицу, и это очень разозлило его, потому что он ненавидел любой шум или беспокойство; его имя Никоочис, что означает одиночество, указывало на это.

Когда он увидел маленьких мальчиков, то сначала был склонен насмешливо над ними посмеяться, но когда они подошли достаточно близко, чтобы пустить в него свои волшебные стрелы, он вскоре начал реветь от жгучей боли, которую они ему причиняли.

Напрасно он пытался поймать шустрых малышей; он был таким большим и неуклюжим, а они были такими быстрыми в своих движениях, что ему было совершенно невозможно дотянуться до них.

Затем он начал рвать большие камни и завалы и пытался раздавить их, швыряя в них. Тут им на помощь пришел отец мальчиков, солнце, и он так яростно светил в глаза огромному чудовищу, что оно не могло хорошо видеть, и мальчики легко уклонялись от камней, которые в них бросали.

Чудовище было большим, жирным и непривычным к физическим нагрузкам, и вскоре оно устало. Действительно, он был таким большим, что стрелы мальчиков казались лишь булавками и иголками, вонзающимися в него, и мальчики начали бояться, что их колчаны опустеют прежде, чем они победят его. Как раз в этот момент они встретили старую ведьму с вязанкой хвороста, которую она несла в свой вигвам. Она была очень зла на Никоочиса, потому что он не позволял ей даже собирать сухие ветки, которые падали на землю в лесу, который он охранял. В результате ей пришлось уйти далеко, чтобы раздобыть немного топлива, в котором она нуждалась в своем вигваме.

Мальчики рассказали ей о своей битве с этим эгоистичным старым чудовищем и о том, что даже сейчас он был тяжело ранен их стрелами, которые, однако, похоже, не задели ни одного жизненно важного места. Она сказала им, что единственное место, где их оружие могло эффективно убить его, - это верхняя часть черепа. Что сначала они должны каким-то образом расколоть его своими волшебными кроличьими палочками, а затем они смогут пустить свои стрелы ему в мозг. Услышав это, они быстро возобновили свою атаку на него. Напрасно он срывал большие камни и швырял их в них со всей силы. Они либо ловко отскакивали в сторону, либо отскакивали в воздух, убираясь с дороги.

Затем, выжидая удобного случая, они дождались, пока он нагнется, и когда он изо всех сил пытался оторвать от земли огромный камень размером с дом, Сесигизит изо всех сил швырнул свою волшебную кроличью палку. Он ударил великана по макушке с такой силой, что отломил

кусок черепа. В следующее мгновение Оосими выпустил одну из своих стрел так точно, что она вонзилась в мозг через незащищенное место.

С ревом ярости и боли огромное чудовище упало, скатилось в глубокий каньон и умерло.

Прихватив свой большой кремневый нож, который свалился у него с пояса, мальчики поспешили в каньон, набрали много хорошего дерева для древков стрел и вернулись к матери. Когда она спросила их, где они были, они ответили, что были в каньоне и что убили и горную львицу, и огромного великана.

Сначала она с трудом могла в это поверить, но поскольку они принесли лапы детенышей и кремневый нож великого великана, ей просто пришлось в это поверить. Поистине велика была радость людей, избавившихся таким образом от этих созданий".

ГЛАВА XVII.

Суванас рассказывает о Странном Способе, которым Нанахбужу уничтожил Мушекиннебика, Последнего из Великих Монстров.

Однажды холодным днем Суванас, которого дети некоторое время не видели — он уехал на длительную охоту, — совершенно неожиданно вошел в дом миссии во время занятий в школах Сагастао и Миннехаха. Известие о его приезде было с восторгом встречено детьми, и от глав семьи потребовалась определенная твердость, чтобы удержать их от учебы. Однако они быстро успокоились и с усердием вернулись к своим урокам, когда им сообщили, что их старого друга пригласили остаться на весь день и, несомненно, у него найдется для них какая-нибудь история, когда они закончат учебу.

Оленина и медвежатина, которые он принес, были быстро куплены по цене, которая его вполне устроила. Затем он присел отдохнуть и покурить на кухне. Конечно, у него была обычная размолвка с Мэри, медсестрой, которая очень ревновала его, потому что он так завоевал любовь и доверие детей. Суванаса очень позабавила ее ревность к нему, особенно после того, как одна из служанок-индианок рассказала ему, что дети подслушали, как они серьезно спорили между собой, кто лучший рассказчик — Мэри или Суванас.

Когда снова воцарился мир, Суванасу были переданы для ознакомления несколько иллюстрированных томов из библиотеки. Он не умел читать по-английски, но ему очень нравилось рассматривать картинки.

Была одна книга, которая вызывала у него особое восхищение, на самом деле, когда он впервые изучил ее и ему объяснили некоторые иллюстрации, она напугала этого суеверного индейца больше всего, чем он когда-либо испытывал. Это была книга, в которой были изображены и описаны многие из великих вымерших чудовищ древних времен. Эти огромные отвратительные существа, кости и ископаемые останки которых до сих пор время от времени находят, весьма тревожили его. И все же книга, как правило, была о том, кого он хотел увидеть первым.

Однако во время нынешнего визита Суванас, хотя ему, как обычно, и не терпелось снова ознакомиться с этой книгой, было замечено, что он смотрит на нее совсем в другом ключе. Объяснение всплыло позже, когда вокруг него собрались дети — фактически, почти все

домочадцы — и слушали новую историю о Нанахбужу, которую он узнал от какого-то знаменитого старого индейца, которого встретил далеко отсюда во время своей долгой охотничьей вылазки.

"Да, это правда, - начал он, - что когда-то на этой земле, как на суше, так и в воде, жили огромные животные, подобные тем, что изображены в этой книге. Я был в вигваме великого Шунуи и от него многое узнал о них, как это передано в традициях наших предков. Велики и ужасны были они, и люди тех времен жили в великом ужасе перед ними, ибо луки и стрелы и даже каменные боевые дубинки самых сильных воинов были бессильны убить или даже опасно ранить таких монстров. Для жителей земли в те дни было хорошо, что этих огромных чудовищ было немного и что они постоянно сражались между собой, ибо они были настолько велики и ужасны, что сражаться с ними могли только животные, такие же большие и свирепые, как другие виды.

Но было одно огромное чудовище, которое жило в воде, и поскольку у него не было достаточно крупных врагов, чтобы напасть на него, он продолжал жить еще долго после того, как все остальные крупные животные были истреблены.

Шунуи сказал, что по преданию, сильный прилив воды привел к тому, что многие из последних огромных монстров с бивнями из слоновой кости были унесены далеко на Север, и там, когда наступила ужасно холодная зима, все они замерзли насмерть.

"Должно быть, это правда, - добавил Суванас, - потому что не так уж много лет назад Компания Гудзонова залива послала туда своих людей за слоновой костью, которую они намеревались отправить в Англию. Они вернулись с известием, что несколько мертвых тел были замечены там, где лед треснул. Но это огромное водное чудовище, как я уже говорил, продолжало жить после того, как все остальные, как предполагалось, вымерли или были убиты. Он был ужасным бичом для тех индейцев, чьи вигвамы стояли на берегах великого моря, в котором он жил. Они были в смертельном ужасе, когда отважились отправиться на своих каноэ ловить рыбу. Это им приходилось делать, поскольку их пропитание почти полностью зависело от рыбы, и бывали случаи, когда рыба покидала мелководье у берега и уходила далеко от суши. Там индейцы должны были последовать за ними и поймать, иначе они и их семьи умерли бы с голоду.

"К счастью для них, иногда месяцами никто ничего не слышал и не видел об этом огромном морском чудовище. Затем, возможно, внезапно он вынырнул бы прямо под каноэ, в котором находилось несколько индейцев, которых он легко поймал бы и проглотил одного за другим. Иногда он бросался за стадом оленей, которые вышли поплавать в воду. Он ловил и легко проглатывал нескольких из них".

"Ну, я бы подумал, что большие рога лося или северного оленя доставили бы ему некоторые трудности при глотании", - сказал Сагастао.

"Он был таким большим, - сказал Суванас, - что рога или туловище самого крупного оленя, казалось, несколько его не беспокоили".

"Интересно, не один ли из его прадедов проглотил Иону", - сказал наблюдательный Миннехаха.

В конце концов индейцы были так сильно огорчены потерей столь многих из них и своей неспособностью убить чудовище, что решили попросить Нанахбужу прийти и помочь им, если он, возможно, сможет.

- Мне следовало бы сказать вам, - сказал Суванас, - что индейцы называли это огромное чудовище Мушекиннебик.

Нанахбужу немедленно откликнулся на их просьбу, потому что он был очень разгневан, когда услышал, сколько трудолюбивых рыбаков было проглочено этим существом. Он разозлился вдвойне, когда вернулся с депутацией, которая отправилась за ним, и далее узнал, что всего за деньдо этого Мушекиннебик был настолько подл, что подошел к берегу, поймал и проглотил нескольких мальчиков и девочек, которые купались в тот теплый летний день.

"Когда Нанахбужу сообщил Нокомис о просьбе людей о его помощи в освобождении их от давно ненавистного Мушекиннебика, она была очень напугана, и еще больше, когда он рассказал ей о странном и опасном плане, который он собирался принять для достижения своей цели. Дело было вот в чем: он собирался позволить этому монстру, который уже уничтожил так много людей, проглотить себя".

"О, какой ужас!" - воскликнула Миннехаха. "Мы никогда больше не услышим приятных историй о Нанахбужу".

"Все это нагромождение лжи; таких чудовищ никогда не существовало", - отрезала старая Мэри, которая больше не могла скрывать свою ревность, видя, с каким интересом дети слушают эту историю.

"Подожди, Мэри, не так быстро", - крикнул Сагастао, забирая книгу у Суванаса и показывая Мэри картинки.

"Вот, Сакхоу, — сказал он, используя свое любимое ласковое выражение, - посмотри сам и посмотри на этих милых созданий - некоторые из них достаточно велики, чтобы проглотить нас всех, не моргнув глазом".

Но Мэри была упрямой и ревливой и не сдавалась, даже когда Кеннеди, любимый погонщик собак, который присутствовал при этом, сказал ей, что даже сейчас в форте Компании Гудзонова залива находятся несколько огромных бивней и костей животных, которых офицеры называли мамонтами, готовых к отправке в Англию следующим летом. Однако она быстро замолчала, когда Сагастао сел рядом с ней и, положив голову ей на колени, сказал очень умоляюще:

- А теперь, Мэри, просто помолчи и дай нам послушать, как Суванас расскажет оставшуюся часть истории о том, что Нанахбужу сделала с Мушекиннебиком.

Таким образом, мир был восстановлен, и Суванас, которого очень позабавил гнев Мэри, продолжил свой рассказ:

Когда Нокомис услышала, как ее внук описывает, как он собирался позволить чудовищу проглотить себя, она решила приехать и разбить свою палатку на берегу моря, среди людей, которые были в такой беде, и там ждать возвращения своего внука, если он когда-нибудь вернется из такого опасного приключения.

"Нанахбужу попросил у своей матери несколько волшебных поющих палочек, а также очень острый нож. Затем он соорудил для себя небольшой плот из бревен и, ненадолго попрощавшись с ней, вскочил на него и вскоре уже плыл по великим водам на поиски страшного существа.

Отойдя подальше от берега, он начал музицировать своими волшебными палочками и петь вызывающую песню:

"Хо-хо! большая рыба в море,
подойди, если осмелишься, и проглоти меня.
Братья мои, все вы любите поесть,
пришло время кому-нибудь задать вам трепку.
Хе, хе! Привет, привет! Хо, хо! Хо-хо!

"Ты видишь, я недалеко,
Так что приди и попробуй меня, пока можешь;
Но я не боюсь, нет, нет!
Так что поторопись, старая рыбина. Хо-хо!
Хе-хе! Привет, привет! Хо-хо! Хо-хо!

Нанахбужу пел эту отважную песню снова и снова под странную гармонию своих волшебных музыкальных палочек, пока не добрался до места, где отдыхала большая рыба.

"Когда огромное чудовище Мушекиннебик услышало голос Нанахбужу, он вынырнул на поверхность воды, чтобы узнать, кто издавал всю эту музыку и выкрикивал такие вызывающие слова.

"Когда он увидел, что на плоту из сухих бревен всего один молодой человек, он приказал одному из своих детей пойти и разбить плот вдребезги и проглотить этого шумного парня. Но это было не то, чего хотел Нанахбужу, и поэтому он крикнул:

- "Я хочу, чтобы меня съела старая рыба-отец".

Это очень разозлило старого Мушекиннебика, и поэтому, разинув рот, он яростно бросился на Нанахбужу, которая, когда огромное чудовище было достаточно близко, прыгнула в открытую пасть и была немедленно проглочена.

"Некоторое время после того, как его проглотили, Нанахбужу был без сознания, но вскоре пришел в себя и смог осмотреться и увидеть странную тюрьму, в которой он теперь находился. Ему повезло, что у него были глаза, как у кошки, и поэтому он мог видеть так же хорошо в темноте, как и на свету. Он обнаружил, что был не единственным заключенным в этой странной тюрьме; там было множество существ, которых он называл своими братьями — медведь, олень, лиса, бобр и даже белка. Нанахбужу расспросил их, и они рассказали ему, как попали в плен и сколько времени пробыли в том ужасном месте. Они также сообщили ему, что многие другие, попавшие в плен, теперь мертвы. Нанахбужу обнаружил, что они совершенно безнадежны, и не ожидал ничего, кроме смерти. Однако он собрал их вокруг себя и сообщил им, что добровольно пришел к ним с целью обеспечить скорейшее освобождение.

"Это действительно была хорошая новость. Затем он объяснил им план, который у него был на уме, и сказал, что им необходимо поднять шум во внутренностях этого монстра, что они таким

образом сделают его настолько больным, что ему придется приблизиться к суше, и когда они доставят его туда, он думал, что у него есть другой план, который позволит им всем сбежать.

"Они все согласились сделать все, что в их силах, чтобы помочь в его планах, поэтому Нанахбужу достал свои волшебные поющие палочки и начал играть и петь.

"Тотчас же медведь, олень, лиса, бобр и вообще все существа, которые еще были живы, подхватили веселую мелодию, и вряд ли кто-либо раньше видел такие танцы, прыжки и полеты.

Это внутреннее волнение очень встревожило Мушекиннебика. Он не мог понять, в чем дело. Он основательно встряхнулся, но это не помогло; затем он с огромной скоростью понесся по воде, но и это было бесполезно. Затем он снова и снова перекачивался в воде. Это, конечно, на время прекратило танцы и гвалт внутри, но поскольку стены тюрьмы были мягкими, а также пол и потолок, никто не пострадал, и поэтому, как только все прекратилось, они снова поднялись и принялись за дело, усерднее, чем когда-либо. У Мушекиннебика никогда в жизни не было такого поворота событий. Он не знал, что делать. Нанахбужу продолжал петь все громче и громче, в то время как танцоры продолжали свои дикие выходки вокруг него.

В конце концов Нанахбужу решил, что чудовище уже достаточно напугано, чтобы предпринять что-нибудь еще, и поэтому он вытащил свой острый нож и нанес Мушекиннебику хороший удар в область сердца.

Это вызвало у него судороги и усилило его ужас, и он поплыл к берегу. Когда Нанахбужу понял это, он продолжал наносить ему удары все сильнее и сильнее, пока, наконец, не стало слышно, как его тело скребет по мелкому песчаному грунту. При этих словах Нанахбужу могучим усилием вонзил свой нож со всей силы глубоко в сердце чудовища.

В тот момент, когда он это сделал, Мушекиннебика сотрясла серия сильных конвульсий, и в одной из них, сделав одно огромное усилие, он практически выбросился из воды на берег и там умер.

"Эти предсмертные конвульсии были настолько велики и ужасны, что все существа внутри и даже сам Нанахбужу потеряли сознание от таких ударов.

Как долго они оставались так, они не знали. Нанахбужу первым пришел в себя, и ему действительно было очень жаль видеть, что все его товарищи все еще были без сознания. Ему с некоторым трудом удалось выбраться из-под тел своих товарищей, которые были навалены на него. Он был рад, что монстр мертв, но не был уверен, были ли они на берегу или на дне воды. Поэтому он быстро решил выяснить. Он вскарабкался по телам своих товарищей к месту, которое, по его мнению, было самым тонким, и там своим острым ножом начал прорезать крышу этой странной тюрьмы.

"К своему великому удовольствию, вскоре он смог увидеть пробивающийся солнечный свет. Когда он прорезал отверстие, достаточно большое, чтобы впустить немного воздуха и солнечного света, он взял свои волшебные поющие палочки и начал петь, чтобы оживить всех тех, кто был заключен вместе с ним. Его песня мало что значила для нас, но она имела большое значение для тех, кто был заключен в такую тюрьму. Это было:

"Кесик-ин-на-вин,
Кесик-ин-на-вин."
(Я вижу небо,
я вижу небо.)

"Пока Нанахбужу продолжал петь это снова и снова, один за другим его братья чихнули и открыли глаза. Они действительно были счастливы от перспективы освобождения.

Когда Нанахбужу увидел, что все они пришли в себя, он снова принялся за работу своим ножом, и вскоре у него получилось отверстие, достаточно большое, чтобы позволить всем заключенным существам сбежать.

"Новость быстро распространилась, и прошло совсем немного времени, прежде чем Нокомис с другими пришли посмотреть на огромного мертвого монстра, и было великое ликование".

"И это, - добавил Суванас, - традиция, рассказанная Шуни, о том, как Нанахбужу уничтожил Мушекиннебика".

- Что стало с маленькими чудовищами? - спросил Миннехаха.

"Индейцы, - ответил Суванас, - под предводительством Нанахбужу развязали против них такую войну, что они вскоре были уничтожены".

ГЛАВА XVIII.

Добро пожаловать весной в Северные земли —Как Нанахбужу убил Большого Белого морского льва, Главу Волшебников—Месть—Наводнение—Побег Нанахбужу и Животных на плоту—Создание Нового мира.

Наступление приятной весенней поры было встречено с большим восторгом. Было обнаружено, что семь или восемь месяцев были очень долгим периодом холодной зимы, и поэтому, когда с быстротой, неизвестной в более южном климате, зима закончилась и наступила долгожданная теплая погода, все, казалось, почувствовали ее благотворное влияние.

Первые маленькие полевые цветы искали с большим интересом, и поистине велика была радость детей, когда некоторые из них были найдены. Сладко поющие птицы, которые прошлой осенью, при первых признаках приближения холодов с более холодного Севера Ледяного Короля, улетели на летний Юг, теперь возвращались во множестве. Воздух был полон их мелодий, и когда многие из них, бесстрашные и доверчивые, почувствовали себя как дома на птичьих курортах вокруг Вахкигума, поистине велик был восторг детей, приветствовавших их возвращение в их родные места на Севере.

И действительно, казалось, что птицы были рады снова оказаться там, потому что только на Севере эти птицы поют друг другу свои сладкие песни о любви, вьют гнезда и выводят своих маленьких птенцов.

Виски Джеки, которые всю зиму издавали свои хриплые крики, казалось, стали угрюмыми и раздосадованными тем, что ими теперь так мало восхищаются, и поэтому они улетели дальше на север и зарылись в глубине самых глухих лесов.

В радости тех счастливых дней в тех высоких широтах, когда легко заметить изменения, происходящие каждые двадцать четыре часа, Сагастао и Миннехаха какое-то время не беспокоили ни Суванаса, ни Мэри из-за индийских легенд или историй. Быстрого таяния снега, разрушения огромных ледяных полей на озере, появления земли, а затем травы и цветов, а также посадки семян в их маленьких садах было достаточно, чтобы занять их работой и сделать счастливыми.

Но даже все эти вещи в конце концов утратили интерес. Полеты диких гусей, лебедей и уток прекратились. Они, как и многие другие виды перелетных птиц, были заняты гнездованием. Милые певуны в доме были постоянными спутниками, и, хотя дети любили их так же сильно, как и прежде, волнение от их приезда угасло. Поэтому, когда однажды они увидели Суванаса, плывущего в своем каноэ по сверкающим водам, они были рады приветствовать его. Как обычно, когда он достиг берега, содержимое его каноэ было быстро осмотрено. Там дети нашли пару бобров, которых совсем недавно поймали в ловушку, и дюжину или больше ондатр, которых Суванас насадил на колья в болотах. Эти животные были добыты в результате ночной охоты, и теперь Суванас направлялся домой, чтобы освежевать их и подготовить шкуры для продажи торговцам мехом.

Вид бобров и ондатр возбудил у детей сильное любопытство, и они расспросили старика о них. Необычный, широкий, чешуйчатый хвост бобров очень заинтересовал их, и Суванас рассказал им интересный рассказ о различных целях, для которых умные, трудолюбивые бобры используют этот, на первый взгляд, неуклюжий придаток.

"Ты знаешь какие-нибудь истории Нанахбужу, в которых он рассказывает что-нибудь о бобрах или ондатрах?" - спросил Сагастао.

"Да, действительно", - ответил Суванас. - "Почти во всех историях об образовании новой земли после великого потопа упоминаются и бобр, и ондатра, а также другие животные".

"Расскажи нам одну из историй", - попросила маленькая Миннехаха.

В этот момент прибытие еще нескольких каноэ прервало разговор. Вновь прибывшие направлялись к вигваму Суванаса, который был их вождем. Он собирался продолжить путь

вместе с ними, но, увидев разочарование на лицах детей, со своей обычной заботливой добротой передал двух бобров и ондатр из своего собственного каноэ одному из опоздавших. Затем, сказав людям, чтобы они передали их его жене, чтобы все это было приготовлено к ужину, к тому времени он присоединится к ним, он отправил людей восвояси. Закурив свою сигарету, когда дети уселись рядом с ним, он начал:

Жизнь Нанахбужу началась задолго до великого водного потопа, который покрыл землю, о котором все наши племена что-то слышали. У него был свой вигвам, и он обставил его всем, что хотел. Однажды, прогуливаясь по берегу большой реки, он увидел морских львов, которые лежали на песчаном пляже, греясь на солнце. Эти животные, как и бобр, могли жить как в воде, так и на суше. Внимательно наблюдая за ними издали и видя сочную, блестящую кожуру, он подумал, какой красивый кисет для табака можно было бы сделать из одного из них. Когда Нанахбужу однажды заикливался на чем-нибудь, он сразу же начинал усердно работать, чтобы заполучить это. Он перепробовал различные планы по поимке одного из этих морских львов, но ни один из них не увенчался успехом. Они были слишком умны, чтобы их можно было поймать, как других животных, и он понял, что ему придется применить какой-нибудь необычный метод. Он решил, что очень рано спустится к тому месту на берегу реки, где они имели обыкновение загорать, и замаскируется под старый пенек дерева, а затем, когда они выйдут и будут наслаждаться солнцем, он застрелит прекрасного старого белого зверька с красивой глянцевой кожей, которым он так восхищался. Как и в другие дни, пришли львы, и когда они увидели этот пенек, белый лев, который был у них чем-то вроде короля, сказал:

"Я никогда раньше не видел этого большого пня. Я думаю, это, должно быть, Нанахбужу".

- Другой сказал, что подумал то же самое.

Другие только смеялись и говорили: "Это всего лишь старый сосновый пенек".

Однако, поскольку у некоторых из них возникли подозрения, было решено подойти и потрясти его, чтобы посмотреть, сдвинется ли он с места, и таким образом действительно выяснить. Они подошли к нему, и втроем приложили все усилия, чтобы сдвинуть его с места.

"Нанахбужу пришлось приложить одно из самых трудных усилий в своей жизни, чтобы устоять на ногах. Однако ему это удалось, и поэтому львы только сказали:

"Это действительно обрубок дерева, но очень странно, что мы не заметили его раньше". Затем они катались по теплomu песку на солнышке, пока один за другим не заснули.

Теперь Нанахбужу бесшумно и быстро превратился в молодого охотника, затем, взяв лук и стрелы, застрелил белого льва. Его стрела вонзилась в его тело и тяжело ранила его, но не убила. Сразу же все львы бросились в реку и исчезли. Нанахбужу сожалел, что ему не досталась львиная шкура, на самом деле он был очень раздосадован тем, что ему пришлось вернуться в свой вигвам без нее. День или два спустя, гуляя по лесу, он встретил очень старую женщину. У нее был пучок скользкой коры вяза, из которой индейцы делали припарки при ранах и ушибах, а также несколько корней для лечения.

"Куда ты идешь, нукум (бабушка), и что ты собираешься делать с корой и корнями?"

"О, - сказала она, - ты не можешь себе представить, в какой беде мы оказались, потому что Нанахбужу застрелил и тяжело ранил одного из наших вождей, и будут предприняты большие усилия, чтобы поймать и убить его".

Она также сказала ему, что для нее было честью, что за ней послали, чтобы она пришла и использовала все свое искусство врачевания, чтобы попытаться вернуть раненому вождю здоровье, и что теперь она направляется в его жилище, чтобы сделать ему припарки из скользкой коры вяза и дать ему лекарство, приготовленное путем отваривания корней, чтобы ослабить сильную лихорадку, от которой он страдал.

Таким образом, Нанахбужу обнаружил, что эти львы, как он и предполагал, были злыми волшебниками, которые причиняли много вреда, и которые, когда они этого хотели, могли принимать облик львов и жить либо под водой, либо на суше, как им больше всего подходило, чтобы избежать смерти от тех, кому они причинили вред. Поскольку пожилая женщина была очень разговорчивой, Нанахбужу вскоре получил от нее всю желаемую информацию. Среди прочего она рассказала ему, что иногда люди приходили к ней за плохими лекарствами, чтобы дать их людям, с которыми они поссорились, и таким образом они убивали их ядами, которые она готовила из поганок и других смертоносных вещей.

Услышав эти ужасные факты из ее собственных уст, Нанахбужу решил убить ее, но сначала он заставил ее рассказать ему, где находится жилище раненого вождя, и все о том, что от нее ожидается, когда она прибудет туда. Затем он быстро ударил ее томагавком и, облачившись в ее одежду, стал в точности похож на нее, после чего взял ее вязанку коры и корней и отправился в жилище вождей.

Там он обнаружил собравшуюся довольно большую толпу, но все были в замешательстве и возбуждении из-за раненого вождя. Когда они увидели, как им показалось, приближающуюся старуху, которую они с нетерпением ожидали, они уступили ей дорогу. Нанахбужу направилась прямо к тому месту, где лежал раненый вождь.

Он был удивлен, увидев, что стрела, которую он выпустил, все еще торчит у него в боку. Он поднял большой шум по поводу приготовления припарок и лекарств и заставил всех вокруг себя делать что-нибудь, чтобы помочь осуществить его планы. Затем, когда все спешили и никто не смотрел на него, Нанахбужу с такой силой вонзил стрелу в тело вождя, что она мгновенно убила его. Затем с торжествующим криком он сбежал.

"Конечно, среди людей было большое волнение. Они сразу же созвали совет и посоветовались, что им следует сделать, чтобы уничтожить Нанахбужу. Они были, как я уже говорил вам, волшебниками и обладали силой поднимать воду, и поэтому они решили утопить его. Соответственно, они призвали воды подняться и устремиться по равнинам и лесам в том направлении, в котором он жил. Нанахбужу с огромной скоростью вернулся в свой вигвам, но едва он добрался до него, как услышал рев потоков воды, которые собирались захлестнуть его. Он увидел, что ему грозит великая опасность, и побежал на запад, к великим горам; но потоки воды продолжали подниматься и уносили его все выше и выше. Когда он увидел, что приближается к самой высокой вершине, он начал думать, что ему делать дальше. Вокруг него в бушующих водах было множество бревен и деревьев, и среди них, или на теперь уже небольшом участке суши, было множество различных животных.

Собрав все свои силы, он принялся за работу, и вскоре у него был большой плот, сделанный из плавучих бревен. Поскольку последний клочок суши был теперь затоплен наводнением, и он пожалел плававших вокруг животных, он взял их с собой на плот. Поскольку Нанахбужу знал всех животных и их языки, он держал совет на плоту. Он сказал им, что если бы ему удалось заполучить хотя бы самую малость от старого мира, который был затонувшим, он мог бы создать новый мир для всех них. Сначала он спросил выдру, не попробует ли она нырнуть и поднять небольшой кусочек земли. Выдра сразу же предпринял попытку, но через некоторое время вынырнул на поверхность, очевидно, совершенно мертвый. Нанахбужу протянул руку, поднял его и положил на солнечное место на плоту. Тогда бобр попробовал. Он сильно ударил головой и нырнул вниз, решив добиться успеха, если это возможно, но через некоторое время даже он вынырнул, очевидно, таким же безжизненным, как выдра. Нанахбужу поднял его тело из воды и

положилна солнце рядом с выдрой. Затем ондатра вызвался попробовать то, что он мог сделать, поэтому он нырнул и, пролежав гораздо дольше, чем остальные, он тоже всплыл на поверхность без чувств и замерзший. Нанахбужу взял его на руки и, делая это, заметил, что у него во рту и на лапах земля. Он осторожно собрал это в ладонь, а затем положил тело ондатры рядом с выдрой и бобром. Затем он подул на землю и таким образом сделал ее сухой и пористой, так что, когда ее опустили в воду, она не утонула, а поплыла. Затем он посадил на него живую маленькую мышку, которая, бегая круг за кругом по земле, становилась все больше и больше. Нанахбужу затем посадила на него белку с той же целью. Затем куница и норка — ибо новая земля теперь была настолько обширной, что могла вместить этих легких животных.

"Какое-то время Нанахбужу приходилось охранять теперь уже быстро растущий молодой мир от более крупных животных с помощью палки, опасаясь, что они потопят его. Все они очень устали от необходимости так долго оставаться сбитыми в кучу на плоту, и им не терпелось последовать за маленькими существами, которые казались такими счастливыми на новой земле, даже если она пока была не очень большой. Поскольку предстояло многое сделать, чтобы приспособить этот новый мир для их проживания, каждый должен был делать все, что в его силах. Птиц отправили летать над водой за ветками и семенами.

Мало-помалу Нанахбужу решил, что земля, которая теперь стала недоступна его глазам, достаточно велика, и поэтому он оживил выдру, бобра и ондатру, а вместе с ними и всеми другими животными вокруг себя он завладел новым миром.

"Чтобы определить размеры мира, он послал волка добежать до его конца, а затем сразу же вернуться к нему. Волк легко проделал это путешествие за один день. Нанахбужу некоторое время держал его при себе, а затем снова отослал. Второе путешествие заняло у него пять дней, третье - десять, четвертое - месяц, затем он отсутствовал год, а затем пять лет. Так продолжалось, пока, наконец, Нанахбужу не превратился в молодого волка, едва способного бежать в долгом путешествии. Этот волк умер от старости, не завершив путешествие. Тогда Нанахбужу сказал, что мир достаточно велик, и приказал ему прекратить расти".

ГЛАВА XIX.

Среди шиповника и диких роз —Почему у роз есть шипы—Почему Дикие кролики зимой белые.

Однажды, когда дети были на поляне за своим домом, собирая немного дикой земляники, которая росла там, а также несколько полевых цветов, которые цвели в течение короткого яркого лета, они были рады увидеть Суванаса, идущего по дороге с ружьем за плечом и несколькими утками и кроликами в руке.

Их приветствия были очень сердечными, но вскоре зоркие глаза доброго индейца заметили несколько длинных красных царапин и даже несколько капель частично засохшей крови на руках его маленьких друзей. Ему едва ли было нужно спрашивать о причине ран, поскольку букеты сладкого шиповника и диких роз с их острыми, как иглы, шипами в руках счастливых детей рассказали всю историю.

Отложив ружье и дичь, Суванас быстро нарвал немного сладкой ароматной травы, которой здесь так много, и, умело скрутив ее в маленькие клубочки, намотал по одному на каждый из

букетиков цветов, которые собрали дети и которые им все еще было трудно держать из-за колючек.

Составленные таким образом букеты теперь можно было нести, не причиняя больше никаких ран или боли. Среди их болтовни и смеха, поскольку этих белых детей, как и индейских, учили не бояться нескольких царапин или небольшой боли, Миннехаха, которая усердно вытирала кровь с нескольких ран на своих маленьких белых ручках передником, сказала:

- Как случилось, Суванас, что у всех этих розовых кустов и шиповника такие острые шипы?

- Полагаю, Мэри сказала бы, что к этому причастен негодяй Нанахбужу, - вставил Сагастао.

При упоминании о Мэри в глазах старого индейца промелькнул озорной огонек.

"Да, - ответил он, - Нанахбужу имел к этому большое отношение, и все же, когда вы услышите эту историю, вы увидите, что в то время, когда он это делал, он был не таким негодяем, как описывала Мэри, но почти таким же хорошим, как ее питомец Ваконда, который давал пчелам их жала".

"О, Расскажи нам все об этом сейчас", - сказал Миннехаха. - Сегодня у нас выходной, и папа присоединится к нам примерно через час на прогулке в лесу.

Добросердечный старый индеец был доволен тем, как отважно дети отнеслись к своим израненным рукам, и, прежде чем начать свой рассказ, разыграл роль искусного врача. Он нашел несколько мягких сочных листьев, которые раздавил и намазал на уродливые красные царапины. Эффект был волшебным, и дети, которые так храбро лечили свои раны с безразличием, с благодарностью отметили внезапное прекращение смарта.

Выбрав симпатичное местечко под зарослями бальзамина, где несколько камней, похожих на валуны, служили им удобными сиденьями, дети прижались к своему старому другу, чтобы послушать, как у роз появляются шипы.

"Давным-давно розы были самыми распространенными цветами, но они росли на кустах, которые были гладкими и ароматными и такими вкусными в еде, что все животные, питающиеся травой или травоядными, постоянно искали и пожирали не только цветы роз, но и кусты, на которых они росли. В результате розы всех видов оказались под угрозой уничтожения. В те дни деревья, цветы и другие существа обладали большей способностью мыслить и действовать, чем сейчас, и поэтому розы разных видов собрались на совет, чтобы решить, что можно сделать, чтобы сохранить те из них, которые еще остались живыми. Было решено, что депутацию из них следует отправить в Нанахбужу, чтобы умолять его о помощи.

- Он такой эксцентричный парень и принимает такое множество обликов, что им было очень трудно найти его. Они путешествовали на большие расстояния, расспрашивали о различных диких животных, которых встречали, и даже советовались с деревьями и холмами. Наконец им сообщили, что теперь он живет в долине среди гор и экспериментирует в качестве садовника. Они поспешили прочь так быстро, как только мог унести их свирепый ветер, которого они наняли, чтобы нести их. Сначала, когда они добрались до его жилища, они были очень напуганы, так как по громкому сердитому тону, которым говорил Нанахбужу, хотя и издали, было легко заметить, что он был в сильной ярости. Однако они зашли слишком далеко, чтобы их можно было легко обескуражить. Они тихо приблизились и, спрятавшись за густыми

бальзаминовыми деревьями, внимательно прислушались, чтобы выяснить причину его гнева. К счастью, они пришли как нельзя более вовремя для себя, потому что, похоже, Нанахбужу очень заинтересовался своей работой садовника. Все посаженное им выросло так хорошо, что, чтобы защитить их от рыскающих диких животных, он окружил сад красивой живой изгородью из розовых кустов. Требовалось так много кустов, что Нанахбужу пришлось пересаживать их на большом расстоянии друг от друга, потому что они росли не так обильно, как раньше.

Утром того самого дня, когда прибыла делегация "розовых кустов", Нанахбужу вернулся из одного из своих коротких приключений. Представьте себе его негодование, когда он обнаружил, что в его отсутствие всевозможные животные, от кролика до горного лося, посетили его жилище и не только полностью съели эту прелестную изгородь из розовых кустов, но и сильно повредили прекрасный сад, которым он так гордился!

Когда депутация роз поняла причину его гнева, они сразу же покинули свои укрытия и, подгоняемые внезапным порывом ветра, предстали перед Нанахбужу. Их вид возбудил его любопытство, так как ему показалось, что все розовые кусты были уничтожены. Однако прежде чем он успел сказать хоть слово, розовые кусты, которые тогда были в состоянии говорить, сразу же подали свое прошение и умоляли его о могущественной помощи, чтобы спасти их от истребления врагами.

Нанахбужу прислушался к их просьбе, и после некоторых консультаций с розовыми кустами было решено покрыть стебли и ветви, вплоть до очень красивых цветов, маленькими шиповидными колючками, чтобы отныне каждое животное боялось либо пожирать их, либо близко подходить к ним, как они привыкли делать в прошлом. Они были более чем довольны предоставленной им защитой, и теперь так получилось, что розы многих видов все еще существуют в разных частях мира".

"Большое вам спасибо за эту историю", - сказал Миннехаха. "Даже если Нанахбужу действительно посадил колючки на розовые кусты, он не был негодяем, потому что у нас вообще не было бы роз, если бы не то, что он сделал".

Как ни странно, Сагастао некоторое время молчал; но наконец он нашел, что сказать, и его слова были чем-то вроде признания и обещания исправиться:

"Теперь, когда я знаю, почему на диких розах такие колючки, я не буду злиться, даже если мои пальцы будут кровоточить, когда я буду собирать букет для мамы".

В этот момент к ним подбежали две любимые собаки, Джек и Каффи. Дети поняли, что их отец недалеко отстал, и не были разочарованы. Сначала он встревожился, когда увидел маленькие ручки, завернутые в зеленые листья, но когда они с веселым смехом рассказали ему, что это за листья, все снова стало ярким.

Суванаса, как обычно, встретили очень радушно и заверили, что в доме миссии он найдет в хозяйке охотную покупательницу его уток и кроликов. Детям всегда была интересна эта игра, хотя Миннехаха решительно заявлял, что убивать прелестных созданий жалко. Суванас и их отец болтали, пока дети переворачивали уток и кроликов.

"Посмотри, какие красные глаза у некоторых уток", - сказал Сагастао. "Они выглядят так, как будто плакали".

"Думаю, ты бы тоже заплакал, - довольно возмущенно ответил Миннехаха, - если бы тебя застрелили так же, как их".

"Ха!" - ответил он с оттенком презрения. "Как они могли плакать после того, как их застрелили? Я вообще не верю, что дело в этом. И послушай, Миннехаха, я также хочу спросить, почему, хотя зимой все кролики были такими белыми, летом они все такие коричневые".

Решение было принято быстро, и поэтому, пока Миннехаха рассказывала отцу, какую прекрасную историю они слышали о розах, Сагастао, положив руку на плечо старого индейца, который сидел на камне, нетерпеливо задавал ему свой двустольный вопрос: "Почему у некоторых уток такие красные глаза, и почему кролики зимой белые, а летом коричневые?"

"Оба сделаны Нанахбужу", - сказал старик с улыбкой, вынимая трубку изо рта.

- Ура Нанахбужу! - крикнул парень.

Эта вспышка гнева со стороны Сагастао сразу же привлекла к нему внимание остальных, и Миннехаха захотел узнать, в чем теперь дело.

- Как, ты что, не слышал? Суванас говорит, что Нанахбужу придала уткам красные глаза и сделала кроликов белыми зимой и коричневыми летом ". Затем, повернувшись к Суванасу, он спросил: "Как Нанахбужу это делает?"

Тут отец, забавляясь энтузиазмом мальчика, вмешался и сказал:

- Вы уже задержали Суванаса надолго, и, возможно, он занят.

- Занят! - сказал неугомонный Сагастао, который был проницателен не по годам. - Занят! Почему Суванас предпочитает рассказывать истории, чем делать что—либо еще - разве что курить свою трубку".

Затем он бойко рассказал Суванасу по-английски о том, что произошло между ним и его отцом, и добавил: "Разве это не так, Суванас?"

Старый индеец улыбнулся и ласково сказал:

"Как я могу не получать удовольствие от рассказывания историй, когда у меня такие хорошие маленькие слушатели?"

"А как же его ужин?" - спросил добросердечный Миннехаха. "Если мы заставим его рассказывать истории, он опоздает в свой вигвам к ужину. Я думаю, нам лучше забрать его к себе домой".

Решение было принято быстро, и, чтобы не могло быть ошибки, с березы быстро срезали кусок коры и написали на нем несколько строк, в которых говорилось доброй матери в доме, что они познакомились с Суванасом, и что он развлекает детей историями о Нанахбужу и будет с ними ужинать. Затем позвали Джека, большого пса, и отправили обратно с письмом, с приказом передать его своей хозяйке.

Когда собака умчалась домой, озорной Сагастао сказал:

- Боже мой! как бы я хотел оказаться на кухне, когда Мэри услышит, что мы с Суванасом слушаем истории о Нанахбужу! Разве она не сойдет с ума!"

"Будет лучше, - сказал его отец, - если Суванас расскажет свою историю, чем если ты будешь делать какие-либо дальнейшие замечания в этом роде".

Поначалу Суванас, казалось, проявлял некоторую нерешительность, начиная свой рассказ в присутствии своего миссионера, и он шепотом поделился с Сагастао своими опасениями, что, возможно, его отца не интересуют такие мелочи, как индийские легенды и предания.

Со своей обычной прямоотой парень заявил:

"О, ты не знаешь нашего отца, если так думаешь о нем. Он любит интересные истории так же, как и мы, и рассказывает нам их много; так что вперед, потому что ты идешь домой ужинать с нами".

Убедившись таким образом, старик начал:

- Сегодня я расскажу вам, почему кролики зимой белые.

- Давным-давно они всегда были коричневыми, совсем как те, что лежат там с утками. Это правда, что они увеличиваются очень быстро, но также верно и то, что у них много врагов. У них не так много способов защититься от своих врагов, которые бывают очень разных видов. Почти все животные, питающиеся мясом, всегда охотятся на кроликов, так же как и лисы всех видов, дикие кошки, волки и росوماхи, и даже маленькие горностаи. Кроме того, есть свирепые птицы — орел, ястребы всех видов и совы, — которые всегда высматривают кроликов, молодых или старых.

Результатом было то, что из-за того, что против них постоянно велась эта война, бедным кроликам приходилось нелегко, особенно зимой, потому что им было очень трудно прятаться, когда с деревьев опадали листья, а земля покрывалась снегом. В те далекие времена животные собирались на великий совет. Там великие отцы или главы каждого вида животных и птиц встречались вместе и говорили о своем благополучии и благополучии друг друга. Тогда, на совете, между ними воцарились мир и дружба.

"Они назначили короля, и он правил как великий главный вождь. Все животные, у которых были проблемы или обиды, имели право прийти и рассказать о них и, по возможности, исправить их.

"Иногда говорили какие-то странные вещи. На одном совете медведь сильно придрался к лисе, которая обманула его и лишила его красивого хвоста, сказав ему пойти ловить рыбу в большой трещине во льду. Он сидел там так долго, что трещина намертво замерзла, и, чтобы спасти свою жизнь, ему пришлось отломить хвост.

Но все, о чем они говорили, было не так уж и забавно. У них были свои проблемы и опасности, и они обсуждали различные планы улучшения своего положения и обдумывали, как им лучше всего победить мастерство и сообразительность охотников на людей.

Когда настала очередь кролика, ему действительно было что рассказать. Он сказал, что его народ почти весь уничтожен. Весь остальной мир, казалось, объединился против его расы, и они убивали их днем и ночью, летом и зимой, и у них было очень мало сил, чтобы сражаться со

своими многочисленными врагами. Они были почти обескуражены, но пришли на совет, чтобы узнать, могут ли их братья предложить какое-либо средство или план спасения их от полного уничтожения. Пока кролик говорил, росомаха подмигнула дикой кошке, в то время как лис, хотя и пытался выглядеть серьезным, не смог удержаться от слюнок при мысли о множестве кроликов, которых ему еще предстояло съесть.

Таким образом, можно видеть, что бедный, безобидный кролик не вызвал особого сочувствия у той части толпы, которая убивала его расу всю оставшуюся часть года.

"Тем не менее, были некоторые животные, такие как лось, северный олень и горный козел, которые встали на совете и храбро вступились за кролика. Действительно, они сказали животным, которые только смеялись над печальной историей кролика, что, если ничего не делать для маленького кролика и они будут продолжать убивать, как они это делали, они скоро станут самыми большими страдальцами, потому что, если все кролики исчезнут, они больше ничего не смогут добыть в достаточном количестве, чтобы сохранить им жизнь. Это, что является фактом, поначалу несколько отрезвило некоторых из них; но вскоре они возобновили свои насмешки над бедным маленьким кроликом и его историей, и, поскольку они были в большинстве, совет отказался что-либо предпринимать в этом вопросе.

"Когда лось услышал решение совета, ему стало очень жаль своего бедного младшего брата кролика, поэтому, поразмыслив, он велел кролику запрыгнуть на один из его плоских рогов, пока он держал их опущенными. Затем лось отнес его на некоторое расстояние от места заседания совета и сказал:

"Здесь для тебя нет никакой надежды. Большинство животных питаются вами, и поэтому они не сделают ничего такого, что сделало бы вашу поимку более трудной, чем сейчас. Твой единственный шанс - пойти к Нанахбужу и посмотреть, что он может для тебя сделать".

"Ура!" - закричал Сагастао. "Я думал, что это все-таки будет в честь Нанахбужу".

Продолжая, Суванас сказал:

Лось подбодрил кролика, сказав: "Когда-то Нанахбужу звали Манабуш, или Кече-Вапуз, Большой Кролик, и поэтому я уверен, что он будет твоим другом, поскольку я думаю, что он твой дальний родственник".

Не дожидаясь закрытия совета, кролик помчался прочь по маршруту, описанному лосем, который недавно узнал, где останавливается Нанахбужу. Кролик был таким робким существом, что, когда он приблизился к Нанахбужу, он очень боялся, что ему не будут рады. Однако его положение было отчаянным, и хотя его сердце бешено колотилось от страха, он спешил покончить со всем этим как можно скорее. К своей великой радости, он застал Нанахбужу в прекрасном расположении духа, и его приняли очень любезно.

Нанахбужу увидел, как устал кролик после долгого путешествия, и поэтому он заставил его отдохнуть на душистой траве на солнышке, а сам вышел и принес ему поесть самых вкусных продуктов из своего сада. Потом он попросил кролика рассказать обо всех своих бедах и о том, как с ним обошлись на совете.

"Эта часть истории о том, как они вели себя на совете, очень разозлила Нанахбужу.

"И именно так они обошлись с этим маленьким братом на совете, который мы им устроили, где ожидается, что самый маленький и слабый будет иметь такое же право на то, чтобы его дело было рассмотрено, как и дело самого большого и сильного! Если дела обстоят именно так, то давно пора кому-нибудь обратиться ко мне с новостями совета. Берегитесь, мистер Лис, Росомаха и Дикая Кошка, потому что, если я доберусь до вас, я так расправлюсь с вами, что вы пожалеете, что кролику пришлось обратиться к Нанахбужу за помощью, которую вы должны были ему оказать!

Нанахбужу пришел в такую ярость, что кролик перепугался почти до смерти. Но когда он увидел это, Нанахбужу только посмеялся над ним и сказал, что сожалеет о том, что напугал его.

"Я была так зла, - сказала Нанахбужу, - на этих животных за то, что они плохо обращались с тобой, что забылась; а теперь, маленький брат, что ты хочешь, чтобы я для тебя сделала?"

"У них был долгий разговор по этому поводу, и было принято решение внести два больших изменения. Первое заключалось в том, что глаза кролика должны были быть настолько усилены, что в будущем они должны были видеть ночью так же хорошо, как и днем, а второе заключалось в том, что во всех Северных землях, где много снега выпадает в течение многих месяцев в году, кролики приобретут красивый белый цвет, подобный снегу, и так будет продолжаться до конца зимы. И кролики теперь проводят время гораздо лучше, чем раньше. Они могут ускользать в темноте от своих врагов, когда находятся в лесу, а когда находятся на снегу, их нелегко заметить, и они часто остаются незамеченными, оставаясь совершенно неподвижными".

Но задолго до окончания Суванаса Джек вернулся из дома с запиской, в которой говорилось, что ужин скоро будет готов и что никто не может быть более желанным гостем, чем Суванас.

- А как насчет красных глаз уток? - спросил я. — сказали двое детей, чьи пристрастия к историям были просто ... ну, как у других мальчиков и девочек.

Тут отцу пришлось вмешаться и сказать, что для одного дня этого было вполне достаточно. Однако, прежде чем отправиться домой, Суванас пообещал рассказать другую историю при первой же удобной возможности.

ГЛАВА XX.

Проходящие мимо Охотники и их Добыча —Тщеславная Женщина —Почему у Куницы Белое пятно на груди.

Поскольку дом, где жили Сагастао и Миннехаха, находился недалеко от тропы, по которой привыкли ходить многие индейские охотники, направляясь на торговый пост со своими мехами, они часто заходили повидаться со своими любимыми друзьями бледнолицыми. Этим охотникам всегда были рады, и поскольку они очень редко куда-то спешили, дети узнали от них множество причудливых индейских легенд или историй из жизни животных.

Детям также было очень приятно наблюдать, как охотники, вернувшись из удачной поездки, открывают свои меховые сумки и раскладывают перед ними богатые меха, рассказывая им

истории об этих животных — чернобурке, выдре, бобрах, норках, куницах, горностаях, а иногда даже о больших медведях и волках, шкуру которых они часто пробовали. Эти ценные меха, как правило, были хорошо выделаны и подготовлены к отправке трудолюбивыми женщинами, прежде чем их доставили на торговый пост. Однако иногда охотник, идя по тропе к торговому посту, находил в одной из своих ловушек только что пойманное животное, и, не имея времени вернуться в свой вигвам, чтобы выделать и высушить шкуру, он уносил животное таким, каким оно было, и продавал его торговцам мехом.

Однажды туда позвали несколько индейцев, и среди них был охотник с парой куниц, которых он поймал в свой капкан тем же утром. Сагастао и Миннехаха никогда раньше не видели этих маленьких животных, и они с большим интересом рассматривали их и задали несколько вопросов о них.

"Почему у куницы такое странное белое пятно на горле?" - спросил Миннехаха.

Индейцы переглянулись, и мрачная улыбка промелькнула на их загорелых лицах, когда они услышали этот вопрос.

Их поведение только еще больше возбудило любопытство детей, и они оба потребовали ответа. Тогда один из индейцев сказал:

- Спросите Мэри; она знает все об этой истории, и, поскольку в ней участвовала женщина, она может рассказать ее лучше, чем мы.

Таким ответом детям пришлось удовольствоваться, потому что охотники, выпив по чашке чая, вскоре ушли.

Когда дети нашли Мэри, они сразу же потребовали рассказ.

- Какую историю? - спросила Мэри.

- О, ты знаешь, чего мы хотим, потому что ты был на кухне и слышал, что было сказано.

Wigwams and Indians.

Но Мэри по-прежнему заявляла о своем невежестве и заявляла, что была так занята уходом за Суванакенапеке, что не слышала и половины разговоров, которыми они обменивались с индейцами.

- О, я знаю тебя, сакхоу Мэри, - сказал Сагастао. - Ты не хочешь рассказывать нам, потому что в этом замешана такая женщина, как ты.

Мэри вскипела от негодования, но прежде чем она успела вымолвить хоть слово, руки Сагастао обвили её вокруг её шеи, и он воскликнул:

- Прости меня, сакхо! за то, что я говорю так глупо. Теперь я припоминаю, что ты вышла из кухни с бэби до того, как Миннехаха задал этот вопрос.

Это быстрое извинение и ласковое слово "сакэ-хау" восстановили гармонию, и теперь Мэри стремилась доставить им удовольствие.

- Какой вопрос вас заинтересовал? - спросила Мэри.

"Почему у куницы такое странное белое пятно на горле?" - спросил Миннехаха.

"И мужчины сказали нам обратиться к вам, потому что там была женщина", - добавил Сагастао.

Мэри улыбнулась, услышав это.

"Да, - сказала она, - в этой истории была замешана глупая женщина. Насколько я помню, все было так, и это история северян. Давным-давно у одного мужчины была жена, которая была очень гордой, тщеславной женщиной. Она не была довольна тем, что её муж и её собственные люди говорили о ней хорошие вещи, но она хотела, чтобы ей льстило и восхищалось каждое живое существо. Вы знаете, я говорил вам, что в старые времена животные могли говорить и делать многое. Так вот, эта тщеславная женщина со своей глупой манерой поведения начала привлекать к себе разных животных вокруг себя. Почти все смеялись над ней, но она, казалось, считала, что иметь столько поклонников - это здорово. Однажды она получила урок, флиртуя с медведем. Они шли вместе, и она позволила ему обнять себя, но он так крепко обнял её, что сломал ей два ребра. Она долго выздоравливала, а потом её муж прочитал ей замечательную лекцию. Можно было подумать, что это её вылечит, но это было совсем не так. Когда она снова поправилась, то была такой же глупой, как всегда, хотя и старалась не флиртовать с животными, которые могли обниматься, как медведь. Затем она околдовала скунса своей глупостью. Но однажды, когда они гуляли вместе, собака внезапно напала на скунса, и в своём гневе и возбуждении он так надушил своим запахом женщину, а не собаку, что её муж обнаружил её и избил.

"Теперь все смеялись над ней из-за её глупых выходок, а поскольку у её мужа были люди, нанятые следить за тем, с какими существами она выходила гулять, ей приходилось оставаться дома, в своём вигваме. Но когда женщина становится гордой и тщеславной и ведёт себя так, как эта, её трудно вылечить. Дело в том, что её муж был слишком добр к ней. Он не давал ей много работы, чтобы она была занята и не проказничала. Вместо того чтобы заставлять её колоть дрова, носить воду и делать другие тяжелые вещи, он делал это для неё, потому что очень гордился ею, и она действительно была красивой женщиной. Однако он заставил её остаться в их вигваме вместо того, чтобы позволить ей ходить, где ей заблагорассудится.

"Большую часть своего времени она приводила в порядок свою красивую одежду и думала о том, каким прекрасным созданием она была. Но вскоре она соскучилась по лести своих поклонников и решила, что, несмотря на своего мужа, попытается услышать ее снова. Однако ее муж и его друзья были настолько бдительны, что оказались для нее слишком умными.

"Однажды ее муж вернулся с охоты и осмотрел свои капканы. Среди других животных, которых он поймал, была прекрасная куница. Он поймал ее в так называемом ловком падении, то есть когда бревно расположено таким образом, что, когда животное достигает приманки, оно оказывается прямо под бревном, которое падает на него в тот момент, когда он вытаскивает приманку.

"Когда женщина взяла куницу, которую ее муж бросил к ее ногам, она заметила, что она все еще довольно теплая, но она ничего не сказала об этом своему мужу, который, взяв топор и одеяло, сказал, что уходит навестить свои более отдаленные ловушки и не вернется еще несколько дней. Перед уходом он взял с нее обещание, что она не покинет вигвам до его возвращения.

"Женщина, как только убедилась, что ее муж действительно ушел, подобрала куницу. Осмотрев его, она убедилась, что он не умер, а только потерял сознание от упавшего бревна, поэтому она потерла его и подышала ему в ноздри, а затем тростинкой вдохнула воздух в его легкие.

"Конечно же, в нем была жизнь, и первым признаком, который он подал, было одно-два громких чихания. После этого женщина завернула ее в теплое покрывало и держала, пока она не поправилась. Куница, конечно, была очень напугана, когда оказалась в руках женщины. Он уже собирался вырваться на свободу, когда женщина заговорила с ним на его родном языке. Это его очень удивило, и еще больше, когда женщина рассказала ему, как она вернула ему жизнь, и что теперь взамен он должен делать то, что она желает.

"Любое животное или человек были бы готовы пообещать то же самое, когда бы к ним таким образом была возвращена жизнь.

"Я сделаю для тебя все, что в моих силах", - сказала куница.

"Я хочу, чтобы ты пошел к своему королю мартену, - сказала женщина, - и сказал ему, что прекрасная леди слышала о нем так много замечательных вещей, что ей не терпится навестить его".

- Это куница обещала сделать, и прошло совсем немного времени, прежде чем пришел король куница. Конечно, он должен был быть очень осторожен, так как его предупреждали о многих, кто наблюдал за глупой женщиной.

Однако едва ли он успел что-либо сказать ей, как снаружи послышались шаги ее мужа. Как только он открыл дверь вигвама, королевская куница выбежала наружу и скрылась в лесу.

"Что это было?" - спросил муж.

"О, дорогая, это была куница, которую ты поймала. Должно быть, она ожила и убежала", - сказала женщина, которая таким образом ловко спасла себя и королевскую куницу.

"Мужчина был подозрителен, но поскольку куницы, которую он поймал, найти не удалось, он не мог придраться к ней, разве что сказать, что ей следовало освежевать куницу вскоре после того, как он принес ее.

Король мартен, который был очень тщеславным парнем, был совершенно поражен красотой этой женщины, и поэтому, несмотря на то, что ему едва удалось спастись, он решил пойти и увидеть ее снова. Наблюдая за отъездом ее мужа, он успел нанести ей несколько кратких визитов и в конце концов настолько увлекся ею, что попытался уговорить ее сбежать с ним.

Услышав это, она очень рассердилась, потому что, при всей своей глупости, поступила так только из-за своего тщеславия и любви к лести. Теперь, когда куница осмелился обратиться с такой просьбой, она решила, что он должен быть наказан; поэтому однажды, когда он сидел рядом с ней и говорил много глупой лести, она услышала приближающиеся шаги своего мужа, но не предупредила короля куницы.

И вот таким образом мужчина поймал старую куницу, сидевшую рядом со своей женой. Это его сильно разозлило, и когда куница внезапно выбежала, мужчина спросил женщину, что это значит. И она рассказала ему все, что сказала куница, и о его дерзости просить ее оставить его и стать женой куницы. Это очень возмутило мужчину, и они решили наказать куницу.

"В следующий раз, когда мужчина ушел, он сказал своей жене наполнить чайник водой и поставить его на огонь кипятиться. Затем человек взял свои ловушки и отправился в путь, как будто собирался в долгое путешествие. Но он отошел совсем немного, ровно настолько, чтобы застать куницу врасплох, и, конечно же, пока он наблюдал, он увидел, как куница вошла в вигвам.

Затем мужчина тихо подошел к двери и прислушался. Он услышал, как куница уговаривает его жену уйти с ним. Затем он внезапно прыгнул в палатку и крикнул:

- Старый король мартен, что ты здесь делаешь? Как ты смеешь разговаривать с моей женой?

С этими словами мужчина схватил чайник с кипятком и выплеснул его содержимое на куницу, сильно ошпарив ее. Куница вцепилась в его пылающую грудь, когда он бросился прочь в лес. И с того дня и по сей день у всех куниц на груди появляется белесое пятно, вызванное этим ожогом".

- Что стало с женщиной? - спросил Сагастао.

- Сейчас неважно. Мы и так потратили слишком много времени на такого никчемного тщеславного флирта, - сказала Мэри.

ГЛАВА XXI.

*Отстрел гагар—Почему у гагары плоская спина, красные глаза и такие странные лапы—
Нанахбужу теряет свой обед—Происхождение лишайников—Почему некоторые ивы
красные—Куропатка.*

Ничто не доставляло детям большего удовольствия, чем то, что индейцы взяли их с собой в свои каноэ на двухчасовую прогулку по светлым водам прекрасного озера, раскинувшегося перед их домом.

Эти приятные прогулки иногда становились захватывающими и вдвойне интересными при виде черного медведя или оленя, бредущих по берегу или плывущих из какой-нибудь точки острова. В другое время здесь было бы много гагар, или великих северных ныряльщиков, как их обычно называют. Сагастао и Миннехаха с большим интересом наблюдали за их удивительной быстротой в нырянии, затем за тем, как долго они могли оставаться под водой и какое большое расстояние им предстояло проплыть, прежде чем всплыть на поверхность.

Индейцы не часто охотились на гагар. На самом деле им было так трудно подстрелить гагару, что на это обычно тратилось больше боеприпасов, чем ее стоимость. Индейцы всегда заявляли, что эти умные птицы могли заметить вспышку их ружей и нырнуть вниз, спасаясь от опасности, прежде чем выстрел достигнет их самих.

Однако, поскольку некоторые из них были востребованы из-за их прекрасных, покрытых перьями шкур, из которых делают самые ценные шапки и муфты, было решено, что Суванас и Кеннеди должны взять с собой казнозарядное ружье миссионера в дополнение к своим собственным пистолетам и попытаться раздобыть несколько штук.

Дети умоляли разрешить им сопровождать их, и поскольку день был необычайно погожий, а на озере почти не было ряби, им дали отпуск и разрешили провести целый день на прогулке с этими двумя надежными и опытными мужчинами.

Заботливая Мэри положила в каноэ обильный обед с незаменимым чайником, которая, как обычно, была недовольна тем, что дети так долго находились под чарами старого Суванаса.

Под веселые крики и смех детей оба индейца умело орудовали веслами, и вскоре они были уже в нескольких милях от берега, высматривая гагар. Часто бывает, что желаемое приходит последним. Так было и в этот день. Часто можно было увидеть диких уток в большом количестве и даже гусей, а также нескольких лебедей и пеликанов. Наконец, однако, далеко впереди послышались странные, заунывные звуки, и опытные индейцы поняли, что птицы, которых они искали, были недалеко. И все же прошло некоторое время, прежде чем вдали показались первая длинная белая шея и черная голова, поскольку крик гагары не только отличается от крика любой другой птицы, но и разносится очень далеко.

Теперь взволнованным детям было велено вести себя очень тихо, пользоваться только глазами и наблюдать за состязанием между мастерством человека и сообразительностью птиц.

Некоторые старые гагары настолько привыкли к тому, что индейцы стреляют в них из старомодного кремневого ружья, которое дает такую вспышку при выстреле, что они едва держатся вне зоны досягаемости. В тот момент, когда они видят вспышку огня, они уходят, а затем, когда выстрел или пуля попадает в то место, где они были, они безмятежно всплывают

снова на том же месте или в одном не очень удаленном. Этим рискованным видом спорта некоторые из них будут заниматься часами или до тех пор, пока обескураженные охотники не израсходуют почти все свои боеприпасы.

Однако сегодня против них было испытано новое оружие, и, к сожалению для них, они потерпели печальное поражение. Кеннеди сначала зарядил свое старое кремневое ружье и выстрелил, но, как обычно, они скрылись из виду под водой прежде, чем выстрел попал в то место, где были гагары.

Какое-то время гагары были пугливы и отплыли довольно далеко. Но через некоторое время, когда они обнаружили, что от выстрелов Кеннеди можно увернуться, они не стали утруждать себя тем, чтобы заплывать слишком далеко. Это было именно то, чего ждал Суванас. Теперь он взял ружье и, как только гагара вынырнула на поверхность, выстрелил из этого нового оружия, которое не дало вспышки, предупредившей бедную птицу о смертоносной пуле, которая так быстро неслась в своем полете. Так случилось, что гагара за гагарой попадали в цель и несколько красивых птиц были пойманы — к большому огорчению детей, которые с восторгом наблюдали за их ловким нырянием и внезапным появлением после того, как Кеннеди разрядил свое старое ружье. Из уважения к их чувствам индейцы вскоре прекратили стрельбу, хотя с этим новым ружьем они легко могли бы добыть гораздо больше.

- Давайте теперь сойдем на берег на одном из этих островов, - сказал Сагастао, - и пообедаем.

- И история Нанахбужу после, - вставил Миннехаха.

Этот план был именно тем, о чем думали индейцы, и поэтому через короткое время все они были на берегу. Сухих дров было в избытке, и вскоре разгорелся яркий костер, а затем, когда вода была вскипачена и заварен чай, корзинка с обедом была открыта, и всем очень понравилась еда.

"Теперь, Суванас, - сказал Миннехаха, - мы все готовы к рассказу одновременно, и если твоя трубка погаснет, я дам тебе горящую палочку, которой ты сможешь снова ее разжечь".

"Может быть, я вас очень займу", — заметил старик, которого очень позабавило это предложение, и так оно и оказалось, поскольку его трубка сегодня упорно не гасла.

"Однажды, - начал Суванас, - когда Нанахбужу прогуливался по берегу озера, он проголодался. Он обдумывал, что ему лучше всего сделать, чтобы раздобыть что-нибудь съестное. Он решил обмануть водоплавающих птиц. Он увидел утку, плывущую недалеко от берега, и обратился к птице следующим образом:

"Подойди сюда, брат мой".

- Что это? - спросила утка, приближаясь к Нанахбужу.

"Кеша Мунеду (Милосердный Дух) ниспослал мне слова, чтобы рассказать всем водоплавающим птицам некоторые очень важные вещи. Иди и скажи всем видам водоплавающих птиц, чтобы они прилетели, и когда они все соберутся вместе, я сообщу тебе, что мне открылось".

Утка подчинилась Нанахбужу, который тем временем соорудил совсем голый вигвам из зеленых веток, или, скорее, сделал так, чтобы казалось, что он это сделал, потому что не приложил к этому много труда. В Нанахбужу прилетали всевозможные водоплавающие птицы, и им, казалось, не терпелось услышать, что было открыто. Нанахбужу принял их с видимым дружелюбием и пригласил войти в вигвам. Когда они все вошли, он сказал:

"Сначала вы все должны потанцевать, прежде чем я расскажу вам о том, что мне открылось. Все вы должны встать близко друг к другу внутри вигвама и вытянуть шеи во время танца, и все вы должны одновременно махать крыльями".

Затем Нанахбужу начала петь:

"Пау-зау-гва-бе-ше-муг,
Ке-ку-ма-мис-ква-ше-гун".

("Закрой глаза,
И я сделаю тебя мудрым".)

Эти слова Нанахбужу повторила три раза.

Все птицы в такт музыке и словам песни танцевали, закрыв глаза. Нанахбужу продолжила петь, перейдя к следующим словам:

"Au-yun-ze-kwa-gau."

"Все это время власть Нанахбужу над птицами была такова, что они продолжали петь и танцевать, в то же время держа головы близко друг к другу. Голос Нанахбужу пел в центре палатки, одновременно с этим бил его барабан, в то время как он лично обходил вигвам или хижину, сворачивая шеи водоплавающим птицам и разбрасывая их по стенам хижины. Гагара, большая птица-ныряльщик, танцевала на открытой двери сторожки. Он заподозрил, что Нанахбужу затевает какие-то свои фокусы, делает что-то плохое, поэтому открыл глаза и увидел. Он сразу же поднял тревогу и крикнул:

"Нанахбужу убивает нас!"

Все птицы, которые были еще живы, когда услышали эти слова, сразу вылетели через верхнее отверстие вигвама, за исключением гагары, или ныряльщика, и он, будучи у двери, повернулся и выбежал из вигвама так быстро, как только мог, к берегу озера.

Нанахбужу был так зол на него за то, что он осмелился открыть глаза, а затем за то, что предупредил остальных, позволив многим из них уйти, что побежал за ним и растоптал его, когда он только достиг берега. Именно поэтому, из-за жестокости Нанахбужу, у гагары была плоская спина и красные глаза, а ее лапы так не похожи на лапы других водоплавающих птиц.

Когда Нанахбужу развел большой костер, он собрал водоплавающих птиц, которых убил до того, как ныряльщик поднял тревогу, и засыпал их пеплом, оставив торчать только их лапы. Пока он ждал, пока они приготовятся, ему очень захотелось спать, и он прилег отдохнуть.

"Но перед тем, как лечь спать, он сказал: "За всем наблюдала моя лицевая сторона. Это несправедливо. Я заставлю свою спину принять участие в наблюдении".

Итак, когда он свернулся калачиком, чтобы поспать у огня, он сказал себе в спину:

- А теперь присматривай за мной, ленивая широкая спина, пока я сплю. Затем, будучи очень уставшим, он погрузился в тяжелый сон.

Через некоторое время наблюдатель крикнул:

"Нанахбужу! Индейцы идут!"

Нанахбужу слегка приподнялся, но индейцев не увидел, поэтому снова лег спать.

Но снова и снова, целых три раза, его верный наблюдатель звал его и предостерегал от приближающихся врагов. Нанахбужу теперь был настолько одурманен сном, что лишь немного проснулся, но недостаточно для того, чтобы обнаружить притаившегося врага. Поэтому он очень рассердился на своего наблюдателя, на его широкую спину, и сильно поколотил его, говоря:

"Вот! получай, ты, великий глупый наблюдатель, за то, что так беспокоишь меня своими ложными сообщениями!"

Затем Нанахбужу снова заснула. Широкая спина был очень обижен таким обращением с ним, потому что знал, что был прав, и теперь, хотя индейцы были совсем близко, он снова не предупредил Нанахбужу, поэтому враги пришли и украли всю его приготовленную птицу. Индейцы осторожно вытащили кур за ноги, которые Нанахбужу оставила торчать вверх. Когда они съели тушки птиц, они засунули лапки обратно в золу, как их оставила Нанахбужу.

Когда, наконец, его сон закончился, Нанахбужу встал, готовый к трапезе из прекрасно приготовленной птицы. Действительно, велики были его удивление и негодование, когда он вытащил лапки из пепла и обнаружил, что тушек птиц там нет.

Он пришел в ярость и решил наказать свою спину. Поэтому он развел костер из больших деревьев и встал к нему спиной очень близко. Когда его плоть начала сильно обгорать, она покрылась волдырями и издавала звук, похожий на жарящееся мясо. Нанахбужу сначала, казалось, не обращала внимания на боль и только сказала:

"Ты вполне можешь сказать "Зинг, Зинг" в своем горении. Я преподам тебе урок, который ты запомнишь надолго, за то, что ты не сказал мне, что индейцы воровали мою жареную водоплавающую птицу.

Затем Нанахбужу продолжил свой путь, но, несмотря на свою магическую силу, он почувствовал что-то вроде боли в спине. Он повернул голову и увидел волдыри, образовавшиеся от сильного огня. И он подумал, как ему избавиться от них, потому что они беспокоили его, хотя ничто не могло причинить ему вреда очень долго. Идя по краю пропасти, он поскользнулся — и покатился далеко вниз по скалистому склону. Добравшись до дна, он оглянулся назад и там, на скале, по которой он соскользнул вниз, увидел то, чего никогда раньше не видел.

"Мои племянники, - сказал Нанахбужу, - когда они увидят эти штуки на скалах, назовут их Вау-конуг (лишайник), и хотя это плохая пища, они не дадут им умереть с голоду, когда у них не будет ничего лучше".

"Это индийская традиция происхождения пятен лишайника, прикрепленных к голым скалам. Индейцы до сих пор называют их "без струпов", и при варке из них получается что-то вроде желе, которое немного лучше, чем голодная смерть.

Затем Нанахбужу, хотя его спина кровоточила из-за того, что он скользил по грубым камням, продолжал идти, иногда вдоль берега, а иногда в густом кустарнике. В одном месте, где заросли были очень густыми, его магическая сила была такова, что он сорвал много зарослей вместе и прошелся по их верхушкам. Когда он оглянулся, то увидел, что кровь из ран на его спине окрасила кусты, по которым он шел, в красный цвет. Затем Нанахбужу сказала:

"Мои племянники назовут эти кусты "ме-сква-бе-ме-шин" (красные ивы). Они будут использовать их, чтобы остановить кровотечение, когда столкнутся с какими-либо серьезными несчастными случаями"; и так до сих пор поступают индейцы, когда живут среди них.

Такова традиция происхождения красной ивы, когда-то столь распространенной во многих местах обитания индейцев.

"Куропатку называют Кош-ко-э-ва-су (пугающую) потому, что она заставила даже Нанахбужу сильно подпрыгнуть. Это произошло следующим образом:

"Однажды, прогуливаясь по лесу, Нанахбужу увидел маленькое существо. Этот малыш подумал, что для него будет лучше всего проявить храбрость в присутствии Нанахбужу, и поэтому, когда его спросили, кто он такой, он ответил:

"Я из тех, кто поражает".

"Ты не можешь напугать меня", - сказала Нанахбужу.

Маленькое существо внезапно улетело, а Нанахбужу продолжил свое путешествие. Мало-помалу он достиг опасного скалистого места на берегу. Как раз в тот момент, когда он был в самом худшем положении, куропатка внезапно с грохотом вылетела почти у него из-под ног и так напугала его, что он вскочил, быстро отскочил в сторону, упал в воду и сильно намок. Так что даже Нанахбужу пришлось подтвердить имя маленькой куропатки".

Обратный путь детям не очень понравился. Мертвые гагары в каноэ выглядели не так привлекательно, как они выглядели, когда так грациозно плавали и ныряли в озере. Суванас быстро заметил их подавленное настроение и тут же решил, что никогда больше не будет стрелять ни в одно живое существо в их присутствии, и неукоснительно сдержал свое решение.

Мэри встретила их, когда они приземлились, и ее зоркие глаза заметили перемену в их настроении, а поскольку они не скрывали своих чувств ради нее, она быстро поняла причину их печали. Она не замедлила воспользоваться представившейся возможностью и сильно отругала Суванаса и Кеннеди за то, что они чуть не разбили сердца ее драгоценных любимцев, убив в их присутствии нескольких птиц, за игрой которых они часто наблюдали часами вместе.

Двое мужчин выслушали ее упрек в своей обычной молчаливой манере, а затем тихо посмеялись вместе, когда ее гнев иссяк и она в негодовании ушла с детьми.

ГЛАВА XXII.

Поездка Нанахбужу на спине канюка, который позволяет Ему упасть — Недолгий Триумф - Почему у Канюка нет перьев на голове или шее.

В один прекрасный теплый день, когда листья на деревьях были яркими и золотистыми от осенних оттенков, дети были в гостях в палатке Суванаса.

Старик мастерил красивый маленький лук и колчан, полный стрел, для Сагастао, в то время как старая жена мастерила для Миннехахи сложную детскую колыбель индийского образца, в которой она могла носить свою любимую куклу в стиле, популярном среди индийских девочек.

Детям было очень интересно наблюдать за приготовлением для них этих ценных подарков, и, конечно же, им было что сказать в виде благодарности тем, кто так много делал для увеличения их счастья.

Пока они были так заняты, с юга заметили несколько каноэ. Поскольку ветер был попутный, из одеял соорудили импровизированные паруса, каждый из которых был прикреплен к паре весел, и с помощью этих нехитрых приспособлений они быстро плыли вперед. Увидев вигвам Суванаса на мысу, индейцы вышли на берег, покурили и поболтали некоторое время, прежде чем продолжить свой путь на север.

The Indian story-teller.

В их каноэ было довольно разнообразной дичи, и среди них большая дурно пахнущая птица, называемая канюк-индюк. Рассказывали, что молодой охотник-индеец, подстреливший ее, сначала подумал, что это действительно индейка, но обнаружил свою ошибку, когда подошел поднять ее с земли, куда она упала. Запах был настолько отвратительным, что сначала он подумал, что оставит его здесь, но когда он вспомнил, что часто некоторые из крупных перьев использовались в декоративных работах, он решил взять его с собой.

Детей заинтересовал его внешний вид, так как это был первый мертвый канюк, которого они когда-либо видели.

"Посмотри, Суванас, - сказал Миннехаха, - у бедной птички нет перьев ни на шее, ни на голове. Там, должно быть, очень холодно, когда наступает зима.

"Ну, я думаю, что, скорее всего, она сама виновата в том, что лишилась перьев", - сказал Сагастао, а затем добавил, ткнув вонючую птицу палкой:

"Я бы не удивился, узнав, что Нанахбужу имеет к этому какое-то отношение".

"Нанахбужу был, - сказал Суванас, - и это было из-за подлой шутки, которую сыграл с ним канюк. А теперь, когда эти индейцы ушли и спешат добраться до Поплар-Пойнт, если вы присядете на камни под теплым солнцем, я расскажу вам эту историю".

Второго приглашения не потребовалось, поэтому, пока дети усаживались рядом с ним на гладком гранитном камне, старик продолжил мастерить стрелу и рассказал им следующую историю:

"Однажды, когда Нанахбужу шел по стране, он увидел канюка, парящего высоко в воздухе. Подобно орлу, он без особых усилий описывал грациозные круги. Через некоторое время канюк слетел на землю и встал на скале, расправив свои огромные крылья. Нанахбужу тихо подошла и вступила с ним в разговор.

"Брат Канюк, - сказал он, - ты, должно быть, очень счастлив, когда плывешь там, в голубом небе, где ты можешь так легко видеть все, что происходит здесь, в мире под тобой. Я бы хотел, чтобы ты посадил меня туда на спину и позволил мне увидеть, как выглядит этот мир с той высоты в голубом небе, где ты так много живешь".

Канюк, услышав эту просьбу, сразу же подлетел к Нанахбужу и сказал:

"Я с удовольствием возьму тебя к себе на спину и позволю увидеть, как ты желаешь, как выглядит мир с этой высоты".

Тогда Нанахбужу, увидев, какой гладкой была спина большой птицы, сказала:

"Братец Канюк, у тебя такая гладкая спина, что я боюсь соскользнуть с нее, поэтому ты должен быть осторожен и не описывать слишком быстрые круги в небе".

Канюк сказал Нанахбужу, что он будет очень осторожен, хотя в то же время он был полон решимости, если это будет возможно, подшутить над ним; потому что у него была давняя обида на него, о которой Нанахбужу, казалось, забыла.

Затем Нанахбужу взобрался на спину большого канюка и держался за его перья так крепко, как только мог. Затем канюк сделал короткий разбег, оторвался от земли и, расправив свои большие сильные крылья, быстро поднимался все выше и выше в небо.

"Нанахбужу сначала почувствовал себя довольно робко, обнаружив, что так быстро парит в воздухе, особенно из-за того, что ему было так трудно удерживаться на месте. Когда канюк начал кружить круг за кругом, это стало еще труднее, потому что тело птицы наклонялось все больше и больше по мере увеличения скорости. Но Нанахбужу был очень умен, и через некоторое время он больше привык к своему странному положению и очень заинтересовался великолепными видами огромного мира под ним, который теперь он мог видеть на такое большое расстояние. Озера и реки, леса и горы - все это приводило в восторг Нанахбужу, обладавшую удивительным зрением.

Наконец, когда они поднимались все выше и выше в голубое небо, Нанахбужу закричал от восторга, когда вдали он узнал вигвам своей бабушки Нокомис. Действительно, он был так обрадован, что на мгновение выпустил канюка из рук и в волнении всплеснул руками. Коварный канюк заметил это, понял, что это была возможность, которую он ждал, и сделал круг так внезапно, что его тело накренилось, и прежде чем Нанахбужу смог восстановить хватку, он соскользнул с гладкой спины и камнем рухнул на землю. Сила, с которой он ударился о землю, была так ужасна, что он потерял сознание и долго лежал там, как мертвый.

"Но, как я уже говорил вам, Нанахбужу был больше, чем человеком, и ничто на самом деле не могло убить его. Так случилось, что через некоторое время он пришел в себя, но был раздосадован, возмущен тем, что позволил канюку сыграть с ним такую подлую шутку.

Затем он собрался продолжить свой путь и, конечно же, посмотрел вверх, нет ли каких-нибудь признаков канюка. Ему не пришлось далеко ходить, потому что там, в небе, неподалеку, был старый канюк, смеявшийся над шуткой, которую он сыграл с Нанахбужу, и очень довольный собственной ловкостью в обмане того, кто, как известно, был таким хитрым.

"Смейся, старый канюк", - сказал Нанахбужу. "На этот раз ты взял надо мной верх, но берегись! Ибо за этот твой трюк я наложу на тебя метку, которая позволит твоим друзьям и врагам узнавать тебя и днем, и ночью.

Но канюк со своего высокого безопасного места в небе только насмешливо рассмеялся в ответ и сказал:

"Нет, конечно, Нанахбужу, ты не сделаешь ничего подобного. Ты обманывала других существ, но во мне ты нашла себе пару. Ты не сможешь обмануть меня. И теперь, особенно после того, как ты мне пригрозил, я всегда буду начеку из-за тебя.

Нанахбужу ничего не ответил на эту хвастливую речь, но он много думал, и вскоре у него созрел план преподать мистеру Баззарду урок, который он никогда не забудет.

Возобновив свой путь, он двинулся дальше, как ни в чем не бывало.

Канюк сначала заподозрил неладное и некоторое время наблюдал за ним. Затем, не заметив ничего необычного в его движениях, улетел в далекое небо.

Нанахбужу, чтобы осуществить свой план по наказанию канюка, решил превратиться в мертвого оленя. Он знал, что канюк питается мертвыми животными всех видов. Он выбрал возвышенное место, видимое с большого расстояния, лег там и превратился в тело огромного оленя. Прошло незадолго до того, как различные животные и птицы, питающиеся подобными вещами, начали собираться вокруг этого мертвого тела.

Канюк, у которого такие замечательные глаза, способные видеть на большие расстояния, издали заметил это скопление птиц и животных, и поскольку он всегда был настороже, вскоре присоединился к остальным существам, окружавшим оленя. Он несколько раз облетел вокруг него, потому что поначалу у него возникли некоторые подозрения. Однако при ближайшем рассмотрении он понял, что это всего лишь мертвый олень, и таково было единодушное мнение всех остальных животных и птиц, собравшихся там. Ни у одного существа не могло быть никаких сомнений, кроме того, что это был олень и что он был совершенно мертв.

"Канюк, теперь, когда все его подозрения рассеялись, в своей великой жадности заполучить все, что только можно, свирепо начал своим мощным клювом разрывать дыру в боку тела, чтобы добраться до богатого жира, который находится вокруг почек. Это то, что эти свирепые, жадные птицы всегда пытаются заполучить первыми. Он разрывал плоть все глубже и глубже, пока, наконец, не смог просунуть голову и шею, чтобы дотянуться до лакомых кусочков, которыми так дорожил.

Это было именно то, чего ждал Нанахбужу, и когда голова и шея канюка были полностью скрыты в теле, олень прыгнул вверх, и в этот момент плоть так плотно сомкнулась вокруг головы и шеи канюка, что жадная птица оказалась там надежно зажатой.

"Ха-ха-ха, старый канюк! Я все-таки поймал тебя, как и обещал", - сказал Нанахбужу. - Теперь вытяни шею и голову.

В конце концов канюку с большим трудом удалось вытащить свою голову из бока оленя. Однако усилия, предпринятые для этого, были настолько велики, что он потерял все прекрасные перья, которые когда-то украшали его голову и шею. С того дня они больше на нем не росли, и там не видно ничего, кроме красной грубой кожи.

"Никогда больше, - сказала Нанахбужу, - твоя шея или голова не будут покрыты перьями, и твои друзья и враги, увидев тебя, вспомнят, как Нанахбужу наказал тебя за одну из твоих шуток над ним. И также с этого времени ваша пища будет только самого невкусного вида, а неприятный запах будет так прилипать к вам, что даже в самые темные ночи ваше ненавистное присутствие будут замечать и избегать.

"Таким образом, - добавил Суванас, - канюк - самая презируемая из птиц, потому что он такой уродливый, с лишенной перьев головой и шеей, и потому что его неприятный запах отравляет сладкий воздух, куда бы он ни направился".

ГЛАВА XXIII.

*Прогулка при луне по озеру — Легенда о Мальчике—сироте—Его обращение к Человеку на Луне
- Как Он победил Своих врагов.*

Лунные ночи в Северных землях часто очень красивы. Летом там сумерки продолжаются почти до полуночи. Тогда нет ничего более восхитительного, чем скользить в березовом каноэ по тихим прозрачным водам среди красивых скалистых островов, поросших елями. Июльские и августовские полные луны настолько велики и светлы, что, когда запад пылает, а на севере вспыхивает и пылает чудесное полярное сияние, ночи практически не бывает и темноты нет вообще.

Ничто не доставило детям большего удовольствия, чем получить разрешение отправиться с Мэри и Кеннеди в большом вместительном березовом каноэ на прогулку при лунном свете в одну из таких теплых, сияющих ночей. С большим количеством ковриков или подушек, чтобы сделать самые уютные сиденья в центре каноэ, они наслаждались красотой романтической обстановки, плавая по залитому лунным светом озеру. Часто в каком-нибудь месте необычной красоты Кеннеди прекращал грести, и тогда сама их тишина усиливала очарование этих счастливых прогулок.

- Послушай, Мэри, - сказал Сагастао, - я читал в одной из своих книг о "человеке на Луне". Ты что-нибудь знаешь о нем?

-Сегодня вечером он смотрит на нас очень доброжелательно, - сказала Миннехаха. "Я действительно верю, что видела, как он смеялся, он так рад, что мы пришли повидаться с ним в этот прекрасный вечер".

Эти замечания детей заставили всех в каноэ внимательнее взглянуть в большую круглую луну, которая сияла серебристой белизной прямо перед ними.

- У нашего народа много историй о луне, - сказала Мэри, - но не так уж много о человеке на луне. Однако есть одна странность в том, как он спустился вниз и помог бедному мальчику-сироте".

"О, расскажите это нам прямо сейчас, - попросил Миннехаха, - пока он смотрит и слушает".

- Делай, Мэри, - сказал Сагастао, - а мы с Миннехахой понаблюдаем за стариком и посмотрим, понравится ли ему, когда о нем заговорят.

"Что ж, - сказала Миннехаха, - Мэри будет говорить с ним в лицо, а не за его спиной, как иногда делают люди, когда говорят о других".

Таким образом, дети продолжали свою болтовню. Мэри и Кеннеди были очень удивлены.

- Давай, Мэри, поторопись! Отец сказал, что сумерки кончатся около одиннадцати, и к тому времени мы должны быть на берегу.

"Довольно поздний час для маленьких детей", - сказал Кеннеди.

"Не обращайтесь на это внимания, - сказал Сагастао. - Мы наверстаем упущенное зимой, когда в четыре часа стемнеет".

С Сагастао по одну сторону от нее в большом каноэ и Миннехахой по другую — их любимые позы, когда они слушали ее увлекательные истории, когда она напевала их на своем мягком, музыкальном кри—Мэри рассказала им эту историю.

"Давным-давно, - начала она, - жил-был бедный мальчик-сирота, у которого не было ни отца, ни матери, ни дяди, ни тети, ни каких-либо живых родственников, о которых он знал. Ему было очень тяжело, так как люди, казалось, не очень хорошо относились к нему. Поэтому ему приходилось жить там, где он мог. Ему удавалось прекрасно обходиться в приятную летнюю пору, но когда начинались долгие холодные зимы, он очень страдал. Однажды зимой несколько эгоистичных людей позволили ему жить с ними, потому что он был готов усердно работать за то немного, что они для него делали. Они обращались с ним плохо во многих отношениях. Они заставили его пойти в лес и нарубить дров для костра, но когда он принес их домой, они позволили ему оставаться только в холодном проходе, который они построили в своем зимнем жилище.

"Они заставили его пойти поохотиться на разных животных ради еды, а потом, когда он принес их домой, они сами приготовили и съели самое лучшее, а осколки и кости просто бросили ему, как собаке. Все домочадцы обращались с ним очень жестоко, кроме милой маленькой девочки, младшей дочери в семье. Ей было очень жаль его. Она тайком приносила ему еду получше и снабдила его ножом, которым он мог нарезать жесткие куски мяса. Она должна была быть очень осторожна, чтобы ее не обнаружили, потому что, если бы об этом узнали, она была бы сурово наказана. Так что ее жалость должна была проявляться исподтишка, и те несколько слов, которые она могла сказать ему о своем сочувствии, пришлось произнести шепотом, когда она проходила мимо него, когда никто не смотрел и не слушал. Бедный мальчик до этого времени не стремился стать лучше, но ее добрые слова и поступки заставили его решить, что он должен начать и сделать что-то для себя. Но что он мог сделать? Казалось, все были против него, кроме этой маленькой девочки, и она ничего не могла поделать, чтобы помочь ему сбежать от этих людей, которые теперь, когда он стал им так полезен, не отпускали его. Что, на самом деле, он мог сделать?

Так проходили дни, недели и месяцы, и, казалось, не было никакой возможности спастись. Он пытался убежать, но был пойман, приведен обратно и избит.

"Однажды ночью, когда было не очень холодно, он вышел из узкого прохода, где ему обычно приходилось спать, бросился на землю и заплакал от горя и отчаяния. Казалось, он был совершенно неспособен привести себя в порядок. Лежа там, он начал смотреть на огромную яркую луну, которая, теперь такая большая и круглая, как ему показалось, пристально смотрела на него. Вскоре он смог разглядеть, что на Луне живет великий человек. Наблюдая за ним, он с радостью заметил, что тот смотрит на него не сердито, а по-доброму, и поэтому он начал взывать к человеку на луне, чтобы тот пришел и помог ему сбежать от жалкой жизни, которую он вел. И действительно, пока мальчик продолжал плакать и умолять, он увидел, как человек с луны начинает спускаться в этот мир. Он подошел к тому самому месту, где лежал несчастный мальчик, но вместо того, чтобы помочь ему, заставил его встать, а затем хорошенько поколотил, заставив мальчика, однако, нанести ему ответный удар так энергично, как только мог. Полученная им взбучка очень сильно обескуражила мальчика, потому что это было совсем не то, чего он ожидал. На следующую ночь, когда он немного пришел в себя, он начал упрекать человека с луны.

"Я звал тебя, - сказал он, - прийти и помочь мне против моих врагов, а теперь ты пришел и избил меня".

Но эти слова, вместо того чтобы смягчить человека на луне, заставили его снова спуститься вниз и задать бедному мальчику гораздо более сильную трепку, чем раньше, но на каждый удар он заставлял мальчика отвечать таким же хорошим, какой получил сам.

Теперь мальчик впервые начал замечать, что чем больше его бьют, тем сильнее он становится. Он все еще не мог понять, что имел в виду человек на луне. Итак, он пришел снова, и у них была еще одна обычная схватка, и мальчик получил еще одну хорошую взбучку. Он спросил его, что означало, что он избил его таким образом. Теперь человек на луне заговорил с ним, но его слова были настолько похожи на головоломку, что сначала мальчик их не понял. Вот что сказал человек на Луне:

"Восторжествовал бы ты над сильным?

Будь сильным.

Ты бы позволил им больше не властвовать?

Властвуй.

Какое-то время мальчик повторял их снова и снова. Он часто говорил, что в результате этих встреч с человеком на луне он стал настолько сильным, что почти смог выстоять против своего противника. И вот однажды, когда человек на луне запыхался от этой встречи, последний сказал:

"Теперь тяжелыми ударами и упражнениями я наставил тебя на путь прекращения твоих проблем. Будь сильным и побеждай. Прощай! Я больше не приду, потому что я тебе больше не нужен.

Затем он улетел обратно на свое место на Луне.

Теперь мальчик, казалось, знал, что должен использовать свою силу для собственного освобождения. Чтобы проверить себя, он начал подбрасывать камни, которых было так много на берегу озера. Сначала он начал с совсем маленьких, но вскоре обнаружил, что может поднимать и разбрасывать очень большие, похожие на камни. Когда он вернулся после этого последнего состязания с человеком на Луне, уже почти рассвело.

"Сначала люди начали командовать им, как обычно. Но вскоре у них появились причины пожалеть о своей жестокости и издевательствах, потому что мальчик хватал их одного за другим и с такой силой швырял о камни, что у них выбивались мозги, а кровь ручьями стекала по склонам скал, где превращалась в трещины в скалах, которые можно увидеть и по сей день.

"Только одного человека из всех, кто жил в том доме, окрепший мальчик оставил в живых, и это была, конечно, добросердечная маленькая девочка, которая говорила ему добрые слова и подружилась с ним, когда могла.

"Они очень полюбили друг друга, а потом поженились и жили, полностью владея всем, что когда-то принадлежало жестоким людям, на которых маленький мальчик-сирота так долго работал".

"Ну, сакехоу, - сказал Сагастао, - я наблюдал за человеком на луне, пока ты рассказывал историю о его странном способе помогать мальчику самому себе, и он все время выглядел довольным. Поэтому я уверен, что он вполне удовлетворен тем, как вы рассказали эту историю".

Старушка Мэри была в восторге от этих слов из уст парня, которого она любила с такой страстной преданностью.

- Но что ты об этом думаешь, сестренка? - сказал парень, обращаясь к Миннехахе, которая свернулась калачиком по другую сторону от Мэри.

Но душечка ничего не ответила, потому что она давным-давно ускользнула в Страну Грез и оставалась там до тех пор, пока сильные руки Кеннеди не подняли ее из каноэ и не отнесли домой.

ГЛАВА XXIV.

Любовь Суванаса к Суванакенапеке—Как Нанахбужу вылечила Маленькую девочку, укушенную змеей—Откуда у Гремучей Змеи появилась погремушка—Происхождение табака—Нанахбужу в беде.

Вахкигун, как Суванас называл дом своих белых друзей, всегда оказывал Суванасу теплый прием. Маленькая Суванакенапеке научилась любить его, и ничто не доставляло серьезному старику большего удовольствия, чем часами заботиться о ней. Он часто уносил ее в свой вигвам и с большим восторгом объяснял приезжим индейцам, как его имя было связано с именем первого маленького бледнолицего, родившегося среди его народа.

Сагастао и Миннехаха, конечно, были рады видеть любовь старого вождя к их милой младшей сестре, но иногда проявляли некоторое нетерпение, когда обнаруживали, что он проведет с ней целый час, прежде чем они смогут вытянуть из него историю Нанахбужу.

"С вами все в порядке, - говорил он в своей сухой шутливой манере, - насколько это возможно; вы всего лишь кри", - добавлял он с улыбкой, имея в виду тот факт, что они родились среди индейцев кри дальше к северу. - "но Суванакенапеке лучше, потому что она чистокровная солто".

Это, конечно, заставило бы Сагастао и Миннехаху защищаться, поскольку в те дни их собственная гордость за происхождение заключалась в том, что они были индейцами кри. Верная старая Мэри, сама из племени кри, конечно, встала бы на их сторону, и было очень забавно — временами смехотворно — слушать эту многословную перебранку. В этих спорах Мэри всегда первой выходила из себя. Когда это случалось, наказанием было то, что дети набрасывали ей на голову шаль и таким образом заставляли ее замолчать. Из их любящих рук она спокойно приняла свое наказание и вскоре вернулась к добродушию. Затем добросердечный Суванас быстро откликнулся на просьбу рассказать историю. Но маленький Суванакенапеке, если он бодрствует, должен быть у него на руках, а если спит, то в маленьком гамаке или местной колыбели рядом с ним.

- Что будем делать сегодня? - спросил старик, когда дети, полные нетерпеливого ожидания, придвинули к нему пару стульев.

После некоторого обсуждения Суванас решил рассказать им историю Нанахбужу о том, как он уменьшил способность гремучих змей причинять вред.

Однажды Нанахбужу, отправляясь в путь из вигвама своей бабушки, переоделся прекрасным молодым охотником. Не успел он пройти и нескольких миль в своем путешествии, как наткнулся на маленькую палатку на опушке леса, где нашел молодую индейскую мать, полную горя по своему больному ребенку. Нанахбужу не мог не посочувствовать ей, особенно когда услышал ее рассказ о том, что змея бесшумно заползла в ее палатку и укусила ее маленькую девочку, пока она спала. Нанахбужу почувствовал такую жалость и к плачущей матери, и к укушенному ребенку, что однажды он взялся за дело, чтобы противодействовать печальным деяниям змеи. Он поспешно отправился в лес и, найдя там определенное растение, сказал: "С этого дня корень этого растения будет для всех людей средством от укусов змей".

Затем Нанахбужу показала матери, что корни нужно растолочь и приготовить напиток и припарку. Обрадованная мать быстро выполнила его указания, и вскоре маленькая девочка снова поправилась. С тех пор индейцы были очень благодарны Нанахбужу за то, что он рассказал им об этом растении, которое они до сих пор используют для подобных целей и которое они называют змеиным корнем. Нанахбужу оставался до тех пор, пока не увидел, что маленькая девочка совсем поправилась. Затем он сказал:

"Теперь я починю эту змею, чтобы она не смогла причинить столько вреда в будущем".

Затем, выходя, он поймал царя змей и устроил ему сильную взбучку за подлость того члена его семьи, который заполз в палатку матери-индианки и так жестоко укусил ту маленькую девочку, пока она спала. Тогда, очень рассердившись, так как Нанахбужу был очень вспыльчив, он сказал:

"Змеи, как и другие существа, имеют право на жизнь. У них есть свое место в мире и своя работа. Они должны уничтожать мышей, крыс, лягушек, жаб и других тварей, которых может стать слишком много. Им дают яды, чтобы защитить себя в случае нападения. Но они не имеют права идти и убивать или калечить тех, кто не причиняет им вреда. Я научу вас, змей, что в будущем вы не сможете так спокойно ползать и кусать невинных людей".

И он снял кусочек вампума с одной из ниток, которыми он украсил себя, и, тщательно вырезав твердые панцири, из которых делают вампум, Нанахбужу крепко прикрепил их к хвосту змеи и сказал:

"Пусть с этого дня и впредь все змеи, подобные тебе, будут носить на себе эти шумные погремушки, чтобы все люди называли вас гремучими змеями. И пусть так и будет, что ты никогда не сможешь двигаться, не производя шума с этими погремушками, чтобы люди всегда могли услышать их и, таким образом, подготовиться сразиться с тобой или убраться с твоего пути, прежде чем ты сможешь причинить какой-либо вред".

"Молодец, Нанахбужу!" - крикнул маленький Сагастао. "Он для меня. Но почему он не убил всех гремучих змей сразу?"

Суванас был, однако, слишком умен, чтобы попасться на попытке ответить на вопрос, который, хотя и был задан ребенком, был за пределами его понимания, поэтому он прибегнул к своему калумету, и когда дым от него начал портить воздух, Сагастао сказал: "Ну, Суванас, ты можешь рассказать нам, где вы, индейцы, впервые раздобыли свой табак?"

Этот вопрос больше пришелся по вкусу старому индейцу, поэтому, пока он курил, он рассказал о традиции употребления табака среди своего народа.

"Очень много зим назад, - сказал он, - когда Нанахбужу отправлялся в одно из своих долгих путешествий, он посетил страну с огромными высокими горами. Однажды, проходя мимо большой пропасти в горах, он увидел, как из нее медленно поднимается голубой дымок. Это возбудило его любопытство, и он пошел посмотреть, чем это вызвано. Когда он приблизился к нему, ему очень понравился его запах. При дальнейшем исследовании он обнаружил, что в большой пещере, из которой поднимался дым, жил великан, который был хранителем табака.

Нанахбужу, обыскав его, нашла его полусонным в этой пещере среди огромных тюков и мешков с табаком.

Запах табачного дыма так понравился Нанахбужу, что он попросил великана дать ему немного. Великан очень угрюмо отказался, сказав, что раздает только порции своим друзьям Мунеду, которые приходят раз в год покурить с ним.

Нанахбужу, видя, что такими мольбами он ничего не добьется, схватил один из туго набитых мешочков табака, выскочил с ним и убежал так быстро, как только мог. Огромный великан пришел в страшную ярость и немедленно бросился в погоню за этим опрометчивым парнем, который таким образом украл табак у него из-под самого носа.

"Это была страшная гонка. Нанахбужу приходилось перепрыгивать с одной горной вершины на другую, и так далее, с вершины на вершину. Вплотную за ним следовал великан, и Нанахбужу делал все, что мог, чтобы не попасть в плен. К счастью для него, теперь он хорошо знал горы и помнил одну из них впереди, противоположная сторона которой была очень крутой. Добравшись до этой вершины, он внезапно бросился вниз, на самый край, и когда великан проходил над ним, Нанахбужу внезапно вскочил и так толкнул его, что он рухнул в страшную пропасть. Он был так избит и изранен, что, когда он встал и заковылял прочь по далекой долине, Нанахбужу, наблюдавшая за ним, увидела, что он выглядит точь-в-точь как большой кузнецик. Он расхохотался, а затем крикнул великану:

"За твою подлость и эгоизм я превращу тебя в кузнецика; твое имя будет Пукане, и у тебя всегда будет грязный рот".

"И так происходит по сей день, потому что каждый маленький мальчик, поймавший кузнециков, знает, что их слюна такая, как будто они жевали табак.

"Когда Нанахбужу немного отдохнул, он вернулся в пещеру великана и завладел большим количеством табака, которое нашел там. Он разделил его между индейскими племенами, и с тех пор те, кто живет там, где оно будет расти, выращивали его и снабжали им все остальные".

"Жаль, - сказала Миннехаха, - что Нанахбужу не оставила Пукане и его табак в пещере, потому что я не думаю, что табачный дым очень приятен в доме".

Nanahboozhoo gave him a great push.

Суванаса позабавило неприятие маленькой девочкой его любимой травки, и пока она говорила, он воспользовался возможностью, чтобы снова наполнить свой "калумет". Когда все было накурено, он, по настоятельной просьбе Сагастао, возобновил свой рассказ.

"Иногда у Нанахбужу все шло не так хорошо. Бывали моменты, когда его сообразительность, казалось, покидала его, и он попадал в неприятности, которых в другое время легко избежал бы. Например, однажды летним днем, когда он спешил, ему очень захотелось пить. Однако вскоре он подошел к реке, на берегах которой росло много деревьев. Он пробирался сквозь них, пока не выбрался на берег. Как раз в тот момент, когда он наклонился, чтобы напиться, он увидел в воде какие-то вкусные спелые фрукты. Казалось, не задумываясь о том, что делает, он нырнул в довольно мелкую воду, чтобы достать фрукт, ударился головой о каменистое дно и довольно сильно ушибся. Он был раздосадован и разгневан, а также разочарован, но сделал хороший глоток воды, а затем лег на траву в тени деревьев, чтобы отдохнуть. Лежа на спине, он увидел над собой на ветвях деревьев плоды, которые, как он сначала подумал, были в воде.

Посмеявшись над собственной глупостью и забравшись на деревья, он вскоре съел все спелые фрукты, которые смог съесть.

Затем он пошел дальше, и так как его голова сильно болела от ушиба, который он получил, ныряя в мелководную реку, он решил посетить несколько вигвамов, которые увидел невдалеке.

"Люди приняли его очень любезно, за исключением одного угрюмого, сердитого старика. Они быстро приготовили немного бальзама и приложили его к его раненой голове.

Нанахбужу был очень доволен такой добротой и сказал, что был бы рад совершить для них какое-нибудь доброе дело взамен.

Однако прежде чем кто-либо еще успел заговорить, сердитый старик усмехнулся:

"О, если ты считаешь себя достаточно умным, чтобы что-то сделать, даруй мне жить вечно!"

Эта просьба и насмешливый тон, с которым она была высказана, привели вспыльчивого Нанахбужу в ярость, и он внезапно вскочил, схватил индейца за плечи и, яростно швырнув его на землю, сказал:

- "С этого времени ты станешь камнем, и поэтому твоя просьба будет удовлетворена".

ГЛАВА XXV.

Мертвый лось —Соперничество между Лосями и Лосиным народом и их различные Состязания—Бедствие, постигшее Последнее племя —Дымка Бабьего лета.

Вид четырех дюжих индейцев, тащивших на собачьих упряжках тело огромного лося по льду перед своим домом, очень заинтересовал детей.

Ничего не поделаешь, но их нужно завернуть и позволить им выйти и осмотреть это, пока мужчины отдыхают и перекуривают. Его огромные рога, огромная уродливая голова, а затем и грубые, похожие на щетину волосы - все это требовало изучения и комментариев.

Своевременное прибытие Суванаса, которого привлек вид лося, очень обрадовало детей, и как только исследование лося было закончено и охотники продолжили свое путешествие, дети настояли на том, чтобы Суванас поехал с ними домой в Вахкигун и рассказал им что-нибудь о лосе. Они также хотели услышать замечательную историю, которую он знал, рассказывающую о том, как Нанахбужу помогла лосям победить лосят.

Когда есть склонность сдаваться, нас легко победить. Так было и с Суванасом в этом случае. Дети в своей любви к своему другу так настойчиво умоляли, чтобы для него была приготовлена чашка хорошего чая, которой он с удовольствием наслаждался, прежде чем начать свой рассказ, окружив заинтересованных слушателей как можно ближе.

"Однажды, когда Нанахбужу путешествовал по стране, - сказал Суванас, - он нашел деревню очень бедных индейцев. Их называли оомаскос, люди лося. На них не было ничего, кроме самых бедных одежд, и они были почти лишены всего в виде капканов, оружия и каноэ. В деревне царила странная тишина, потому что даже собаки, которые обычно водятся здесь в таком количестве, исчезли. Когда Нанахбужу увидел эту нужду, он сразу же поинтересовался причиной и был удивлен и очень разгневан, услышав, что они были великими игроками.

Недалеко от них была другая деревня, жители которой назывались Мусва, или люди-лоси, и Нанахбужу вскоре выяснила, что, хотя жители этих двух деревень были настроены враждебно друг к другу, они часто встречались, чтобы сыграть в азартные игры, и что люди-лоси почти всегда были успешны и выиграли у людей-лосей почти все, что у них было. Последние были очень унижены тем, что Нанахбужу застал их в таком плачевном состоянии, но они сказали ему, что убеждены, что их противники применили к ним какой-то обман. Они также сообщили Нанахбужу, что были бы рады, если бы он помог им вернуть их столь необходимые вещи.

Нанахбужу пообещал, что поможет им при условии, что после возвращения их имущества они откажутся от пагубной привычки играть в азартные игры. Это они единогласно пообещали сделать. Первое, что сделал Нанахбужу, это замаскировался под торговца виски и полетел в деревню народа Лося, чтобы попытаться выяснить, как получилось, что они так неизменно добивались успеха, играя с народом Лося. Все было так, как он и подозревал. Его старые враги анамакки, злые духи, уничтожившие его брата Нахпути, волка, послали одного из своих людей к народу Лося, и он позволил им отвоевать у народа Лося почти всех собак, а также другие вещи. Действительно, он сам, как правило, бросал сливовые косточки, на которые они играли, и они выигрывали благодаря его магической силе.

"Когда Нанахбужу услышал это, он понял, что его первой работой должно быть сохранение волшебного мускамута (аптечки). Поэтому он летал круг за кругом и, заглянув через верхушку вигвама, где жерди перекрещивались друг с другом, ему посчастливилось увидеть волшебный мешок, подвешенный на поперечном шесте над тем местом, где спал анамакки. Он также заметил, что оно хорошо охранялось и что с его стороны потребовалась бы некоторая сообразительность, чтобы заполнить его.

"Нанахбужу был, как вы знаете, очень умным парнем. Он быстро полетел обратно в деревню народа Лося и приказал самой трудолюбивой из женщин, которые были искусны в изготовлении мешочков для костра, сделать один в точности такой, как он описал. Это было, конечно, похоже на волшебный мускамут, который он видел висящим в палатке.

Затем Нанахбужу положила в него вещи, которые произвели бы эффект, прямо противоположный тому, что было в сумке Анамакки. Он дождался темноты, а затем, бесшумно полетев обратно в деревню народа Лося, бесшумно проник в вигвам наверху, где теперь было широкое отверстие, как это было в теплое летнее время, очень быстро обменял сумку, которая была у него с собой, на волшебный мускамут, и вернулся в деревню народа Лося. Ему не потребовалось много времени, чтобы привести в порядок свои планы. У вождя лосей была красивая дочь, и стало известно, что прекрасный молодой вождь из далекого племени пришел просить ее руки. Отец приветствовал этого молодого вождя — которым, конечно же, был Нанахбужу, — и поскольку он принес дорогие подарки, его сразу признали принятым зятем.

Новость распространилась быстро, и вскоре она достигла деревни Лосей. Когда они услышали о множестве подарков, которые привез с собой этот богатый молодой незнакомец, они, конечно, загорелись желанием заполучить их, как они заполучили остальную собственность Лосей. Прошло не так много дней, прежде чем их компания подошла к Лосям и, встретив прекрасную дочь вождя, они сказали:

- Мы пришли поиграть в "сливовые косточки" с вашим возлюбленным, посмотреть, играет ли он лучше нас.

Девушка сразу же пошла в вигвам и сообщила своему предполагаемому мужу, Нанахбужу, о вызове этих людей. Она также сказала ему, что они очень умны, но понятия не имеют, что он может быть кем-то иным, кроме того, кем кажется. Затем она добавила:

"Будь уверен в победе; если ты этого не сделаешь, они побьют нас дубинками. Ибо обычай таков, что сторона, потерпевшая поражение в азартной игре, должна подвергнуться избиению со стороны победителей".

Затем Нанахбужу и чемпион народа Лося сели по разные стороны чаши, в которой были сливовые косточки, в то время как жители каждой из двух деревень встали позади своего чемпиона. Когда Нанахбужу встряхнул миску, а затем позволил сливовым косточкам перестать кататься, было видно, что он выиграл все очко. При этих словах лоси издали громкий крик триумфа. Люди-лоси крикнули в ответ:

"Не торопись; игра заключается в том, чтобы выиграть три лучших матча из пяти; просто подожди, пока наш человек сыграет".

Затем ему вручили сливовые косточки, и, похлопав по своей аптечке, он уверенно встряхнул их, но когда они перестали кататься, стало видно, что он потерял все очки.

Теперь победа была так близка, что Лоси начали говорить:

-Приготовьте свои дубинки, чтобы поколотить людей-лосей, потому что в этот день мы наверняка станем победителями.

Однако люди-лоси были еще не совсем обескуражены. "Есть еще три попытки, - сказали они, - и наш человек еще может победить". Но их надежды вскоре развеялись, потому что, когда Нанахбужу бросил сливовые косточки в третий раз, он добился такого же успеха, как и в первый.

Это решило исход игры в пользу Лосей, которые теперь набросились на людей-лосей и гнали их всю дорогу до их собственной деревни.

"Лоси были очень сильно унижены этим поражением. Они не только получили хорошую взбучку, но и, согласно обычаю племен, были вынуждены вернуть большую часть имущества, отвоеванного у Лосей в своих предыдущих состязаниях. Вскоре после этого был созван совет, и среди них разгорелась бурная дискуссия относительно наилучшего плана, который следует принять, чтобы победить Лосей и вернуть себе господство. Они решились на пробу сил, поскольку в подобных столкновениях они, как правило, одерживали победу. Они установили два высоких шеста с перекладиной наверху, и соревнование состояло в том, какая сторона сможет выставить человека, который перебросит через эту перекладину самый тяжелый камень. Они послали свой вызов Лосям, чтобы те встретились с ними, если осмелятся.

Лоси быстро отреагировали и вскоре были у того места, где ожидавшие их люди-лоси установили высокие шесты с перекладиной. Когда все было устроено, их самый сильный мужчина поднял тяжелый камень и, приложив огромное усилие, едва сумел бросить его, так что он ударился о перекладину и опустился на землю. Когда перекладина была установлена на место, сын вождя Лосей вышел вперед, как будто ему предстояло выступить на стороне Лосей. Он притворился, что не может даже поднять тяжелый камень, который бросил чемпион Лосей. Когда люди-лоси увидели это, они торжествующе закричали и начали готовиться задать Лосям такую же хорошую взбучку, какую получили от них в прошлый раз.

Увидев, что они приближаются, Нанахбужу бросился вперед, схватил тяжелый камень и запустил его высоко над верхушками шестов — таким образом, Лоси снова одержали победу. С торжествующим криком Лоси снова напали на Лосей и с позором прогнали их обратно в их собственную деревню. Теперь лосиный народ был унижен больше, чем когда-либо, но они решили попробовать другой план; ибо они были полны решимости не сдаваться Лосям, которых они так часто побеждали. После долгих консультаций они сказали:

- Давайте устроим соревнование по нырянию в озере, чтобы посмотреть, сможет ли наш чемпион оставаться под водой дольше, чем любой из Лосей.

Тогда они отправились в деревню Лосей и сказали им, что пришли, чтобы устроить с ними еще одно состязание. На предложение Лося все Лоси согласились, и обе стороны направились к озеру. Здесь во льду была прорублена большая дыра, и чемпион Лось приготовился спуститься в воду. Один из братьев прекрасной индианки, которая была выбрана в невесты Нанахбужу, сказал Нанахбужу:

"Поскольку наши тела крепче твоих, ты должен позволить мне соревноваться на этот раз".

Нанахбужу не позволила ему этого сделать. Он сказал:

- Я не боюсь холодной воды, и, кроме того, у меня там, внизу, полно друзей.

И, конечно же, грязевая черепаха подошла и сказала словами, которые могла понять только Нанахбужу:

"Брат мой, я пришел сюда по просьбе твоего брата, волка, чтобы помочь тебе. Доверься моей заботе, и тебе не причинят вреда.

Нанахбужу был очень рад это слышать, поскольку знал, что его духовный брат послал своего друга глиняную черепаху помочь ему в этом испытании.

Теперь участники разделись, и когда был подан сигнал, они оба нырнули в воду и исчезли. "Лосиный народ" был так уверен в своем чемпионе, что все они захватили с собой очень тяжелые палки, которыми намеревались хорошенько поколотить Лосей в обмен на два предыдущих поражения.

Однако лоси не испугались. Они только сказали:

"Просто подождите, пока не будет принято решение о конкурсе".

Тем временем соперники под водой поначалу были так близко друг к другу, что люди на суше слышали, как Лось спросил: "Лось, тебе холодно?" На что грязевая черепаха, которая накрыла соперника Лося своим панцирем, ответила:

-Нет, Муз, но тебе не холодно?

Поскольку люди на берегу не могли услышать никакого ответа на этот вопрос, это вызвало у народа Лосей некоторую тревогу за своего чемпиона, который, как они опасались, окоченел от холода. Так оно и было на самом деле, потому что за короткое время он вынырнул на поверхность воды настолько замерзшим, что ему пришлось помогать выбираться из воды.

Когда грязевая черепаха и Нанахбужу слышали торжествующие крики Лосей, они поняли, что чемпион Лось потерпел неудачу, и поэтому они вынырнули на поверхность. Нанахбужу выплыла на берег и присоединилась к преследованию обескураженных людей-лосей, которые снова потерпели столь явную неудачу.

Эти неоднократные поражения очень сильно разозлили и унизили народ Лосей. Они чуть не поссорились между собой от досады, обсуждая их на своих советах. И все же они были не в том настроении, чтобы сдаваться. Среди них было двое очень быстрых бегунов, и они решили

бросить вызов лосям в пешем забеге. Поэтому они снова послали часть своего отряда к палатке народа Лося и сказали:

- "Мы еще не совсем удовлетворены и хотим знать, смогут ли сын вождя и его шурин, молодой незнакомец, оказавшийся среди вас, состязаться в беге наперегонки с двумя нашими молодыми людьми".

"Этот вызов был немедленно принят, и вскоре были сделаны все приготовления к великой гонке. Было решено, что трасса пройдет по льду замерзшего озера, которое имело несколько миль в окружности. Выпало много снега, но люди с обеих сторон работали несколько дней и расчистили хорошую трассу. Они сделали это недалеко от берега, причем так, чтобы место финиша было недалеко от того места, где была отправная точка.

"На этот раз Лоси были совершенно уверены в победе, потому что с помощью их магии их бегуны должны были превратиться в настоящих Лосей с четырьмя ногами, и они утверждали, что бегуны с четырьмя ногами наверняка смогут победить тех, у кого их всего две. Но были и другие, кто слышал об этой великой гонке, и среди них был волк, духовный брат Нанахбужу, и поэтому он пришел к нему в ночь перед гонкой.

"Брат мой, - сказал он, - я приду и помогу тебе в этой гонке. Ты единственный, кто может видеть меня, поэтому я буду на трассе, примерно на полпути, и когда ты приедешь туда, ты сможешь забраться мне на спину, и я понесу тебя с большей скоростью. Но вы должны двигаться так, как будто быстро бежите, иначе люди заподозрят что-то необычное.

"Собралась огромная толпа, чтобы увидеть эту гонку между двумя огромными Лосями, представляющими народ Лосей, и сыном вождя и его неизвестным шурином, представляющими Лосей. Когда был подан сигнал, они двинулись по обледенелой тропе. Вскоре лоси были впереди, а сын вождя не сильно отставал. Нанахбужу намеренно держалась немного сзади и поэтому смогла запрыгнуть волку на спину, не привлекая внимания.

С этим скакуном под началом он мчался с поразительной быстротой. На середине дистанции он обогнал своего шурина и, протянув ему руку, вскоре они были далеко впереди. Когда они

вырвались вперед, царило большое волнение. Вскоре люди-лоси уже бежали обратно в свою деревню, а Лоси били их плетью до самых дверей их вигвамов.

После этого Лоси не осмеливались вызывать Лосей на дальнейшее состязание, но они были так разъярены, что в сердцах замыслили убийство молодого незнакомца, который, как они теперь видели, был причиной их многочисленных поражений. Нанахбужу, однако, легко сорвал их злые замыслы, но в конце концов некоторые из них оказались настолько плохими, что в нем пробудился гнев, и он применил всю свою магическую силу.

"Вас зовут Лоси, - сказал он им, - и за ваши плохие поступки я превращаю вас в животных, в честь которых вы названы. Отныне ты будешь жить на болотах, среди ив и молодых берез. На них тебе придется добывать пропитание. Чтобы немного разнообразить свою пищу, ты можешь летом выйти на мелководье, поковырять лапами огромные корни водяных лилий и съесть их.

Таким образом, у Лосей снова воцарились мир и тишина. Азартные игры среди них больше не были разрешены, и Нанахбужу, получив их благодарность, вернулся в свою страну".

- Что он сделал после этого? - спросил Сагастао.

- Какое-то время не очень, но через некоторое время он решил уехать на Север. Однако каждую осень он приезжает и осматривается, чтобы посмотреть, как все идет. Затем он отдыхает где-нибудь в горах и выпускает большой дым, который оседает на склонах холмов и в долинах и создает прекрасное туманное время, которое мы все называем Бабым летом".

"Что ж, - сказал Миннехаха, - если дым большой трубки мира Нанахбужу создает прекрасную дымку прекрасного бабьего лета, то это, пожалуй, лучшее, что я когда-либо слышал о табачном дыме".

И так говорим мы все.

Глоссарий

Ана-мак-куи, *злые духи или колдуны.*

Ан-нун-ги-ти, *призрак с большими ушами.*

Джа-коос, *сильнорукий.*

Кече-Вапуз, *Большой Кролик.*

Кин-не-са-сестренка, *Маленькая рыбка.*

Кош-ке-и-ва-си, *Куропатка.*

Ма-хей-ган, *Волк.*

Мани-боос, или Маниту, или Мунеду, *Духи.*

Я буду сиять, *Красные Ивы.*

Минне-ха-ха, *Смеющиеся Воды.*

Мис-та-ку-сис, *Осина.*

Мис-мис, *дедушка*.

Моос-ва, *Лось*.

Му-ши-кин-не-бик, *Морское чудовище*.

Мускус спорный, *Аптечка*.

Мад-джи-ки-уис, *западный ветер*.

На-на-буз-ху, *Сын Мад-джи-ки-уис—Западного Ветра*.

Не-пу-ти, *Волк*.

Ни-ку-чис, *Одиночество — имя великана*.

Нокомис, *бабушка*.

Оме-ми, *Голубь или Горлица*.

У-кис-ки-му-ни-сев, *Зимородок*.

О-до-встречи, *Младший*.

Се-си-гиз-ит, *Старший*.

Па-пе-пе-на-сес, *смеющаяся птица*.

Паг-а-ма-кон, *Молоток*.

Пук-ан-э, *Кузнечик*.

Са-гас-та-у-ке-моу, *сокращенно Сагастао, Джентльмен Восхода*.

Са-ке-хау, *Возлюбленный*.

Се-се-паск-вут, *Сахар*.

Сис-тин-а-ку, *волшебница, охранявшая огонь в недрах земли*.

Шу-ни-оу, *Деньги*.

Так себе, *Стойкий*.

Су-ва-нас, *Южный Ветер, великий рассказчик*.

Су-ва-на-ке-на-пеке, *Голос птиц Южного Ветра*.

Ва-ки-и-ган, *Дом*.

Вау-бе-ну, *Восток*.

Ваконда, *Сверхъестественная Личность*.

Ваконтас, *Сын Ваконды*.

Wau-konug, *Lichen*. *Венонах, дочь Нокомиса и мать Нанахбужу*.